

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2023. Том 42, № 3

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2023. Том 42, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)
Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Национального государственного университета Физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 20,8. Дата выхода 30.09.2023. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 399 **Авакова Э.Б., Кузнецов А.А.**
Медиаграмотность в формировании профессиональной компетентности будущего PR-специалиста
- 410 **Глушкова В.Г., Полонский А.В., Зарицкий В.Д., Андриевская Г.П.**
СМИ о «перекрестках культуры»: слово и музыка
- 422 **Кононова Е.И., Короченский А.П.**
К вопросу о классификации современных медиасистем
- 429 **Романова А.Н.**
Организация общественного диалога: проблемы взаимодействия журналистов с пресс-службами органов власти

ПЕДАГОГИКА

- 441 **Володько О.М.**
Педагогическая подготовка будущих менеджеров к защите от информационного стресса
- 449 **Гулов А.П.**
Олимпиады по педагогике для школьников: необходимость или утопия?
- 459 **Ноздрачева Т.М., Щеглова Т.М.**
Цифровые технологии в формировании информационно-профессиональной компетентности специалиста легкой промышленности
- 474 **Шкуров А.Ю.**
Проблемы подготовки членов школьных управляющих советов

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 486 **Гогичев Ч.Г.**
Признаки идентификатора категории и способы его трансформации
- 505 **Buzinova L.M., Voloshina T.G., Parnikova T.V., Chernova O.O.**
Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography
- 515 **Жигулина Т.С.**
Идиостилевая специфика публицистического текста (на материале периодических изданий НИУ «БелГУ»)
- 523 **Kosharnaya S.A., Karimullah R.**
Features of Bilingualism in the Era of Globalization: Theoretical Aspect
- 531 **Ковальцова Е.В., Кошарная С.А.**
Социолингвистическая специфика английского языка в Южной Африке
- 537 **Кузьмина О.В., Телегина В.А., Ломоносова Ю.Е.**
Вторичные номинации политиков в аксиологическом поле французского медиадискурса
- 546 **Оганесян А.О.**
Актуализация понятия fiesta в современных испаноязычных массмедиа
- 556 **Позднякова Е.Ю.**
О дискурсивной природе имени собственного
- 566 **Стрельцов А.А.**
Вариативность перевода художественного текста (на примере переводов романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык)
- 576 **Тисленкова И.А.**
Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности
- 585 **Чекулай И.В., Кучмистый В.А., Шустов Д.В., Прохоров Н.А.**
Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2023. Volume 42, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PVIHL).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Korochemsky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

(Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg, Russia)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University. named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭП № ФС 77-77958 or 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 20,8. Date of publishing 30.09.2023. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 399 **Avakova E.B., Kuznetsov A.A.**
Media Literacy in the Formation of Professional Competence of Future PR Specialist
- 410 **Glushkova V.G., Polonskiy A.V., Zaritskiy V.D., Andriyevskaya G.P.**
Mass Media About "Crossroads of Culture": Word and Music
- 422 **Kononova E.I., Korochensky A.P.**
Concerning to the Problem of the Classification of Modern Media Systems
- 429 **Romanova A.N.**
Organization of Public Dialogue: Problems of Interaction of Journalists with the Press Services of the Authorities

PEDAGOGICS

- 441 **Volodko O.M.**
Pedagogical Training for Future Managers to Protection from Information Stress
- 449 **Gulov A.P.**
Pedagogy Olympiads for Schoolchildren: Necessity or Utopia?
- 459 **Nozdracheva T.M., Shcheglova T.M.**
Digital Technologies in the Formation of Information and Professional Light Industry Specialist Competence
- 474 **Shkurov A.Yu.**
The School Governing Council's Members Training' Problems

LINGUISTICS

- 486 **Gogichev Ch.G.**
The Category Identifier and Ways of its Transformation
- 505 **Buzinova L.M., Voloshina T.G., Parnikova T.V., Chernova O.O.**
Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography
- 515 **Zhigulina T.S.**
Idiostyle Specifics of a Journalistic Text (Based on the Material of the Newspaper NRU "BelSU")
- 523 **Kosharnaya S.A., Karimullah R.**
Features of Bilingualism in the Era of Globalization: Theoretical Aspect
- 531 **Kovaltsova E.V., Kosharnaya S.A.**
The Sociolinguistic Specifics of English in South Africa
- 537 **Kuzmina O.V., Telegina V.A., Lomonosova J.E.**
Secondary Nominations of Politicians in the Axiological Field of French Media Discourse
- 546 **Oganesyan O.A.**
Actualization of the Notion "Fiesta" in Current Spanish-language Mass Media
- 556 **Pozdnyakova E.Yu.**
On the Discursive Nature of the Proper Name
- 566 **Streltsov A.A.**
Variation of a Fiction Text Transfer (On the Example of Translations of M. Twain's Novel "The Adventures of Huckleberry Finn" into Russian)
- 576 **Tislenkova I.A.**
Self-presentation As the Constitutive Sign of Communicative Demonstrativeness
- 585 **Chekulai I.V., Kuchmistyy V.A., Shustov D.V., Prokhorov N.A.**
Linguocultural Type "Trickster" As a of the Study of the Phenomenon of Linguistic Personality

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 316.77; 659; 378.14

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409

Медиаграмотность в формировании профессиональной компетентности будущего PR-специалиста

^{1, 2} Авакова Э.Б., ² Кузнецов А.А.

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;

² Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18
elina_avakova@mail.ru; artsmith@inbox.ru

Аннотация. Необходимость изучения уровня медиаграмотности будущих специалистов различной профессиональной направленности продиктована стремительным развитием информационного общества и непрерывно возрастающей сложностью взаимодействия индивида с информацией в условиях ее противоречивости, недостоверности, недостаточности или переизбытка, что может приводить к неэффективности этого взаимодействия. Несмотря на многочисленность публикаций по вопросам медиаграмотности, представляется недостаточным изучение уровня медиаграмотности в контексте формирования профессиональной компетентности PR-специалистов. Целью исследования является определение уровня медиаграмотности студентов направления «Реклама и связи с общественностью» как будущих специалистов сфер деятельности, в которых медиаграмотность является одним из основополагающих факторов формирования профессиональной компетентности. Авторами проведено социологическое исследование, результаты которого позволили сделать выводы относительно того, каким образом студенты воспринимают информацию, анализируют и реагируют на нее, насколько они осведомлены о манипулятивных приемах при подаче информации и признаках фейковой информации и, соответственно, позволили сформулировать рекомендации по повышению уровня медиаграмотности будущих PR-специалистов.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, информационное общество, информационная грамотность, молодежь, социологическое исследование, студенты, связи с общественностью

Для цитирования: Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. 2023. Медиаграмотность в формировании профессиональной компетентности будущего PR-специалиста. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 399–409. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409

Media Literacy in the Formation of Professional Competence of Future PR Specialist

^{1, 2} Elina B. Avakova, ² Artem A. Kuznetsov

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 Polytechnicheskaya St, St. Petersburg 195251, Russia;

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St, St. Petersburg 191186, Russia
elina_avakova@mail.ru; artsmith@inbox.ru

Abstract. The information society has actualized the need for the formation and development of media literacy. Media literacy is an important competence of every modern person, regardless of age, level of

education, social status and professional field of activity, it's necessary in conditions of increasing complexity of the interaction of an individual with information. At the same time, media literacy is especially important for those who will be engaged in information and communication activities as a professional in the future. Despite the numerous publications devoted to the media literacy, it seems insufficient to study the level of media literacy in the context of the formation of professional competence of PR specialists. The purpose of the study is to determine the level of media literacy of students of the area of training "Advertising and public Relations". The authors conducted a sociological study in order to find out the level of media literacy of students. The survey results allowed to draw conclusions about student behavior in the perception of information, analysis and reaction to it, about their awareness of manipulative techniques when submitting information and signs of fake information. The authors also formulated recommendations for improving the level of media literacy of future PR specialists.

Keywords: media education, media literacy, information society, information literacy, youth, sociological research, students, public relations

For citation: Avakova E.B., Kuznetsov A.A. 2023. Media Literacy in the Formation of Professional Competence of Future PR Specialist. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 399–409 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409

Введение

Информационное общество целесообразно рассматривать, с одной стороны, с точки зрения его преимуществ, таких как возможность доступа к большому объему информации, быстрый обмен информацией, контент различного тематического содержания и прочее. С другой же стороны, высокими темпами растут и многочисленные угрозы, которые может нести в себе информация как для отдельного человека, так и для общества в целом. Нарастающий, сложно контролируемый глобальный информационный поток и усложнение структуры информационного пространства неизбежно оказывают влияние на трансформацию общественного сознания и общественного мнения, затрагивают социокультурную сферу общества. Это может стать источником серьезных этических проблем и противоречий среди молодежи [Мрочко и др., 2018].

В ответ на сложившуюся проблемную ситуацию в современном мире естественной реакцией общественных институтов стала актуализация необходимости формирования в обществе совокупности особых навыков и умений, представляющих собой медиаграмотность. Актуальность формирования медиаграмотной личности подтверждается на государственном уровне. В апреле 2022 г. на заседании Наблюдательного совета платформы «Россия – страна возможностей» Президент России В.В. Путин поддержал инициативу о включении уроков медиаграмотности в школьную программу, их целью является формирование у подростков критического мышления, а также так называемого иммунитета к манипуляциям¹.

Для развития медиаграмотности в настоящее время реализуются проекты различных масштабов, проводятся научные и практические мероприятия, среди которых, например, проект «Медиаграмотность в сети», запущенный в сентябре 2022 г.², открытие в Краснодаре в июне 2023 г. первой специальной школы медиаграмотности³. Обе инициативы имеют целью повышение уровня цифровой грамотности населения, формирование критического мышления и профилактику угроз в сети. Новым практикам по

¹ Владимир Путин поддержал инициативу участницы конкурса «Флагманы образования» о включении уроков медиаграмотности в школьную программу. 2022. Россия — страна возможностей, 20 апреля 2022 г. URL: <https://rsv.ru/news/1/3825> (дата обращения: 23.06.2023).

² «Медиаграмотность в сети» – новый масштабный проект Лиги безопасного Интернета. 2022. Лига безопасного Интернета, 15 сентября 2022 г. URL: <https://ligainternet.ru/mediagramostnost-v-seti-novyj-masshtabnyj-proekt-ligi-bezopasnogo-interneta> (дата обращения: 29.06.2023).

³ Первую в России Школу Медиаграмотности открыли в Краснодаре. 2023. Кубанские новости, 28 июня 2023 г. URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/06/28/pervuyu-v-rossii-shkolu-mediagramotnosti-otkryli-v-krasnodare> (дата обращения: 6.07.2023).

развитию медиаграмотности был посвящен круглый стол факультета журналистики МГУ, состоявшийся в июне 2023 г., где участники обсуждали вопросы раннего обеспечения информационной безопасности молодежи, развития навыков распознавания манипулятивного контента и умений разделять потребляемую информацию¹.

Формирование и развитие у личности компетенций, связанных с медиаграмотностью, представляется важным независимо от возраста, уровня образования, социального положения и профессиональной сферы деятельности. Для успешной социальной коммуникации необходимы знания о том, по каким законам существует информационное пространство, как в нем появляется и курсирует информация, а также навыки грамотного анализа происходящих событий. Происходящие трансформации коммуникации в современном мире, изменения характера и содержания социальных связей в обществе меняют, а вернее сказать, повышают требования к компетенциям выпускников, которые пополняют ряды профессионального сообщества [Авакова, Пулькина, 2022]. При этом особое внимание, на наш взгляд, должно уделяться тем, кто будет в скором будущем на профессиональном уровне участвовать в наполнении информационного пространства и формировании новой общественной повестки, а именно студентам, обучающимся по направлениям подготовки, связанным с медиакоммуникациями, журналистикой, рекламой и связями с общественностью, для которых медиаграмотность – один из основополагающих факторов формирования профессиональной компетентности. Их личностное и профессиональное становление происходит под давлением больших информационных потоков, которые могут содержательно противоречить друг другу, в атмосфере активного распространения заведомо недостоверной информации, снижения уровня качества контента, возрастающего недоверия аудитории, что, в свою очередь, может приводить к риску деформации системы ценностных установок и ориентиров при восприятии подобных информационных фейков и способно негативно сказываться на личностной и профессиональной культуре, приводить к профессиональному выгоранию.

Некоторые исследователи отмечают, что сегодня в научной и профессиональной среде доминирует критическая оценка уровня подготовки будущих журналистов, рекламистов и специалистов по связям с общественностью [Смеюха, Армаш, 2022]. Так, например, площадкой для обсуждения проблемы подготовки профессионалов, создающих контент и формирующих цифровую среду российского общества, стала одна из сессий, собравшая экспертное сообщество на прошедшем в июне 2023 г. Петербургском Международном Экономическом Форуме. В рамках круглого стола обсуждались вопросы повышения качества содержательной подготовки специалистов, участвующих в формировании современной информационной среды, способных обеспечить высокое качество контента, умеющих быстро реагировать на стремительные изменения, а также меры регуляции работы медиапрофессионалов, готовых нести ответственность за то влияние, которое они оказывают своей деятельностью на аудиторию².

Вслед за другими исследователями согласимся, что медиаграмотность представляет собой результат медиаобразования, направленный на развитие культуры общения со средствами массовой информации, креативности, коммуникативных навыков, критического мышления, восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучение различным формам самовыражения с помощью медиатехнологий [Fedorov, Levitskaya, 2017].

Само понятие медиаграмотности не является новым, оно было введено в научный оборот еще в 60-х годах XX в. [Carlsson, 2019]. Медиаграмотность была и остается

¹ Макарова В. 2023. Круглый стол факультета журналистики МГУ и РАО: новые инициативы по развитию медиаграмотности. Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 24 июня 2023 г. URL: <https://www.journ.msu.ru/about/news/40848/> (дата обращения: 6.07.2023).

² Медиаобразование как доминирующий фактор в сфере формирования системы ценностей современного общества обсудили в рамках ПМЭФ. 2023. Россия — страна возможностей, 17 июня 2023 г. URL: <https://rsv.ru/news/1/5499> (дата обращения: 19.06.2023).

предметным полем исследований для педагогов, психологов, политологов, социологов и др. ученых. Анализ научной литературы показал наличие исследований, посвященных вопросам истории, теории и методики медиаобразования [Федоров, 2013; Лапин, 2020], ключевым проблемам, связанным с повышением медиаграмотности населения как важнейшим условием преодоления цифрового неравенства в обществе [Вартанова, 2021], разработке моделей политической коммуникации с акцентом на медиаграмотность [Вуков, Medvedeva, 2019], изучению уровня медиаграмотности студентов-журналистов, способам ее формирования и развития [Авдонина, Зайцева, 2022; Наговицина, 2022; Донских, 2021], медийно-информационной грамотности молодых преподавателей педагогических университетов [Жилавская, 2019] и др.

Вместе с тем, несмотря на многочисленность публикаций по вопросам медиаграмотности, представляется недостаточным изучение уровня медиаграмотности в контексте формирования профессиональной компетентности будущих PR-специалистов. Например, несмотря на сложившееся среди некоторых исследователей мнение о том, что молодежь в достаточной мере владеет навыками формирования и фильтрации контента [Palfrey, Gasser, 2008], в усложняющихся информационных потоках молодые люди не всегда знают, где искать ответы на возникающие у них вопросы, как грамотно отбирать значимые типы информации, оценивать ее полезность [Strogetskaia et al., 2022].

Целью исследования является определение уровня медиаграмотности у студентов направления «Реклама и связи с общественностью» (Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна), а также формулирование рекомендаций по его повышению.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает медиаграмотность студентов, обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью».

Для достижения поставленной цели авторы использовали комплекс научных методов. При работе с теоретическими источниками применялись методы анализа и синтеза. В качестве эмпирического был использован метод опроса (анкетирование). Описательный метод позволил произвести процедуру сбора информации, ее обработку и систематизацию. Сравнительный метод позволил сопоставить результаты с другими исследованиями по схожей тематике.

Результаты и их обсуждение

Авторами было проведено разведывательное социологическое исследование медиаграмотности студентов направления «Реклама и связи с общественностью» (с июня по июль 2023 г.), в котором приняло участие 96 респондентов в возрасте от 18 до 26 лет. Анкета распространялась среди студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

В рамках предпринятого исследования медиаграмотности авторы ставили задачу проанализировать практики поведения респондентов как потребителей информации. Анализ подходов будущих PR-специалистов к генерации и распространению информации станет предметным полем следующих этапов исследования.

Понятие медиаграмотности является многоаспектным. В нем выделяют знания, умения и навыки, позволяющие личности успешно ориентироваться и взаимодействовать в информационном пространстве, одновременно выступая в качестве потребителя и автора информационного контента, т. е. осуществлять поиск необходимой информации, анализ и

оценку сообщений в различных видах медиа, создавать и транслировать медиасообщения, работать с цифровыми платформами, соблюдать медиабезопасность.

Медиаграмотность приобретает особую значимость для специалистов, ведущих коммуникационную деятельность, например, PR-специалистов. В современном мире невозможно представить публичную деятельность какой-либо организации или отдельной личности в отрыве от такого направления работы как связи с общественностью. Продвижение интересов как в государственной, так и в негосударственной сферах неотъемлемо связано с осуществлением коммуникационной деятельности. Для PR-специалистов медиаграмотность, в частности вышеперечисленные компетенции, – это основа профессиональной компетентности.

Одной из базовых характеристик уровня медиаграмотности личности является умение ориентироваться в информации, а именно: работать с различными источниками информации, критически воспринимать и проверять ее [Мусифуллин, 2023], анализировать поступающую информацию, различать качество информационных каналов по шкале достоверности [Jones-Jang et al., 2021].

Среди рекомендованных критериев оценки уровня медиаграмотности населения, утвержденных Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 28 июля 2014 г. № 226 ¹: способность обращать внимание на источники информации, сопоставлять информацию из различных источников, верифицировать информацию, причем при работе с любой полученной информацией.

По результатам всероссийского опроса, проведенного в январе 2023 г. Фондом «Общественное мнение», 60 % молодежи в возрасте от 18 до 30 лет отнесли себя к тем, кто предпочитает не доверять только одному-двум источникам, а пользуется разными источниками информации ².

Респондентам нашего исследования был задан вопрос о том, проверяют ли они информацию в нескольких источниках в том случае, если она вызывает у них сомнения. Более половины опрошенных, а именно 56,3 %, ответили, что часто ориентируются на разные источники информации, всегда же сопоставляют информацию в нескольких источниках только 25 % респондентов. При этом 17,7 % респондентов не смогли дать однозначный ответ на этот вопрос и признались, что изучают информацию спонтанно. Это можно объяснить, например, последствиями актуальной в современном мире проблемы информационной перегрузки. Молодежь потребляет большой объем контента, который физически и психологически очень сложно обработать, наступает психологическая усталость. При этом некоторые молодые люди не желают тратить лишние усилия и время на обдумывание и отсеивание информации, что, в свою очередь, приводит к тому, что им приходится действовать скорее интуитивно, чем осознанно [Антипина и др., 2020]. Другим объяснением может служить то, что для молодежи в силу возраста характерна переменчивость сферы интересов, подверженность частой смене эмоционального состояния [Кузнецов, 2023]. Все это отражается в практиках потребления информации через импульсивное поведение и действия на эмоциях.

Для проверки предположения о том, что у опрошиваемых может быть определенный набор источников, которым они безоговорочно доверяют, в анкете был предусмотрен вариант ответа «Не проверяю информацию, т. к. мои источники не вызывают у меня никаких сомнений». Однако такой ответ не выбрал ни один из респондентов, что можно воспринимать как положительную тенденцию.

¹ О критериях медиаграмотности и методике оценки уровня медиаграмотности населения. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 28.07.2014 N 226. Гарант. РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70642478> (дата обращения: 12.07.2023).

² Источники информации: предпочтения россиян. 2023. Фонд Общественное Мнение, 14 февраля 2023 г. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14835> (дата обращения: 22.06.2023).

Большинство опрошенных нами студентов (65,6 %) при ответе на вопрос о своей реакции на экстренную информацию (чрезвычайные ситуации, важные государственные и общественные новости и т.п.) подтвердили, что будут проверять информацию на достоверность перед тем, как на нее отреагировать. Именно сопоставление информации и ее верификация представляется одной из самых эффективных стратегий поведения в контексте медиапотребления. Вместе с тем очевидно, факт того, что одна и та же информация встречается в разных источниках не гарантирует достоверность этой информации, а лишь повышает в некоторой степени вероятность этого. Необходимо анализировать совпадения в разных источниках с целью подтверждения информации, не столько ориентируясь на количественные показатели, сколько отдавая предпочтения заслуживающим доверия источникам, исходя из статистики достоверности ранее распространяемой этими источниками информации. При этом крайне важно обращать внимание на первоисточник информации, т. к. не редки случаи, когда по тем или иным причинам информация тиражируется от изначально недостоверного источника. Наши результаты показали, что первоисточник информации всегда или часто ищут только 33,3 % опрошенных. Преимущественное большинство, а именно 61,52 % респондентов делают это только иногда, 5,2 % – никогда.

Дополнительно респондентам был задан вопрос с множественным выбором о критериях, по которым они судят о достоверности потребляемой информации. Ответы на этот вопрос подтвердили, что респонденты ориентированы на проверку информации в разных источниках и на авторитетность источника. Среди самых популярных ответов:

- авторитетность источника (82,3 %);
- подтверждение информации в разных источниках (76 %);
- указание автора (54,2 %);
- наличие комментариев участников событий или их свидетелей (46,9 %);
- наличие экспертного мнения (43,8 %).

Как видно, для 43,8 % респондентов важным показателем является экспертное мнение. При этом интересным образом распределились ответы респондентов на вопрос о том, проверяют ли они личность указанного эксперта. Проверяют всегда только 4,2 %, часто – 19,8 %, иногда – 59,4 %, а 16,7 % респондентов никогда не проверяют личность эксперта. Соответственно, большинство респондентов лишь иногда проверяют личность эксперта, мнение которого приведено в публикации, а некоторые не делают этого никогда. Вместе с тем ссылка на недостоверное или некомпетентное экспертное мнение, впрочем, как и так называемый рассказ очевидцев, относятся к распространенным приемам манипуляции, которые используются для того, чтобы создать иллюзию достоверности и авторитетности информации, вызвать доверие к ней. Поэтому полученные ответы свидетельствуют о некоторой тенденции к поверхностному восприятию.

Респондентам также было предложено привести примеры известных им манипулятивных приемов. Многие продемонстрировали осведомленность в этом вопросе, о чем свидетельствуют их ответы: «обобщение», «повторение», «сенсационность», «давление на эмоции», «радикальные призывы к каким-либо действиям», «размытые факты», «неверные истолкования фактов и терминов», «представление информации в выгодном кому-либо свете», «требование быстрой реакции», «сомнительные эксперты», «комментарии от якобы очевидцев», «разжигание агрессии», «отсутствие точной информации», «необоснованное убеждение», «опора на недостоверные цифры» и другие.

Опрос, проведенный К.В. Лапшиновой и А.А. Подольской, показал схожие результаты как в этом вопросе, так и в некоторых других. Так, чаще всего респонденты среди манипулятивных способов подачи информации называли повторение одного и того же материала, подачу информации без контекста, попытку вызвать сильные эмоции и сенсационность [Лапшинова, Подольская, 2023].

Расширение и возникновение новых каналов коммуникации неизбежно влечет за собой и увеличение количества проявлений недобросовестных и противоправных действий. Так, например, в 2022 году количество фейковой информации выросло в шесть раз по сравнению с предыдущим годом¹.

Наше исследование показало, что у респондентов существуют достаточно четкие критерии, по которым они судят о признаках фейковой информации. Самыми популярными стали следующие ответы:

- сомнительный «эксперт» или источник – 72,9 %;
- игра на эмоциях – 66,7 %;
- односторонний взгляд на проблему – 60,4 %;
- кликбейт (сенсационные заголовки, изображения и т.п.) – 56,3 %;
- призывы к противозаконным действиям – 55,2 %;
- нереалистичность информации – 54,2 %.

В завершении опроса респондентам была предоставлена возможность самостоятельно оценить свой уровень медиаграмотности. Большинство (73,9 %) определило его как средний. Высоким свой уровень посчитали только 20,3 % опрошенных студентов.

Н.С. Авдоница и Л.В. Зайцева [2022] в своем исследовании уровня медиаграмотности студентов направления «Журналистика» также получили результаты, свидетельствующие о среднем уровне медиаграмотности респондентов. Авторы пришли к выводу о том, что получение специального образования, а также наличие опыта работы в медиасфере (большинство опрошенных сотрудничает со СМИ или медиа в том или ином качестве) не гарантируют наличие высокого уровня медиаграмотности.

Таким образом, справедливым представляется утверждать, что студенты, получающие высшее образование по направлениям подготовки, связанным с осуществлением информационной и коммуникационной деятельности, также как и другие социальные группы нуждаются в повышении уровня медиаграмотности.

Заключение

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы относительно уровня медиаграмотности студентов направления «Реклама и связи с общественностью» как потребителей информации. Большинство опрошенных склонны проверять полученную информацию в разных источниках и не склонны реагировать на поступающую информацию спонтанно, т. е. без ее проверки, что соответствует общим трендам медиапотребления, о которых свидетельствуют проводимые социологические опросы, а также специфике профессиональной деятельности респондентов. Респонденты достаточно хорошо осведомлены об используемых манипулятивных приемах при подаче информации, а также о признаках фейковой информации. Вместе с тем, судя как по собственным оценкам респондентов, так и по ответам на отдельные вопросы, можно говорить о среднем уровне их медиаграмотности. Так, половина опрошенных (53,1 %) знают о понятии «медиаграмотность», но о всех его аспектах осведомлены плохо. Только треть опрошенных всегда ищет и проверяет первоисточник информации, и только четверть респондентов всегда сопоставляют информацию в нескольких источниках.

Причины такого поведения могут быть обусловлены как личностными характеристиками респондентов, юным возрастом и нехваткой опыта, так и определенными недочетами в организации образовательного процесса, а именно: недостаточной проработанностью учебных планов и их устареванием по отношению к новым тенденциям профессиональной отрасли, низкой практикоориентированностью учебного процесса,

¹ На страже интересов страны: на ПМЭФ обсудили способы эффективной борьбы с фейками в интернете. 2023. Россия — страна возможностей, 17 июня 2023 г. URL: <https://rsv.ru/news/1/5501> (дата обращения: 19.06.2023).

несоответствием уровня медиакомпетентности профессорско-преподавательского состава актуальным требованиям и др.

Полученные результаты исследования несут в себе практическую значимость. Для будущего PR-специалиста как профессионального коммуникатора, чья деятельность связана в том числе с анализом и созданием медиаконтента, медиаграмотность является одним из основополагающих факторов формирования профессиональной компетентности.

В связи с этим представляется обоснованным усиление внимания к повышению уровня медиаграмотности студентов, обучающихся по данному направлению подготовки, через совершенствование образовательного процесса, а именно:

– наполнение учебных планов соответствующими дисциплинами, позволяющими формировать сознательное отношение к потреблению информации;

– создание профессионально-ориентированной среды внутри университета, а именно наполнение практических занятий заданиями по запросам реальных заказчиков, регулярные встречи с ведущими специалистами в данной области, учебные и производственные практики, направленных на проектную деятельность;

– погружение студентов в профессиональное пространство вне университета через партнерство образовательных учреждений с профессионально ориентированными проектами. Среди таких проектов целесообразно рассматривать, например, «Мастерскую новых медиа», форум ШУМ, конкурс «ТопБЛОГ» и др. Участие в них формирует и развивает ответственное отношение к ведению информационной деятельности, усиливает базовую теоретическую подготовку, расширяет профессиональные знания, позволяет осваивать современные инструменты коммуникации, а также получать практический опыт реализации проектов, касающихся как бизнес-процессов, так и информационной активности государственных и общественных структур.

Сформулированные рекомендации, ориентированные на взаимодополнение теоретической и практической составляющей подготовки будущих PR-специалистов, работу с профессиональными наставниками и ролевое участие в реальных проектах, направлены на повышение уровня медиаграмотности и в целом профессиональной компетентности для того, чтобы в будущем студенты могли успешно пополнять ряды профессионального сообщества и на высоком уровне выполнять свою ключевую задачу – эффективно осуществлять информационную и коммуникационную деятельности.

Список литературы

- Авакова Э.Б., Пулькина В.А. 2022. Эффективные цифровые каналы коммуникаций со студентами в системе профессиональной подготовки профиля «Реклама и связи с общественностью». В кн.: Арканникова М.С. и др. Инженеры смыслов в новой реальности: тренды и практики коммуникационной индустрии. Под ред. М.С. Арканниковой. СПб., ПОЛИТЕХ-ПРЕСС Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого: 193–204.
- Авдони娜 Н.С., Зайцева Л.В. 2022. Анализ медиаграмотности у студентов направления «Журналистика». *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 3(36): 141–146. DOI: [10.36809/2309-9380-2022-36-141-146](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-141-146)
- Антипина Н.Л., Герасимова Г.И., Мурзина Е.В. 2020. Исследование медийно-информационной грамотности российских подростков. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2(65): 42–49. DOI: [10.26105/SSPU.2020.65.2.001](https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.001)
- Варганова Е.Л., Вихрова О.Ю., Самородова Э.В. 2021. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации. *Медиаскоп*, 1. DOI: [10.30547/mediascope.1.2021.1](https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2021.1)
- Донских А.Г. 2021. О формировании юридической медиаграмотности студентов-журналистов. В кн.: MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция. Материалы VI Международной научной конференции, Челябинск, 23–25 ноября 2021 года. Часть 1. Под ред. А.А. Морозовой. Челябинск, Изд-во Челябинского государственного университета: 449–453.

- Жилавская И.В. 2019. Результаты исследования медийно-информационной грамотности молодых преподавателей педагогических университетов России – победителей всероссийского конкурса «Педагогическое начало 2018». *Медиа. Информация. Коммуникация*, 28: 8–63.
- Кузнецов А.А. 2023. Профессиональное самоопределение молодежи как проблема современного отечественного образования. В кн.: Педагогическая наука и современное образование. Ценностно-смысловые ориентиры образования в условиях цифровизации общества. Материалы X научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки, Санкт-Петербург, 09 февраля 2023 г. Под ред. И.В. Гладкой, А.П. Тряпицыной. СПб., Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена: 41–46.
- Лапин Д.А. 2020. Медиаобразование школьников в России: от протоформатов к консенсуальному подходу. *Меди@Альманах*, 6(101): 22–31. DOI: [10.30547/medialmanah.1.2020.2231](https://doi.org/10.30547/medialmanah.1.2020.2231)
- Лапшинова К.В., Подольская А.А. 2023. Доверие молодежи к информации российских СМИ. Русский космизм: история и современность. Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. Сборник трудов по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции, Королев, 22 декабря 2022 г. Под ред. Т.Ю. Кириловой. М., Русайнс: 137–145.
- Мрочко Л.В., Мрочко О.Г., Берген О.В. 2018. Медиакультура и медиабезопасность студенческой молодежи: информационное влияние. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 3(19): 152–159. DOI: [10.24151/2409-1073-2018-3-152-159](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-152-159)
- Мусифуллин С.Р. 2023. Формирование медиаграмотности студентов педагогического вуза в условиях трансформации образовательного процесса. *Science for Education Today*, 13(1): 7–27. DOI: [10.15293/2658-6762.2301.01](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2301.01)
- Наговицина Т.А. 2022. Медиаграмотность студентов-журналистов и развитие у них коммуникативных навыков. В кн.: Журналистика цифровой эпохи: антропологический поворот. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 14–15 апреля 2022 г. Под ред. Б.Н. Лозовского, В.Ф. Олешко, Э.В. Чепкиной, Е.С. Голоусовой, А.С. Сумской. Екатеринбург, Изд-во Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина: 82–85.
- Смеюха В.В., Армаш В.В. 2022. Современное медиапространство в оценке преподавателей направлений подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью». *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 41(1): 27–37. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37)
- Федоров А.В. 2013. Медиаобразование и медиаграмотность. Москва, Директ-Медиа, 343 с.
- Vukov I., Medvedeva M. 2022. Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia: A Case of Student Community. *Media Education*, 1: 24–35.
- Fedorov A., Levitskaya A. 2017. Media Education and Media Criticism in the Educational Process in Russia. *European Journal of Contemporary Education*, 6(1): 39–47.
- Jones-Jang S.M., Mortensen T., Liu J. 2021. Does media literacy help identification of fake news? Information literacy helps, but other literacies don't. *American Behavioral Scientist*, 65(2): 371–388. DOI: [10.1177/0002764219869406](https://doi.org/10.1177/0002764219869406).
- Palfrey J., Gasser U. 2008. Born Digital: Understanding the first generation of digital natives. New York, Basic Books, 375 p.
- Strogetskaya E.V., Avakova E.B., Betiger I.B. 2022. Digital Turn in Communication Strategies for Motivating Modern University Applicants. In: Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Saint Petersburg, April 13, 2022. IEEE: 83–90. DOI: [10.1109/ComSDS55328.2022.9769169](https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769169)
- Carlsson U. 2019. Understanding Media and Information Literacy (MIL) in the Digital Age. A Question of Democracy. Göteborg, Department of Journalism, Media and Communication (JMG), 266 p.

References

- Avakova E.B., Pul'kina V.A. 2022. Effektivnye tsifrovye kanaly kommunikatsiy so studentami v sisteme professional'noy podgotovki profilya «Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu» [Effective digital communication channels with students in the professional training system of the "Advertising and Public Relations" profile]. In: Arkannikova M.S. i dr. Inzheneriy smyslov v novoy real'nosti: trendy i praktiki kommunikatsionnoy industrii [Meaning Engineers in the New Reality: Trends and

- Practices in the Communications Industry]. Ed. M.S. Arkannikova. SPb., Publ. POLITEKh-PRESS Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii universitet Petra Velikogo: 193–204.
- Avdonina N.S., Zaytseva L.V. 2022. Analysis of media literacy among journalism students. Review of Omsk State Pedagogical University. *Humanitarian Research*, 3(36): 141–146 (in Russian). DOI: [10.36809/2309-9380-2022-36-141-146](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-141-146)
- Antipina N.L., Gerasimova G.I., Murzina E.V. 2020. Research of media and information literacy of russian teenagers. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2(65): 42–49 (in Russian). DOI: [10.26105/SSPU.2020.65.2.001](https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.001)
- Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu., Samorodova E.V. 2021. Media literacy as a term for overcoming of digital inequality in the Russian Federation. *Mediascope*, 1 (in Russian). DOI: [10.30547/mediascope.1.2021.1](https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2021.1)
- Donskikh A.G. 2021. O formirovanii yuridicheskoy mediagramotnosti studentov-zhurnalistov [On the formation of legal media literacy of students-journalists]. In: MEDIAEducation: media inclusion vs media isolation. Proceedings of the VI International Scientific Conference, Chelyabinsk, November 23–25, 2021. Part 1. Ed. A.A. Morozova. Chelyabinsk, Publ. Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: 449–453.
- Zhilavskaya I.V. 2019. Rezul'taty issledovaniya mediyno-informatsionnoy gramotnosti molodykh prepodavateley pedagogicheskikh universitetov Rossii – pobediteley vserossiyskogo konkursa «Pedagogicheskoe nachalo 2018» [The results of the study of media and information literacy of young teachers of pedagogical universities in Russia - the winners of the All-Russian competition "Pedagogical Beginning 2018"]. *Media. Information. Communication*, 28: 8–63.
- Kuznetsov A.A. 2023. Professional'noe samoopredelenie molodezhi kak problema sovremennogo otechestvennogo obrazovaniya [Professional self-determination of youth as a problem of modern domestic education]. In: Pedagogicheskaya nauka i sovremennoe obrazovanie [Pedagogical science and modern education]. Tsennostno-smyslovye orientiry obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [Value and semantic guidelines for education in the context of digitalization of society]. Materials of the X scientific and practical conference dedicated to the Day of Russian Science, St. Petersburg, February 09, 2023. Eds. I.V. Gladkaya, A.P. Tryapitsyna. SPb., Publ. RGPU im. A.I. Gertsena: 41–46.
- Lapin D.A. 2020. Mediaobrazovanie shkol'nikov v Rossii: ot protoformatov k konsensual'nomu podkhodu [Media education of schoolchildren in Russia: from protoformats to a consensual approach]. *Medi@Al'manakh*, 6(101): 22–31. DOI: [10.30547/medialmanah.1.2020.2231](https://doi.org/10.30547/medialmanah.1.2020.2231)
- Lapshinova K.V., Podol'skaya A.A. 2023. Youth trust in russian media information. Russkiy kosmizm: istoriya i sovremennost'. Mesto i rol' nauki i tekhnologiy v reshenii global'nykh problem sovremennosti [Russian cosmism: history and modernity. The place and role of science and technology in solving global problems of our time]. Collection of works based on the materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Korolev, December 22, 2022. Ed. T.Yu. Kirilina. M., Publ. Rusayns: 137–145.
- Mrochko L.V., Mrochko O.G., Bergen O.V. 2018. Media Culture and Media Security of Student Youth: Information Impact. *Economic and Social Research*, 3(19): 152–159 (in Russian). DOI: [10.24151/2409-1073-2018-3-152-159](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-152-159)
- Musifullin S.R. 2023. Education of pedagogical university students on media competence under the conditions of the transformation of the educational process. *Science for Education Today*, 13(1): 7–27 (in Russian). DOI: [10.15293/2658-6762.2301.01](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2301.01)
- Nagovitsina T.A. 2022. Media literacy of journalist students and the development of their communication skills. In: Zhurnalistika tsifrovoy epokhi: antropologicheskii povorot [Journalism of the Digital Age: An Anthropological Turn]. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ekaterinburg, April 14–15, 2022. Eds. B.N. Lozovsky, V.F. Oleshko, E.V. Chepkina, E.S. Golousova, A.S. Sumskeya. Ekaterinburg, Publ. Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina: 82–85.
- Smeyukha V.V., Armash V.V. 2022. Modern media space in the assessment of teachers of the areas of training “Journalism”, “Advertising and public relations”. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(1): 27–37 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37)
- Fedorov A.V. 2013. Mediaobrazovanie i mediagramotnost' [Media education and media literacy]. Moscow, Direkt-Media, 343 p.

- Bykov I., Medvedeva M. 2022. Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia: A Case of Student Community. *Media Education*, 1: 24–35.
- Fedorov A., Levitskaya A. 2017. Media Education and Media Criticism in the Educational Process in Russia. *European Journal of Contemporary Education*, 6(1): 39–47. DOI: [10.13187/ejced.2017.1.394](https://doi.org/10.13187/ejced.2017.1.394)
- Jones-Jang S.M., Mortensen T., Liu J. 2021. Does media literacy help identification of fake news? Information literacy helps, but other literacies don't. *American Behavioral Scientist*, 65(2): 371–388. DOI: 10.1177/0002764219869406
- Palfrey J., Gasser U. 2008. *Born Digital: Understanding the first generation of digital natives*. New York, Basic Books, 375 p.
- Strogetskaia E.V., Avakova E.B., Betiger I.B. 2022. Digital Turn in Communication Strategies for Motivating Modern University Applicants. In: Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Saint Petersburg, April 13, 2022. IEEE: 83–90. DOI: [10.1109/ComSDS55328.2022.9769169](https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769169)
- Carlsson U. 2019. *Understanding Media and Information Literacy (MIL) in the Digital Age. A Question of Democracy*. Göteborg, Department of Journalism, Media and Communication (JMG), 266 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.08.2023

Received August 08, 2023

Поступила после рецензирования 03.09.2023

Revised September 03, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Авакова Элина Борисовна, кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия.

Elina B. Avakova, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia.

Кузнецов Артем Александрович, преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия.

Artem A. Kuznetsov, Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia.

УДК 070.447; 37.013
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-410-421

СМИ о «перекрестках культуры»: слово и музыка

¹ Глушкова В.Г., ² Полонский А.В. , ³ Зарицкий В.Д., ³ Андриевская Г.П.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116а
valentina.glushkova@gmail.com;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

³ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

Аннотация. В современном обществе ключевым каналом распространения культурных смыслов – знаний, ценностей, норм и правил – являются средства массовой информации. Предметом аналитического разбора в статье является российская периодическая печать последнего десятилетия в аспекте репрезентации на ее страницах проблематики, связанной с публичным диалогом о сопряжении в культуре слова и музыки как важнейших способов духовно-мировоззренческого освоения человеком социального пространства, как ключевых культурно-коммуникативных кодов, обеспечивающих в обществе полиформатный ценностно-смысловой диалог. Проведенный анализ широкого корпуса разножанровых публикаций в современных российских СМИ позволяет сделать вывод о том, что проблематика сопряжения слова и музыки находится в поле зрения журналистского сообщества, однако она, имея особую культурную значимость, не становится предметом развернутого, обращенного к широким аудиториям аналитико-критического комментария и научно-популярного диалога.

Ключевые слова: российские СМИ, культура, слово, музыка, диалог, поэтика взаимодействия

Для цитирования: Глушкова В.Г., Полонский А.В., Зарицкий В.Д., Андриевская Г.П. 2023. СМИ о «перекрестках культуры»: слово и музыка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 410–421. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-410-421

Mass Media About "Crossroads of Culture": Word and Music

¹ Valentina G. Glushkova, ² Andrey V. Polonskiy ,

³ Vladimir D. Zaritskiy, ³ Galina P. Andriyevskaya

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics & Law,
116 a, Sadovaya St, Belgorod 308023, Russia
valentina.glushkova@gmail.com;

² Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia;

³ Belgorod State University of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russia

Abstract. Culture is the spiritual basis of man and society. In modern society, the key channel for the dissemination of cultural meanings – knowledge, values, norms and rules – are the media. “Scanning” the current contexts of social life and extracting information from them, providing the necessary information exchange in society and an actual value-semantic dialogue, broadcasting the meanings, opinions and ideas formulated by different social audiences, the media model the cultural status of a person, determine the

manner of his life, strategies for understanding past experience and designing the future. The media is consonant with the time, with all its successes and problems, a document in which the words and judgments of different people, different subjects are read, including in the common national-cultural space their unique experience of intellectual and evaluative comprehension of various issues and circumstances of life. The subject of the analytical analysis in the article is the Russian periodical press of the last decade in the aspect of the representation on its pages of issues related to public dialogue about the conjugation of words and music in culture as the most important ways of spiritual and ideological development of social space by a person, as key cultural and communicative codes that provide a multi-format value and semantic dialogue in society. The analysis of a wide body of multi-genre publications in the modern Russian media allows us to conclude that the problems of the conjugation of words and music are in the field of vision of the journalistic community, however, having a special cultural significance, it is not included as one of the mandatory semantic elements in a broad public discussion, does not become the subject of a detailed, broad-based audiences of analytical and critical commentary and popular science dialogue.

Keywords: Russian mass media, culture, word, music, dialogue, poetics of interaction

For citation: Glushkova V.G., Polonskiy A.V., Zaritskiy V.D., Andriyevskaya G.P. 2023. Mass Media About "Crossroads of Culture": Word and Music. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 410–421 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-410-421

Введение

Культура – духовный базис человека и общества, совокупность знаний, нравственных смыслов и ценностей. Как говорил Д.С. Лихачев, культура – это «огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией» [Лихачёв, 2006, с. 94]. В современном обществе ключевым каналом распространения культурных смыслов являются средства массовой информации. «Сканируя» текущие контексты социального бытия и извлекая из них информацию, обеспечивая в обществе необходимый информационный обмен и актуальный ценностно-смысловой диалог, транслируя сформулированные разными социальными аудиториями значения, мнения и идеи, средства массовой информации моделируют культурный статус человека, определяют манеру его жизни, стратегии осмысления прошлого опыта и конструирования будущего. СМИ стали той «культурно-смысловой средой, тем ключевым контекстом, где обретают свои культурно-идеологические формы все социальные процессы, где получают содержательную разработку все формы социальной мысли, где вызревает переживаемое и закрепляемое в сознании людей в виде поведенческих и нравственно-эстетических эталонов знание о мире, о текущей жизни и о самом себе» [Полонский, 2018, с. 188].

СМИ – это созвучный времени, со всеми его успехами и вызовами, документ, в котором прочитываются слова и суждения разных людей, разных социальных субъектов, включающих в национально-культурное пространство свой уникальный опыт интеллектуального и оценочного осмысления самых разных вопросов и обстоятельств жизни. Вовлечение при помощи средств массовой информации широких аудиторий в публичный диалог о культуре, расширение способности человека видеть и понимать ключевые процессы культуры, особенности ее содержательных форм в их существенных проявлениях и пересечениях, является важнейшей просветительской задачей общества, которая требует постоянного исследовательского внимания и осмысления.

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности разворачиваемого в российских СМИ диалога о «слове и музыке», о тех «перекрестках культуры», знание и понимание которых необходимо широким аудиториям.

Актуальность обращения к предметной сфере «СМИ о диалоге слова и музыки» обусловлена тем, что она непосредственным образом связана с усиливающимся вниманием

в обществе к вопросам культуры и духовно-мировоззренческому поиску фундаментальных парадигм жизни, обеспечивающих гармоничное развитие человека и общества. Современный человек должен быть «культурно грамотным», должен понимать процессы, которые определяют особенности его стиля жизни, мысли и чувства, должен уметь «читать» культурные коды и содержательно интерпретировать их взаимодействие, их пересечение, понимать полимодальное художественно-эстетическое пространство культуры и его образы, совмещающие разные режимы их восприятия. «Современный же человек, – как заметил выдающийся австрийский дирижёр и хормейстер, философ и музыковед Н. Арнокур, – как правило, больше интересуется автомобилями или самолетами, чем какими-то скрипками, куда большее значение придает схеме электронного устройства, чем симфонии. Тем не менее цена, которую платим за теперешние удобства, высоковата: безрассудно пренебрегаем интенсивностью жизни ради комфорта, забывая о существовании ценностей, потеря которых необратима» [Арнокур, 2009, с. 2].

Способность к оценочно-смысловому прочтению разных фактов культуры в их взаимосвязи и взаимопереходах является важнейшим компонентом культурной компетенции человека, которая формируется в значительной степени в контексте широкого мировоззренческого диалога, разворачиваемого в средствах массовой информации, поэтому аналитико-критический разбор мировоззренческих идей и ценностных смыслов, вынесенных на страницы СМИ, сегодня особенно значим. Как говорил В.Г. Белинский, «мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» [Белинский, 1957, с. 291–292]. Мы заинтересованно, с пристрастием «допрашиваем» и наше настоящее, чтобы сформировать объективное представление не только о нем, но и о будущем.

Объект и методы исследования

В фокусе аналитико-критического разбора в статье находится современная российская периодическая печать (газеты и журналы последнего десятилетия) в аспекте репрезентации на ее страницах проблематики, связанной с публичным диалогом о сопряжении в культуре *слова* и *музыки* как важнейших способов духовно-мировоззренческого освоения человеком социального пространства, как ключевых культурно-коммуникативных кодов, обеспечивающих в обществе полиформатный ценностно-смысловой диалог.

Эмпирическую базу исследования сформировали разножанровые публикации в период 2011–2023 гг. в российской периодике: (1) в литературно-художественных, критико-публицистических и научно-популярных изданиях, в которых освещаются и анализируются разные аспекты культурной жизни общества (среди них такие газеты и журналы, как «Культура», «Музыкальная жизнь», «Оркестр», «Литературная газета», «Книжное обозрение», «Литературная Россия», «Российский писатель», «Искусство кино», «Новая юность», «Наш современник», «Слово», «Нева» и некоторые другие), а также (2) в изданиях, ориентированных на освещение широкой общественно-политической проблематики, на информацию о важнейших событиях на международном, федеральном и региональном уровне, предназначенную всем слоям общества, большинству профессиональных и возрастных групп читателей, в том числе тех, кто живет в обстоятельствах интенсивного погружения в интернет-среду («Российская газета», «Известия», «Вечерняя Москва», «Огонек», «Комсомольская правда», «Фома», «Коммерсантъ», «Санкт-Петербургские ведомости», «Белгородские известия», «ОнОнас»).

Исследование осуществлено на основе сочетания описательно-аналитического метода с проблемно-тематическим и оценочно-смысловым анализом публикаций, что обеспечило получение как теоретической, так и практической информации, необходимой для раскрытия предметной сферы. Экспертно-теоретический анализ научных источников позволил определить степень актуальности в современном российском обществе вопросов культуры и пересечения ее содержательных форм.

«Перекрестки культуры»: слово и музыка

Проблемы взаимосвязи и взаимодействия в культуре слова и музыки как важнейших культурно-коммуникативных кодов, их взаимного притяжения и отталкивания, их взаимной поддержки и отрицания имеют долгую историю осмысления – научного, аналитико-критического и художественно-эстетического. В многообразных теоретических построениях, эстетических суждениях и художественных высказываниях относительно пересечений в культуре слова и музыки, их многоаспектного динамического диалога обнаруживается богатейший опыт творческой, аналитико-философской мысли, направленной на постижение «перекрестков культуры» и художественно-эстетических принципов жизни. Как отмечает Л.Г. Кайда, «интермедиальность как феномен взаимодействия в культуре разных кодов» восходит к «древности, как и самое естественное соприкосновение разных видов искусств. Мысли древних риториков о загадочных отношениях между словом и музыкой и сегодня являются животворными истоками новейших концепций, потому что живы корни вечного явления синтеза искусств» [Кайда, 2016, с. 7]. Осмысление диалога слова и музыки как важнейших кодов культуры имеет долгую традицию, которую формировали как те, кто из многообразия жизни создает эстетически выверенную и чувственно воспринимаемую реальность, то есть поэты, писатели, музыканты, так и те, для кого целью является изыскание истинного знания о действительности, – философы, критики и исследователи.

Немецкий поэт-гуманист, «романтик и бунтарь» Генрих Гейне, сделавший повседневный язык способным к поэтическому высказыванию, называл слово «певучим пламенем», которое может изменить мир, может придать ему другой образ, и утверждал при этом, что там, где слова утрачивают свою силу, начинается музыка, что музыка – это искусство, средствами которого «можно рассказать даже о том, чего не передать словами» [Metzner, 1992, p. 382]. В свою очередь Клод Дебюсси, французский музыкант, отличавшийся, как известно, способностью не только глубоко чувствовать фактуру музыкального текста, но и создавать при помощи звуковых художественных образов непередаваемое словом «настроение в цвете», утверждал, что музыка «ближе всего к природе» и что она обладает возможностью отразить «всю поэзию ночи и дня, земли и неба, воссоздать их атмосферу и ритмически передать их необъятную пульсацию» [Дебюсси, 1964, с. 223].

Писатель и философ, критик и музыкант В.Ф. Одоевский, без которого «невозможно исчерпывающим образом представить себе историю русской культуры» и вклад которого в литературную и музыкальную сферы является по истине фундаментальным [Перси, 2003, с. 78], утверждал, что музыка способна передавать более тонкие, более глубокие чувства, чем обычные слова, которые можно собрать в словарь, музыкальные же значения свести в словарь невозможно [Одоевский, 1956]. А.С. Даргомыжский, русский композитор, автор «Русалочки» и «Каменного гостя», человек, на которого огромное влияние оказала литература, участник литературно-музыкальных вечеров в салоне князя Владимира Одоевского, в одном из своих писем следующим образом определил ключевой для себя принцип творчества: «Я не намерен низводить... музыку до забавы. Хочу, чтобы звук выражал слово. Хочу правды» [Даргомыжский, 1922, с. 55]. М.П. Мусоргский, композитор, в творчестве которого выразительно звучат интонации разговорного русского слова, один из самых ярких новаторов в русской музыкальной культуре XIX века, утверждал, что «музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех её тончайших изгибах, т.е. звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны без утрировки и насилования сделаться музыкой» [Мусоргский, 1971, с. 142].

Аналитико-критическое осмысление разных аспектов пересечения слова и музыки нашло свое отражение в широчайшем круге научных работ и эстетико-философских эссе как отечественных, так и зарубежных авторов [Есо, 1964; Scher, 1984; Степанова, 1999;

Махлина, 2000; Михайлов, 2002; Wolf, 2002; Перси, 2003; Арнонкур, 2009; Динилина, 2008; Стародубцев, 2009; Omigie, 2015; Кайда, 2016; Чигарева, 2017; Margulis et al., 2017; Ковалевский, 2019] и др. У. Есо в частности, отмечал естественность сопряжения слова и музыки как важнейших кодов культуры, двух способов одухотворения действительности [Есо, 1964, р. 205–206]. На «структурную интерференцию этих двух сфер деятельности человека» и на «естественную склонность музыки к “вторжению”» обращает внимание в своих исследованиях У. Перси, подчеркивая, что сферы слова и музыки, «невозможно изучать строго раздельно из-за их естественных взаимопересечений», однако «несмотря на близость этих двух сфер, их нельзя смешивать, так как изучение каждой требует достаточно специфической компетентности... У музыки <как и у слова> есть своя миссия» [Перси, 2003, с. 5, 207]. А.В. Михайлов, указывая на тончайшие связи между словом и музыкой, пишет: «Мы знаем, что настоящий смысл музыки непередадим на слова. И это все же не освобождает нас от необходимости все снова и снова подходить и подбираться к музыке со словами... Слово тоже уставлено на музыку...» [Михайлов, 2002, с. 10, 13].

В работах S.P. Scher выделяется несколько групп, объединенных по способу взаимодействия слова и музыки: 1) «симбиоз слова и музыки» как их динамическое соположение и созависимость (например, вокальная музыка – опера, оратории, кантаты, песни); 2) «литература в музыке», то есть музыкальные произведения, которые возникли под влиянием литературного текста и которые не включают в свою структуру словесный ряд, однако для того, чтобы быть понятыми своим аудиторией, требуют обязательного словесного комментария, в котором раскрывается содержание музыкального произведения; 3) «музыка в литературе», когда при помощи языковых средств (например, звукоподражательных слов) и совокупности стилистических приемов (фоники, ритма, паузы, акцентирования, интонации, тембра) осуществляется «приближение» к музыке» [Scher, 1984, р. 11].

Слово и музыка, несомненно, создают «собственные семантические пространства, в которых воплощаются не только интенции и мировоззренческие установки автора, его культура и стиль интеллектуального и эмоционального переживания действительности, не только национальная традиция и эпоха, которые определяют характер циркулирующих в обществе смыслов и идей... но и особенности коммуникативной технологии, особенности того медиума, того посредника, при помощи которого автор репрезентирует свое сознание, свой опыт жизни, свое мироощущение и миропонимание, свой стиль и вкус, свой мировоззренческий и эстетический выбор, однако в динамическом взаимодействии партий слова и музыки, в особенностях этого уникального в культуре “дуэта”, обнаруживается многообразие способов духовного освоения мира человеком» [Полонский, 2019, с. 45].

Проблематика «СМИ о диалоге слова и музыки», к которой давно обращено экспертное сообщество, находит также свое воплощение в сфере СМИ в формате просветительской дискуссии, нацеленной на формирование культурной компетенции современного человека.

СМИ о диалоге слова и музыки

Анализ публикаций показал, что в современных российских СМИ в рамках проблематики «СМИ о диалоге слова и музыки» основное внимание уделяется прежде всего вопросам культуры как поликодового способа воспринимать мир и говорить о нем, а также специфике творчества – словесного и музыкального – как проявления в разных содержательных, хотя и взаимосвязанных формах духовного освоения мира человеком. Анализируемая проблематика не случайно особенно широко представлена в изданиях, ориентированных на специалистов, а также на тех, для кого сфера культуры является значимой в профессиональном отношении, кто ориентирован на аналитико-критическое комментирование культурной жизни как в России, так и за ее пределами.

Авторами опубликованных материалов являются как статусные специалисты в сфере культуры и творчества (философы, культурологи, литературоведы, лингвисты,

музыковеды, арт-критики), чей профессионально-экспертный взгляд формирует высокий интеллектуальный уровень публичной дискуссии, так и журналисты, а также представители культурной и академической общественности, чьи интересы связаны с проблемами творчества и знакового посредничества в коммуникативных практиках человека.

В фокусе внимания российских СМИ оказываются важнейшие культурные события, такие, как книжные выставки, новинки художественной литературы, музыкальные и театральные постановки, кинопремьеры, а также жизнь и деятельность выдающихся музыкантов, писателей и поэтов, мастеров исполнительского искусства, творческий опыт которых заслуживает общественного осмысления.

На страницах российских СМИ широко представлены материалы, посвященные размышлениям относительно сущности искусства и его роли в жизни общества, относительно выразительных возможностей слова и музыки, их коммуникативного потенциала. Среди широко корпуса примеров приведем следующие публикации: З. Курбатова «Искусство требует стен» [Курбатова, 2017], С.И. Новичкова «Музыка не знает границ» [Новичкова, 2016], С. Ходнев «Из чего состоит опера» [Ходнев, 2018], А. Митрофанова «Музыку, как и веру, нельзя просчитать» [Фома, 2017] и др. Интересна также публикация Светланы Пасынковой «Леонид Половинкин: штрихи к портрету композитора» в журнале «Музыкальная академия», одном из ведущих в России музыковедческих изданий. Автор этого творческо-биографического портрета, говоря о талантливом музыканте первой половины XX века Л.А. Половинкине, приводит его слова, в которых отражается его видение особенностей музыкального искусства: *«Заражение + удивление – это два психологических результата (почти всегда суммированных), кот[орые] достигаются всякой музыкой»* [Пасынкова, 2019].

Авторитетный в мире культуры и искусства критико-публицистический журнал «Музыкальная жизнь» свою ключевую задачу видит в эстетическом воспитании человека, в формировании у него багажа знаний, который сегодня необходим для понимания процессов, происходящих в культуре и в сфере музыкального творчества. Журнал нацелен на серьезный, осмысленный в ценностном отношении разговор о музыке, ее специфике и ее истории, представленной в том числе именами известных и только начинающих музыкантов – композиторов, дирижеров и солистов, о текущей художественно-музыкальной жизни в России и за рубежом, в столицах и регионах. *«В Симфоническом оркестре Северо-Кавказской филармонии имени В. И. Сафонова – новый главный дирижер. Им стал известный российский виолончелист и дирижер Николай Шугаев, в прошлом окончивший Московскую консерваторию... Он также имеет диплом солиста в консерватории della Svizzera Italiano (Лугано)»* [Кривицкая, 2023].

В журнале «Музыкальная жизнь» публикуются материалы, посвященные художественной литературе, живописи, театру, опере, в которых акцентируется внимание на жанровом взаимодействии, на взаимосвязи музыки и слова, что позволяет осмыслить полимодальное пространство культуры. Прежде всего это прочитывается в публикациях, посвященных профессиональному разбору произведений оперного или музыкально-песенного искусства, специфика которых определяется соединением в единое целое слова, музыки и сценического действия. В качестве примера приведем рецензию «Вальс для Лары», подготовленную журналистом, музыкальным критиком Ольгой Русановой на премьеру в Концертном зале Мариинского театра оперы Давида Кривицкого «Доктор Живаго» по одноименному роману Бориса Пастернака [Русанова, 2019].

Одной из важнейших дискуссионных площадок для тех, кому важен собственный поиск ответов на вопросы о культуре, о ее кодах и практиках, остается верная своей просветительской традиции «Литературная газета». Целью дискуссий, разворачиваемых на ее страницах, является формирование у человека и общества в целом установки на необходимость расширения своего культурного кругозора, углубления опыта интеллектуального и эмоционального переживания действительности, понимания разных

способов ее раскрытия. Показательна в этом аспекте передовая статья «Год словесности, а не словес», в которой говорится о роли слова: *«Мы неслучайно поместили на первой полосе ёлку, сложенную из книг. 2015-й объявлен Годом литературы, годом слова, годом книги. Наша страна вступает в Новый год в непростое время. Нам предстоит многое сделать, многое преодолеть, многое изменить, чтобы остаться страной Пушкина, Толстого, Чехова, Шолохова. И это хорошо, что трудный 2015-й – год словесности. Главное, чтоб он не стал годом пустых словес»* [Год словесности..., 2014]. Назовем также публикацию Юрия Данилина «Музыка всегда автопортрет»: *«Каждый звук и аккорд – как мазок кисти на импрессионистском полотне, а секундные паузы – поэтический фон, глубокий и впечатляющий»* [Данилин, 2016].

На страницах российских СМИ находит свое отражение и проблематика «культурных перекрестков», в частности пересечения двух важнейших кодов культуры – слова и музыки. Знаковым, как нам кажется, примером является публикация под названием «Слово в музыку вернется» в «Литературной газете», рассказывающая о Собиновском музыкальном фестивале в Саратове и прошедшем в его рамках Всероссийском конкурсе поэтических работ «Музыка слова» [Головач, 2007].

Материалы, в которых звучат идеи «синтеза различных искусств» [Кайда, 2016, с. 11], находим также в таких журналах, как «Искусство кино» и «Театр». Так, Антон Хитров, журналист и театральный критик, в своей публикации «Шесть песен о разном», размышляя о театре и о роли в нем музыки, замечает, что *«в театре... по определению не просто музыка, а музыка плюс что-то еще»* [Хитров, 2014]. В журнале «Искусство кино» Дарья Тарасова в публикации «Мастер подземного пения: Музыкальная карьера Джима Джармуша», говоря о кинематографических достоинствах и встроенном в художественное полотно музыкально-песенном ряде фильма «Мертвые не умирают», вспоминает слова голландского композитора и лютиста Йозефа ван Виссема относительно творческой манеры режиссера фильма Джима Джармуша: *«Когда он пишет сценарии к фильмам... в этот момент в голове у него звучит музыка, – и ее тональность влияет на сценарий больше, чем что бы то ни было»* [Тарасова, 2019].

На страницах «Литературной газеты» в публикации «Слова и музыка Сергея Прокофьева» своими размышлениями делится известный писатель и музыковед Мария Залеская: *«Есть такое понятие – музыкальный писатель. Не только музыковеды-теоретики, но и многие композиторы обращались к художественному слову, сами сочиняли либретто для своих опер, занимались музыкальной критикой, писали даже целые философские трактаты. Но в подавляющем большинстве на первый план они всегда ставили музыку. Так, к примеру, Моцарт настаивал на том, что для него как для композитора “поэзия – послушная дочь музыки”... Прокофьев чувствовал музыку как литературу, а литературу – как музыку»* [Залеская, 2021].

Значительный корпус публикаций в российской печати посвящен разнообразным формам песенного творчества, в котором, как известно, слово и музыка оказываются во взаимной обусловленности, в диалоге друг с другом создавая единое смысловое пространство. В качестве примера назовем публикации О. Муштаевой «Звон души моей – частушка» [Муштаева, 2012] и М. Захарчука «Мы довоевываем в своих песнях» [Захарчук, 2018].

О диалоге слова и музыки, к которому обращаются периодические издания, свидетельствуют и представленные в публикациях метафоры, такие, например, как «музыка слова», «музыка поэзии», «поэзия звука», «поэзия музыки». Пример такой метафоры находим, в частности, в статье Л. Тарасова «Тихая музыка слов». Автор говорит о «музыке слов», рассуждая об особенностях стиля поэтессы: *«Самое же главное, что остались стихи, которые ещё ждут своих исследователей, что есть родственники, издающие книги Надежды Болтянской, что есть, наконец, читатели, которым ещё*

предстоит познакомиться с творчеством пока не очень известного, но замечательного и, вне всяких сомнений, значительного поэта. И со временем тихая музыка слов обязательно зазвучит» [Тарасова, 2017].

Таким образом, проблематика «диалог слова и музыки» представлена на страницах российских СМИ, однако она не всегда получает развернутое историко-эстетическое осмысление. В СМИ, на наш взгляд, все же не хватает развернутых аналитико-критических и публицистических материалов, комментирующих эффект соотнесенности и сонастроенности двух ключевых кодов культуры – слова и музыки, – при всей культурологической значимости этой практики. СМИ фокусируют свое внимание на специфике самого творчества – словесного или музыкального, возникающего в процессе художественно-эстетической переработки многообразного интеллектуального и эмоционального опыта общества и представленного в своих разных художественных формах.

Выводы

Проведенный анализ корпуса разножанровых публикаций в современной российской прессе позволяет сделать вывод о том, важнейшим направлением для российских СМИ становится осмысление культуры как духовного базиса человека и общества, а также освещение культурной панорамы жизни во всем многообразии ее содержательных форм. Проблематика «диалог слова и музыки» также оказывается в поле зрения СМИ, однако она, имея особую культурную значимость, не включается в широкую публичную дискуссию в качестве одного из обязательных смысловых элементов, не становится предметом развернутого, обращенного к широким аудиториям аналитико-критического комментария и научно-популярного диалога.

Заметим, что проблематика диалога слова и музыки, проблематика «перекрестков культур» имеет не только теоретическое значение, но и важное социальное звучание, связанное с формированием культурной компетенции человека, однако развернутых научно-популярных или аналитико-критических материалов, комментирующих в СМИ для широкой аудитории эстетический эффект синтеза слова и музыки в культуре все же сегодня не хватает. Взаимопересечение слова и музыки пока остается вне фокуса активного внимания СМИ, хотя именно при их заинтересованном посредничестве сегодня общество в открытой, публичной дискуссии определяет свой духовный путь. «Будущее не только предсказуемо, но и моделируемо, нужно только включить в социальный проект решение задачи» [Глушкова, 2008, с. 177], связанной с формированием способности человека к пониманию усложняющейся действительности, к осознанию художественно-эстетического опыта своей жизни, мысли и души.

Научные и философско-культурологические дискуссии, к которым обращаются специалисты, исследователи в процессе осмысления многообразных «соприкосновений» слова и музыки, ждут своего «перевода» в развернутый публичный диалог на страницах СМИ, поскольку в понимании механизмов этого взаимодействия заинтересованы не только представители экспертного знания, но и широкие круги населения, общество в целом, которое не может быть равнодушным к эстетическому выбору человека и его духовной способности к пониманию и эмоциональному переживанию художественного произведения.

Список источников

- Арнонкур Н. 2009. Музыка языком звуков. Путь к новому пониманию музыки. Пер. с нем. И. Приходько. Харьков, 101 с. (Harnoncourt N. 1982. Musik als Klangrede. Wege zu einem neuen Musikverständnis, Essays und Vorträge. Salzburg, Residenz Verlag, 282 s.)

- Белинский В.Г. 1957. Избранные философские сочинения. Т. 2. Москва, Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 594 с.
- Год словесности, а не словес. 2014. Литературная Газета, 30 декабря 2014, № 51-52 (6492). URL: <https://pub.wikireading.ru/166169>
- Головач Н. 2007. Слово в музыку вернется. Литературная Газета, 1 января 2007. URL: <https://www.lgz.ru/article/slovo-v-muzyku-vernyetsya/>
- Данилин Ю. 2016. Музыка всегда автопортрет ... Литературная газета, 11 февраля 2016. URL: <https://www.lgz.ru/article/-6-6541-11-02-2016/muzyka-vsegda-avtoportret/>
- Даргомьжский А.С. 1922. Автобиография. Письма. Воспоминания современников. Под ред. Н. Финдейзена. Пг., Гос. академическая филармония, 202 с.
- Дебюсси К.А. 1964. Статьи. Рецензии. Беседы. Пер. с франц. А. Бушен. Под ред. Ю. Кремлева. Москва, Музыка, 277 с.
- Залеская М. 2021. Слова и музыка Сергея Прокофьева. Литературная газета, 21 апреля 2021. URL: <https://zotych7.livejournal.com/2580048.html>
- Захарчук М. 2018. Мы довоевываем в своих песнях. Литературная газета, №3-4 (6628), 24 января 2018. URL: <https://lgz.ru/article/my-dovoyevyvaem-v-svoikh-pesnyakh/>
- Кривицкая Е. 2023. Николай Шугаев: Живу между севером и югом. Музыкальная жизнь, 2 (782). URL: <https://muzlifemagazine.ru/nikolay-shugaev-zhivu-mezhdu-severom-i-yug/>
- Курбатова З. 2017. Искусство требует стен. Огонек, 16 октября 2017, № 41, с. 34. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3434177>
- Лихачёв Д.С. 2006. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. Под ред. Д.Н. Бакуна. М., Российский Фонд Культуры, 336 с.
- Митрофанова А. 2017. Дмитрий Коган: Музыку, как и веру, невозможно просчитать. Фома, 7 октября 2017, № 12. URL: <https://foma.ru/dmitriy-kogan-muzyku-kak-i-veru-nevozmozhno-proschitat.html>
- Мусоргский М.П. 1971. Литературное наследие: письма, биографические материалы и документы. Под ред. М.С. Пеклиса. М., Музыка, 359 с.
- Муштаева О. 2012. Звон души моей – частушка. Белгородские известия, 15 мая 2012. URL: <https://belwesti.ru/15.5.12-13846.html>
- Новичкова С.И. 2016. Музыка не знает границ. Литературная газета, 5 октября 2016, № 39. URL: <https://lgz.ru/article/-39-6569-5-10-2016/muzyka-ne-znaet-granits/>
- Одоевский В.Ф. 1956. Музыкальная грамота или основания музыки для не-музыкантов. В кн.: В.Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. Под ред. Г.Б. Бернандта. М., Государственное музыкальное издательство: 346–368.
- Пасынкова С. 2019. Леонид Половинкин: штрихи к портрету композитора. Музыкальная академия, 4(768). URL: <https://mus.academy/articles/leonid-polovinkin-shtrikhi-k-portretu-kompozitora>
- Русанова О. 2019. Вальс для Лары. Музыкальная жизнь, 28 февраля 2019. URL: <https://muzlifemagazine.ru/vals-dlya-lary/>
- Тарасова Д. 2023. Мастер подземного пения: Музыкальная карьера Джима Джармуша. Искусство кино, 22 января 2023. URL: <https://kinoart.ru/cards/master-podzemnogo-penya-muzykalnaya-kariera-dzhima-dzharmusha>
- Тарасова Л.И. 2017. Тихая музыка слов. Литературная газета, 22 февраля 2017, № 7 (6587). URL: <http://lgz.ru/article/> (дата обращения: 15.01.2021).
- Хитров А. 2014. Шесть песен о разном. Театр, 25 июня 2014. URL: <https://oteatre.info/shest-pesen-o-nbsp-raznom/>
- Ходнев С. 2018. Из чего состоит опера. Weekend, 28 сентября 2018, № 33, с. 28. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3750287>
- Metzner G. 1992. Heine in der Musik: Bibliographie der Heine-Vertonungen. 12 Bände. B. 9: Heine in der Musik: Werke, A-D. Schneider, Tutzing.

Список литературы

- Глушкова В.Г. 2008. Деловые отношения: русский этнокультурный идеал. Белгород, Кооперативное образование, 208 с.
- Данилина Г.И. 2008. Слово и музыка: новый взгляд на «соблазн сравнения». В кн.: Слово и музыка. Материалы научных конференций памяти А.В. Михайлова (Москва, 1 января – 31 декабря

- 2008 г.). Под ред. Е.И. Чigareвой, Е.М. Царевой, Д.Р. Петрова. М., Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского: 262–267.
- Кайда Л.Г. 2016. Эстетический императив интермедиального текста. Лингвофилософская концепция композиционной поэтики. М., Флинта, Наука, 128 с.
- Ковалевский Г.В. 2019. «Пиковая дама» П.И. Чайковского на либретто М.И. Чайковского: к проблеме взаимодействия музыки и слова в художественной концепции целого. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 2: 356–364. DOI: [10.25991/VRHGA.2019.20.3.034](https://doi.org/10.25991/VRHGA.2019.20.3.034)
- Махлина С.Т. 2000. В. Ф. Одоевский о языке музыки. В кн.: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 27–28 июля 2000 г.). Под ред. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Центр истории идей: 102–110.
- Михайлов А.В. 1995. Об обозначениях и наименованиях в нотных записях А.Н. Скрябина. В кн.: Нижегородский скрябинский альманах. Под ред. Т.Н. Левой. Нижний Новгород, Нижегородская ярмарка: 118–149.
- Перси У. 2003. «Не пой, красавица, при мне...»: культурная территория русского романтизма. Пер. с итал. У. Перси, Я. Токарева. Под ред. А. Полонского. М., Аграф, 336 с.
- Полонский А.В. 2018. Медиалект: язык в контексте медийной культуры. *Современный дискурс-анализ*, 3–1 (20): 189–198.
- Полонский А.В. 2019. Текстовая парадигма современности. Рукопись. Белгород, 204 с.
- Полонский А.В., Андриевская Г.П. 2014. Музыкальный текст и становление языка его описания в русской культуре. *Наука. Искусство. Культура*, 4 (4): 18–23.
- Стародубцев В.В. 2009. Слово и музыка. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 3: 93–102.
- Степанова И.В. 1999. Слово и музыка. Диалектика семантических связей. Москва, Изд-во «Московская консерватория», 288 с.
- Eco U. 1964. La musica e la macchina. In: Eco U. Apocalittici e integrati: comunicazioni di massa e teorie della cultura di massa. Milano, Casa Editrice Valentino Bompiani: 205–206.
- Margulis E.H., Levine W.H., Simchy-Gross R., Kroger C. 2017. Expressive intent, ambiguity, and aesthetic experiences of music and poetry. *PLoS One*, 12(7): e0179145. DOI: [10.1371/journal.pone.0179145](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179145)
- Omigie D. 2015. Music and literature: are there shared empathy and predictive mechanisms underlying their affective impact? *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01250>.
- Scher S.P. 1984. Einleitung: Literatur und Musik Entwicklung und Stand der Forschung. In: *Literatur und Musik: Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes*. Ed. S.P. Scher. Berlin, E. Schmidt: 9–26.
- Wolf W. 2002. Intermediality Revisited Reflections on Word and Music Relations in the Context of a General Typology of Intermediality. In: Bernhart W. *Word and Music: Essays in Honor of Steven Paul Scher and on Cultural Identity and the Musical Stage (Word and Music Studies 4)*. Eds. S. Aspden, S. M. Lodato. Amsterdam-N.Y., Rodopi: 13–34.

References

- Glushkova V.G. 2008. Delovye otnosheniya: russkiy etnokul'turnyy ideal [Delivery offer: Russian ethnocultural ideal]. Belgorod, Publ. Kooperativnoe obrazovanie, 208 p.
- Danilina G.I. 2008. Slovo i muzyka: novyy vzglyad na «soblazn sravneniya» [Word and music: a new look at the “temptation of comparison”]. In: Slovo i muzyka [Word and music]. Materials of scientific conferences in memory of A.V. Mikhailova (Moscow, January 1 – December 31, 2008). Eds. E.I. Chigareva, E.M. Tsareva, D.R. Petrov. M., Publ. Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. P.I. Chaykovskogo: 262–267.
- Kayda L.G. 2016. Esteticheskiy imperativ intermedial'nogo teksta. Lingvofilosofskaya kontseptsiya kompozitsionnoy poetiki [Aesthetic imperative of intermedial text. Linguistic and philosophical concept of compositional poetics]. Moscow, Publ. Flinta, Nauka, 128 p.
- Kovalevskiy G.V. 2019. Ludwig van Beethoven and his oeuvre in the perception of Pyotr Ilyich Tchaikovsky. *Review of the russian christian academy for the humanities*, 2: 356–364 (in Russian). DOI: [10.25991/VRHGA.2019.20.3.034](https://doi.org/10.25991/VRHGA.2019.20.3.034)
- Makhlina S. T. 2000. V.F. Odоеvskiy o yazyke muzyki [V.F. Odoevsky about the language of music]. In: Rossiyskaya utopiya epokhi Prosveshcheniya i traditsii mirovogo utopizma [Russian utopia of the

- Enlightenment and the traditions of world utopianism]. Proceedings of the international conference, (St. Petersburg, July 27–28, 2000). Eds. T.V. Artem'eva, M.I. Mikeshein. *Filosofskiy vek: Almanac*, 13. St. Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskiy Tsentri istorii idey: 102–110.
- Mikhaylov A.V. 1995. Ob oboznacheniyakh i naimenovaniyakh v notnykh zapisyakh A.N. Skryabina [On designations and names in musical notations by A.N. Scriabin]. In: *Nizhegorodskiy skryabinskiy al'manakh* [Nizhny Novgorod Scriabin almanac]. Ed. T.N. Levaya. Nizhniy Novgorod, Publ. Nizhegorodskaya yarmarka: 118–149.
- Persi U. 2003. «Ne poy, krasavitsa, pri mne...»: kul'turnaya territoriya russkogo romantizma [“Don't sing, beauty, in front of me...”: the cultural territory of Russian romanticism]. Per. from Italian U. Percy, Ya. Tokarev. Ed. A. Polonsky. Moscow, Publ. Agraf, 336 p.
- Polonskiy A.V. 2018. Medialect: language in the context of media culture. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 3–1(20): 189–198.
- Polonskiy A.V. 2019. Tekstovaya paradigma sovremennosti [Textual paradigm of modernity]. Manuscript. Belgorod, 204 p.
- Polonskiy A.V., Andriyevskaya G.A. 2014. Music text and formation of language its description in the russian culture. *Science. Arts. Culture*, 4(4): 18–23 (in Russian).
- Starodubtsev V.V. 2009. The word and music. *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 3: 93–102 (in Russian).
- Stepanova I.V. 1999. Slovo i muzyka. Dialektika semanticheskikh svyazey [Word and music. Dialectics of semantic connections]. Moscow, Publ. Moskovskaya konservatoriya, 288 p.
- Chigareva E.I. 2017. A.V. Mikhaylov and the issue of the word and music. *Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts*, 38: 90–97 (in Russian).
- Eco U. 1964. La musica e la macchina [Music and the machine]. In: Eco U. *Apocalittici e integrati: comunicazioni di massa e teorie della cultura di massa* [Apocalyptic and integrated: mass communications and theories of mass culture]. Milan, Publ. Valentino Bompiani: 205–206.
- Margulis E.H., Levine W.H., Simchy-Gross R., Kroger C. 2017. Expressive intent, ambiguity, and aesthetic experiences of music and poetry. *PLoS One*, 12(7): e0179145. DOI: [10.1371/journal.pone.0179145](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179145).
- Omigie D. 2015. Music and literature: are there shared empathy and predictive mechanisms underlying their affective impact? *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01250>.
- Scher S.P. 1984. Einleitung: Literatur und Musik Entwicklung und Stand der Forschung [Introduction: Literature and music development and status of research]. In: *Literatur und Musik: Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes* [Literature and Music: A handbook on the theory and practice of a comparative border area]. Ed. S.P. Scher. Berlin, Publ. E. Schmidt: 9–26.
- Wolf W. 2002. Intermediality Revisited Reflections on Word and Music Relations in the Context of a General Typology of Intermediality. In: Bernhart W. *Word and Music: Essays in Honor of Steven Paul Scher and on Cultural Identity and the Musical Stage* (Word and Music Studies 4). Eds. S. Aspden, S. M. Lodato. Amsterdam-N.Y., Rodopi: 13–34.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.06.2023

Поступила после рецензирования 06.09.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received June 24, 2023

Revised September 06, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глушкова Валентина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina G. Glushkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Business Communications, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.

Полонский Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-2678-6203](https://orcid.org/0000-0002-2678-6203)

Зарицкий Владимир Денисович, профессор, заведующий кафедрой оркестровых инструментов, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Андриевская Галина Петровна, кандидат искусствоведения, преподаватель кафедры вокально-хорового искусства, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Journalism Department of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-2678-6203](https://orcid.org/0000-0002-2678-6203)

Vladimir D. Zaritskiy, Professor, Head of the Department of Orchestral Instruments of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Galina P. Andriyevskaya, Candidate of Art History, lecturer of the Department of Vocal and Choral Art of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 81
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-422-428

К вопросу о классификации современных медиасистем

¹ Кононова Е.И., ² Короченский А.П.

¹ Белорусский государственный университет,

Республика Беларусь, 220004, г. Минск, ул. Кальварийская, 9

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85

kononovaelena@mail.ru; prensa@yandex.ru

Аннотация. Одной из насущных задач изучения современных медиасистем стран мира является выработка их классификации, позволяющей проводить более обоснованные компаративные исследования национальных систем массмедиа с учетом универсальных тенденций новейшей эволюции медийных ландшафтов на планете. В данной работе предпринята попытка создания такой классификации с применением структурного анализа, дополненного учетом развития новых медиа и медиапотребления различных секторов национальных медиасистем с целью выявления их распределения по степени значимости. Определены три основных группы национальных медиасистем стран мира: продвинутые, развитые, развивающиеся.

Ключевые слова: медиасистемы, структурный анализ, распространение интернета, медиапотребление, группы медиасистем

Для цитирования: Кононова Е.И., Короченский А.П. 2023. К вопросу о классификации современных медиасистем. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 422–428. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-422-428

Concerning to the Problem of the Classification of Modern Media Systems

¹ Elena I. Kononova, ² Alexandr P. Korochensky

¹ State University of Belarus,

9 Kalvariyskaya St, Minsk 220004, Republic of Belarus

² Belgorod National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

kononovaelena@mail.ru; prensa@yandex.ru

Abstract. One of the urgent tasks of studying modern media systems of the countries of the world is the development of their classification, which allows for more reasonable comparative studies of national mass media systems. In this paper, an attempt is made to create such a classification using structural analysis, supplemented by taking into account the development of new media and media consumption of various sectors of national media systems in order to identify their distribution in terms of importance. Three main groups of national media systems of the countries of the world have been identified.

Keywords: media systems, structural analysis, internet penetration, media consumption, groups of media systems

For citation: Kononova E.I., Korochensky A.P. 2023. Concerning to the Problem of the Classification of Modern Media Systems. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 422–428 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-422-428

Введение

Одной из насущных задач изучения современных медиасистем стран мира является выработка их классификации, позволяющей проводить более обоснованные компаративные исследования национальных систем массмедиа с учетом универсальных тенденций новейшей эволюции медийных ландшафтов на планете. С.С. Бодрунова отметила, что «практически отсутствуют попытки не только описать свойства медиасистем в системно-теоретической перспективе, но и хотя бы дать определение термина «медиасистема», при том что он используется повсеместно и в разных работах обозначает разные объекты» [Бодрунова, 2015, с. 57]. Впоследствии определение медиасистемы было предложено некоторыми исследователями [Вартанова, 2019].

В российской науке пристальное внимание к медиасистеме проявил М.В. Шкондин, который рассматривает ее как сложную экономическую, социальную и профессиональную систему, обладающую целостностью совокупности компонентов, выступающих как ее подсистемы (которые могут именоваться также как организованные части, сектора медиасистемы). В работах М.В. Шкондина исследуются интегративные качества медиасистемы, прежде всего ее целостность в структурном и функциональном аспектах. Автор не стремился создать классификацию медиасистем, как и другие исследователи [Шилина, 2010; Гавра, Науменко, 2020].

Попытку создать классификационное деление национальных медиасистем предприняли D.C. Hallin, P. Mancini [2004]: в монографии «Сравнение медиасистем – три модели медиа и политики» они оценили взаимосвязь политических систем с медиасистемами в восемнадцати странах Северной Америки и Западной Европы. Они классифицировали медиасистемы Франции, Греции, Италии, Испании и Португалии в поляризованной плюралистической модели или средиземноморской модели; Австрии, Германии, Финляндии, Дании, Бельгии, Нидерландов, Швеции, Норвегии и Швейцарии – в модели демократического корпоративизма или модели Северной/Центральной Европы; и Великобритании, США, Канады и Ирландии – в либеральной или североатлантической модели. В дальнейшем D.C. Hallin, P. Mancini распространили свою классификацию медиасистем еще на десять стран: Бразилию, Китай, Израиль, Ливан, Литву, Польшу, Россию, Саудовскую Аравию, Южную Африку и Таиланд.

Эксперты Международной программы развития коммуникаций (ЮНЕСКО) [Media Development..., 2008] предложили основные показатели изучения развитости медиасистем, распределив их по следующим категориям: состояние системы регулирования деятельности медиа, плюрализм и разнообразие медиа, экономические условия их функционирования и прозрачность отношений собственности в медиасистеме; концентрация медиа; сочетание общественных, частных и коммунальных медиа; состояние рекламного рынка и пр. Хотя применение этих категорий к конкретным национальным медиасистемам в принципе могло бы стать основой для их классификации по признакам развитости и дальнейшего компаративного изучения, в данном документе они не представлены.

Состояние изученности современных медиасистем свидетельствует о недостаточном внимании исследователей к структурным аспектам их развития, которые приобрели существенное значение вследствие происходящих в последние десятилетия перемен ввиду повсеместного распространения Интернета и в итоге – появления и становления новых медийных секторов, прежде всего онлайн-медиа. Сохраняя свою фундаментальную характеристику – целостность – медиасистемы переживают в наши дни рост значения одних секторов и сокращение других. Вследствие этого наблюдается перераспределение ролей между различными секторами внутри медиасистем, показателями которого выступают данные о медиапотреблении. Однако имеющиеся

исследования медиасистем не учитывают их внутренних изменений, обусловленных переменами в приоритетах медиапотребления аудитории.

В связи с этим сегодня необходимо сравнительное изучение медиасистем стран мира в свете структурного анализа, сопровождаемого изучением характеристик приобщения к Интернету и особенностей медиапотребления, что является целью данной работы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются современные национальные медиасистемы, рассматриваемые в компаративном аспекте с учетом их структурного строения и факторов, влияющих на их развитие, включая степень освоения ресурсов глобальной компьютерной сети Интернет и специфику медиапотребления в странах, в которых действуют названные медиасистемы. Классификационное деление национальных медиасистем, их объединение в группы с учетом названных показателей обеспечивается применением общенаучного метода классификации по трем параметрам: структура медиасистем, использование Интернета, характеристика медиапотребления.

В работе использованы предоставленные ООН, Международным Союзом электросвязи¹, международными организациями Statista², DataReportal³, сервером Global Economy⁴ статистические данные о распространении Интернета по странам мира, о структуре медиасистем и медиапотребления на региональных и национальных уровнях.

Структура современных медиасистем

Под медиасистемой понимается совокупность медиаканалов и медийных организаций, в которых происходит генерация, агрегация и дистрибуция медиаконтента. Для медиасистемы характерна целостность, обеспечиваемая взаимовлиянием и переплетением различных ее структурных элементов, что особенно отчетливо проявляется в условиях медиаконвергенции и нарастающей экономизации медиасферы. На медиасистемы оказывают влияние политическая и экономическая организация общества, духовное производство, на них воздействуют исторические, политические, социальные, технологические, культурные, этнические и другие особенности национального и глобального контекста. В наши дни огромное влияние на современные медиасистемы, их структурное строение стали оказывать социальные сети, различные интернет-порталы, мобильные средства связи. Они обеспечивают адаптацию медиасистем к изменяющимся условиям социальной среды, потребностям общества.

Структура медиасистем включает различные секторы, в которых в свою очередь представлены отдельные структурные элементы.

Секторы медиасистемы:

- 1) *периодическая печать*: газеты, журналы;
- 2) *радио*: национальное, международное;
- 3) *телевидение*: эфирные телеканалы; кабельные системы ТВ; спутниковое ТВ; телевещание через мобильную телефонию;
- 4) *онлайн-медиа*: автономные онлайн-медиа, интернет-версии газет, журналов, радио- и телестанций, информационных агентств (сайты, порталы), телеканалы на youtube и других видеохостингах, конвергированные медиа;
- 5) *онлайн-социальные медиа*: сайты и блоги пользователей, социальные сети.

¹ Международный Союз электросвязи. 2023. URL: <https://www.itu.int>

² Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com>

³ Kepios. 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-afghanistan>

⁴ Global Economy. 2023. URL: <https://www.theglobaleconomy.com/>

В условиях цифровой коммуникационной революции весьма существенным фактором развития национальных медиасистем является степень приобщенности каждой страны к глобальной компьютерной сети. По имеющимся прогнозам, непрерывно нарастающая всемирная численность пользователей Интернетом увеличится между 2023 и 2028 годами в целом на 860,7 миллионов человек (или на 16,14 %) и достигнет 6,2 млрд [Number..., 2023].

Широкое использование Интернета создает аудиторию для новых цифровых медиа, расцвет которых стал возможен благодаря подключенности к Сети. Статистика распространения Интернета в мире (internet penetration) по данным международной организации Statista демонстрирует наличие группы стран с самой высокой, практически всеобщей интернетизацией населения и медиа. Это главным образом экономически и технологически развитые страны, включая США (с 92,0 % проникновения Интернета в 2022 году), Великобританию (98,0 %), Германию (93,0 %), Швецию (97,0 % на начало 2022 года) и другие западные государства, а также Японию (94,0 %), Южную Корею (98 %), Сингапур (92 %) [Statista, 2023].

В условиях, когда практически все население названных стран имеет доступ к сетевым коммуникациям (при показателях доступа к интернету более 90 %), а экономический и технологический потенциал позволяет перейти к самым современным способам коммуникации, в национальных медиасистемах представлен весь структурный спектр секторов – от традиционной периодики, радио и телевидения до базирующихся в Сети медиа, мобильного ТВ, социальных сетей. Имеет место массовое участие физических лиц в медиакommunikациях, в том числе в качестве пользователей – генераторов контента (на блогах, сайтах, видеохостингах, в социальных сетях). Коммерческие компании активно используют интернет-площадки для электронной коммерции. Ввиду конкуренции с новейшими источниками информации структура медиапотребления в наиболее развитых странах имеет тенденцию к сокращению использования бумажной прессы и недавнего медиа номер один – телевидения. Приоритет в медиапотреблении населения склоняется к сетевым СМИ. Медиасистемы такого рода могут быть обозначены как *продвинутые*. При этом жители развитых стран могут уступать даже некоторым развивающимся государствам по использованию социальных сетей. Так, в Нигерии и на Филиппинах общение в социальных сетях в 2021 году превысило в среднем 4 часа в день, в Индии – 2,36 часа, в то время как в США – 2,14 часа, в Великобритании – 2,48, Германии – 1,29 [Which countries..., 2022].

Предпосылки для перехода национальных медиасистем в категорию наиболее развитых созданы и в некоторых странах с высоким уровнем проникновения Интернета. В их числе, например, Белоруссия (с 86,9 % на начало 2023 года), Турция (82,0 % на начало 2022 года). Хотя сама по себе интернетизация населения еще не приводит к появлению наиболее передовых медиасистем, подтверждением чему служит Иордания с 66,0 % пользователей Сетью на начало 2022 года.

Ряд государств мира, где интернетизация населения пока не стала всеобщей, находятся на стадии интенсивной трансформации медиасистем под влиянием новых коммуникационных технологий. Большинство жителей там уже стало пользователями глобальной компьютерной сетью, состоялась и частичная цифровизация медиа. Это относится, например, к странам с развивающейся экономикой из группы BRICS [Вартанова и др., 2018]. Так, проникновение Интернета в России составило по данным DataReportal в начале 2023 г. 88,2 %, в Китае 73,7 %, Бразилии – 77 % (2022 г.). В Южно-Африканской республике Интернет доступен 78,6 % граждан, многим – только через мобильные телефоны. На фоне других членов BRICS Индия имеет более скромный показатель проникновения интернета – всего 48,7 %, т. е. немногим менее половины населения, что сближает эту страну с группой развивающихся государств.

В структуре медиапотребления стран с развивающейся экономикой и среднеразвитых государств приоритетны сектора традиционных медиа, хотя онлайн-источники информации уверенно их теснят. Например, бумажная пресса теряет позиции в конкуренции с сетевыми изданиями, а большинство бразильских газет и журналов создали интернет-версии с платным доступом к контенту. Несколько иная ситуация в Индии, где бумажная пресса в целом сохраняет свои сильные позиции в конкуренции с ТВ и онлайн-источниками. Приоритетным является телевидение: так, в Бразилии в 2016 г. его смотрели 77 % бразильцев [Вартанова и др., 2018, с. 28]. Несмотря на бурный прогресс потребления онлайн-медиа, телевидение весьма популярно в Китае, России, ЮАР. Медиасистемы подобного рода могут быть обозначены как *развитые*.

Проникновение Интернета в развивающиеся страны существенно отстает от уровня экономически развитых стран, что объясняется отставанием в продвижении новых технологий, узостью экономик и национальных рекламных рынков, низкой покупательной способностью населения. Это в совокупности лишает медиа стабильной экономической базы для функционирования и прогресса. Типичным явлением для многих развивающихся стран является отсутствие электрификации за пределами городских центров, что сдерживает развитие телевидения и интернетной связи. Поэтому подключение к всемирной компьютерной Сети в большинстве развивающихся стран имеет менее половины населения. Так, по данным за 2022 год, в Пакистане доступ к Сети имели 36,5 % жителей, в Кении – 42 %, в Эфиопии – 25 %, Зимбабве – 30,6 %. Эти показатели минимальны в государствах, охваченных политической и экономической нестабильностью, долговременными военными конфликтами. Так, в Йемене, охваченном гражданской войной, доступ к Интернету по данным на начало 2022 года имели всего 26,7 % населения, в Судане – 30,9 % населения на тот же период. В Афганистане до возвращения талибов к власти Сетью пользовались всего 18,4 % жителей (2020 г.). К началу 2023 года этот показатель остался прежним [Кемп, 2023].

В отстающих странах наблюдается недостаточное развитие различных секторов и элементов национальных медиасистем, включая онлайн-СМИ и социальные сети, ежедневные газеты, разовый совокупный тираж которых составляет менее норматива 100 экземпляров на 1000 жителей из-за неграмотности и низкой покупательной способности населения. Внедренное там аналоговое телевидение имеет ограниченный аудиторный охват из-за недостаточной обеспеченности населения телевизионными приемниками, особенно в лишенной электричества сельской местности. Существует лишь частичный охват территории наземным вещанием национальных телекомпаний и, как следствие, наблюдается использование спутниковых каналов телевидения. Отмечается незначительный процент собственных телепрограмм, производимых национальными телекомпаниями в условиях преобладания программ, импортируемых из-за рубежа. Большое значение в национальных медиасистемах имеет радио, обеспечивающее в условиях экономических ограничений наиболее дешевое производство и распространение контента. Медиасистемы с подобными характеристиками относятся к группе *развивающихся*.

Заключение

Таким образом, существующие в современном мире медиасистемы представлены тремя группами:

1) *продвинутые медиасистемы*, сформировавшиеся в странах с практически всеобщим доступом населения (более 90 % жителей) к глобальной компьютерной Сети и к онлайн-медиа. В этих медиасистемах развиты все структурные сектора с тенденцией оттеснения традиционных медиа вследствие переключения пользователей на онлайн-источники информации.

2) **развитые медиасистемы** в государствах со значительной степенью проникновения Интернета, в результате чего 50 и более процентов жителей пользуются возможностями Сети. Для этой группы характерна ориентация аудитории на преимущественное использование традиционных медийных секторов, которые, однако, теряют свои позиции в результате конкуренции с усиливающимися онлайн-медиа. По представленным показателям медиапотребления характерно позиционирование телевидения как номера один в национальных медиасистемах.

3) **развивающиеся медиасистемы** существуют в государствах с низким уровнем интернетизации (менее 50 % населения), отсталой экономикой и слабой экономической активностью подавляющего большинства граждан. Здесь в национальных медиасистемах наблюдается отставание в развитии таких секторов, как бумажная периодика, телевидение, онлайн-медиа. Характерной особенностью развивающихся медиасистем является значительная роль радио, которое создает и распространяет относительно дешевый контент, охватывая не электрифицированные отдаленные и сельские районы, поскольку там прием радиопередач возможен на портативные радиоприемники на батарейках.

Список источников

- Медиапотребление: 5 главных трендов, особенности и применение. 2022. Popsters, 26 июля 2022 г. URL: <https://popsters.ru/blog/post/68>
- Полищук М. 2022. Mediascope рассказал о трендах медиапотребления в 2022 году. Sostav.ru, 9 декабря 2022 г. URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-mediarendy-58041.html>
- Kemp S. 2023. Digital 2023: Afghanistan. Kepios, February 13, 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-afghanistan>
- Media Development Indicators: A framework for assessing media development. 2008. Endorsed by the Intergovernmental Council of the International Programme for the Development of Communication (IPDC) at its 26th session (26-28 March 2008). Paris, UNESCO, 102 p.
- Number of internet users worldwide from 2013 to 2028 (in millions). 2023. Statista. URL: <https://www.statista.com/forecasts/1145081/internet-users-in-europe>
- Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com>
- Which countries spend the most time on social media? 2022. World Economic Forum, April 29, 2022. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/04/social-media-internet-connectivity/>
- World Statistics Pocketbook 2022 edition. 2022. Containing data available as of 31 July 2022. New York, United Nations, 292 p.

Список литературы

- Бодрунова С.С. 2015. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах. Дис. докт. полит. наук. СПб, 498 с.
- Вартанова Е.Л. 2009. Теория СМИ: Актуальные вопросы. М., МедиаМир, 487 с.
- Вартанова Е.Л. 2019. Медиасистема как актуальный концепт теории СМИ. В кн.: Актуальные проблемы медиаисследований – 2019. Материалы IX Международной научной конференции (Москва, 05 декабря 2019 г.). Под ред. Е.Л. Вартановой. М., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова: 11–12.
- Вартанова Е.Л., Ткачева Н.В., Филаткина Г.С., Эль-Бакри Т.В. 2018. Медиасистемы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования. Под ред. Е.Л. Вартановой. М., Аспект Пресс, 192 с.
- Гавра Д.П., Науменко К.А. 2020. Концепт «медиасистема» в современной теории массовых коммуникаций. *Медиаскоп*, 1: 5. DOI: [10.30547/mediascope.1.2020.5](https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.5).
- Кононова Е.И. 2020. Информационное общество: мейнстрим национальных медиасистем. Минск, Издательский центр БГУ, 144 с.
- Шилина М.Г. 2010. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМИ. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 1: 6–22.
- Шкондин М.В. 2014а. Интегративные качества медиасистемы. *Вопросы теории и практики журналистики*, 2(6): 17–24.
- Шкондин М.В. 2014б. Функциональная целостность медиасистемы. *Известия Иркутской государственной экономической академии*, 2(94): 144–149.

Hallin D.C., Mancini P. 2004. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge University Press, 342 p. [DOI: 10.1017/CBO9780511790867](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790867)

References

- Bodrunova S.S. 2015. Mediakratiya: SMI i vlast' v sovremennykh demokraticeskikh obshchestvakh [Mediocracy: Media and Power in Modern Democratic Societies]. Dis. doc. political science. St. Petersburg, 498 p.
- Vartanova E.L. 2009. Teoriya SMI: Aktual'nye voprosy [Media Theory: Current Issues]. M., Publ. MediaMir, 487 p.
- Vartanova E.L. 2019. Mediasistema kak aktual'nyy kontsept teorii SMI [Media system as a relevant concept in media theory]. In: Aktual'nye problemy mediaissledovaniy – 2019 [Current problems of media research - 2019]. Proceedings of the IX International Scientific Conference (Moscow, December 5, 2019). Ed. E.L. Vartanova. M., Publ. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova: 11–12.
- Vartanova E.L., Tkacheva N.V., Filatkina G.S., El'-Bakri T.V. 2018. Mediasistemy stran BRIKS: mstoricheskiy genezis, osobennosti funktsionirovaniya [Media systems of the BRICS countries: historical genesis, features of functioning]. Ed. E.L. Vartanova. M., Publ. Aspekt Press, 192 p.
- Gavra D.P., Naumenko K.A. 2020. Concept of media system in the contemporary mass communication theory. *Mediascope*, 1: 5 (in Russian). [DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.5](https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.5).
- Kononova E.I. 2020. Informatsionnoe obshchestvo: meynstrim natsional'nykh mediasistem [Information society: the mainstream of national media systems]. Minsk, Publ. Izdatel'skiy tsentr BGU, 144 p.
- Shilina M.G. 2010. Tendencies of the modern media systems' development and relevant conceptions of mass communications theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 1: 6–22.
- Shkondin M.V. 2014a. Integrative feachers of media system. *Theoretical and practical issues of journalism*, 2(6): 17–24 (in Russian).
- Shkondin M.V. 2014b. Functional integrity of the media system. *Bulletin of Baikal State University*, 2(94): 144–149 (in Russian).
- Hallin D.C., Mancini P. 2004. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge University Press, 342 p. [DOI: 10.1017/CBO9780511790867](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790867)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.07.2023

Поступила после рецензирования 03.09.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received July 15, 2023

Revised September 03, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кононова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международной журналистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Короченский Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Kononova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Journalism, State University of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-429-440

Организация общественного диалога: проблемы взаимодействия журналистов с пресс-службами органов власти

Романова А.Н.

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
angel.galich@mail.ru

Аннотация. Важную роль в организации диалога «власть – ТВ – общество» играют государственные контракты, которые оказывают существенное влияние на деятельность региональных медиа. Ряд научных публикаций свидетельствует, что характер этого воздействия является деструктивным. Однако особенности взаимоотношений ТВ редакций и PR-структур, непосредственно сообщающих за реализацию информационных договоров, практически не изучены. Целью данного исследования является анализ основных противоречий сотрудничества журналистов и пресс-секретарей, возникающих в условиях осуществления контрактных задач, и выявление эффективных способов их разрешения. В результате определены такие проблемы, как недостаточный уровень профессионализма журналистов и пресс-секретарей, «медиаподкованности» чиновников, а также формальное отношение ответственных специалистов к исполнению контрактных обязательств, исключающее творческую инициативу, основанную на поддержании приоритета общественных интересов. Проведенное исследование подтверждает наличие тенденции игнорирования мнения граждан в рамках публичной дискуссии, но демонстрирует возможность реализации подлинного диалога «власть – ТВ – общество» в условиях действия госконтракта, что может представлять интерес для дальнейших научно-практических исследований функционирования региональных медиа.

Ключевые слова: региональное телевидение, пресс-службы органов власти, государственный информационный контракт, общественный диалог, власть – ТВ – общество

Для цитирования: Романова А.Н. 2023. Организация общественного диалога: проблемы взаимодействия журналистов с пресс-службами органов власти. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 429–440. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-429-440

Organization of Public Dialogue: Problems of Interaction of Journalists with the Press Services of the Authorities

Angelina N. Romanova

Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia
angel.galich@mail.ru

Abstract. Government contracts play an important role in the organization of the power – TV – society dialogue. Today they have a significant impact on the activities of regional media. This influence is destructive. This is evidenced by a number of scientific publications, but the specifics of the relationship between PR structures and TV editorial offices, which are responsible for the implementation of information contracts, are practically not studied. The purpose of this study is to analyze the main contradictions of cooperation between journalists and press secretaries. These contradictions arise in the

context of the implementation of contractual tasks. Also, the purpose of the article is to identify effective ways to resolve contradictions. To assess the scale of the problem, the author of the article monitored the local blocks of the Vesti program of the country's state regional television companies. The period is arbitrary. The author watched 246 issues. They were broadcast by 82 regional state TV companies. Also, the author of the article set the task to systematize the data. As part of the study, an expert survey of correspondents, editors and PR staff was carried out, in which 36 people took part. As a result, such problems as the insufficient level of professionalism of journalists and press secretaries, the formal attitude of responsible specialists to the fulfillment of contractual obligations, excluding creative initiative based on maintaining the priority of public interests, were identified. The media closeness and limitations of officials are also a problem. The conducted research demonstrates the possibility of implementing a genuine "power – TV – society" dialogue under the conditions of the state contract, which may be of interest for further scientific and practical research on the functioning of regional media.

Keywords: regional television, press services of authorities, information contract, public dialogue, authority – media – society

For citation: Romanova A.N. 2023. Organization of Public Dialogue: Problems of Interaction of Journalists with the Press Services of the Authorities. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 429–440 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-429-440

Введение

На современном этапе, когда практически все региональные телекомпании страны связаны договором на информационное обслуживание с органами власти различного уровня (под информационным договором понимается контракт, заключаемый на конкурсной основе между государственным заказчиком и медиакомпанией [Машенцева, 2018]) и попадают в ситуацию финансовой и политической зависимости [Довбыш, 2017], особенно значимым становится вопрос соблюдения журналистами основополагающих принципов профессии, исполнения функции общественного контроля и миссии социального служения. Редакции обязаны согласовывать материалы, создаваемые в рамках госконтрактов, с пресс-секретарями администраций и правительств субъектов РФ. Сотрудничество специалистов, которые находятся по разные стороны официального договора, напрямую влияет на качество диалога «власть – ТВ – общество» [Бурова, 2012]. Он может представлять собой имитационный коммуникативный процесс, главная цель которого презентация успешной деятельности чиновников, а может приобретать форму эффективного взаимодействия.

Об имитации свидетельствуют журналистские материалы, однобоко представляющие ту или иную общественную проблему: обнаружится информация об усилиях чиновников, направленных на её разрешение, но практически исключается оценка гражданами полученных результатов и бытовой анализ происходящего представителями местного сообщества. На результативную коммуникацию между властью и обществом указывает наличие обратной связи, организация публичной дискуссии всех заинтересованных лиц в рамках заданной темы.

Проблему взаимоотношений российских медиа и отделов по связям с общественностью органов власти в своих работах рассматривали Бурова Ю.Е., Горновая В.А., Гостенина В.И., Денисова Н.А., Довбыш О.С., Емельянов И.К., Колесник О.А., Кочеткова А.В., Марков А.А., Мельник Г.С., Шибанова Ю.В., Щепилова Г.Г. Исследователи сходятся во мнении, что PR-структуры органов государственного управления оказывают существенное влияние на реализацию диалогических отношений власти и общества. В качестве основной причины рассматривают существование актуальной для России модели развивающихся стран, которая предполагает контроль за функционированием медиасистем и определяет одним из условий государственного развития ограничение деятельности СМИ [Емельянов, Русанова, 2022]. Между тем на

современном этапе в России складывается открытое информационное общество, основа которого – субъект-субъектные отношения власти и народа [Адемукова и др., 2017]. Эффективность публичного дискурса должна достигаться за счёт разъяснения сути реформ, программ и проектов и параллельного обеспечения механизмов обратной связи с тем, чтобы «предложения и замечания «с мест» можно было учесть при корректировке решений власти» [Денисова, 2009, с. 23].

Тем не менее реальное положение дел свидетельствует о том, что сотрудники отделов по связям с общественностью не воспринимают в качестве своей профессиональной цели помощь в развитии гражданской коммуникации [Гостенина и др., 2015]. Стремясь к созданию позитивной информационной повестки, пресс-секретари способствуют формированию в эфирах региональных телекомпаний параллельной медиареальности, в которой нет места обычным людям с их насущными проблемами. А есть чиновники, представляющие свою деятельность как подарок обществу, хотя обеспечение качественной и комфортной жизнедеятельности граждан – прямая обязанность выборной власти [Марков, 2022]. Журналистские материалы, далёкие от проблемной действительности, могут свидетельствовать и о налаженных отношениях СМИ и власти, поскольку региональные медиа, получающие финансовую поддержку от местных администраций и правительств, добровольно готовы работать в соответствии с интересами чиновничьих структур, меньшее значение придавая информационным потребностям общества [Горновая, 2016]. Такое положение дел является угрожающим для развития отношений «власть – медиа – общество», поскольку органы управления теряют авторитет, «возможность налаживания обратной связи с местным сообществом, граждане не получают возможности использования качественной информации, а СМИ оказываются невостребованными и утратившими способность выполнять основные функции» [Колесник, 2021, с. 47].

Усилия PR-специалистов, как правило, аккумулируются вокруг создания позитивного имиджа конкретных чиновников либо административной структуры в целом. Г.С. Мельник констатирует: «СМИ предпочитают плохие новости хорошим, а работники PR-сферы заинтересованы совершенно в обратном: предпочитают хорошие новости плохим» [Мельник, 2012, с. 111]. А.Д. Кривонос, О.Г. Филатова, М.А. Шишкина также указывает на информирование в сфере паблик рилейшнз как на «целенаправленный отбор оптимизированных фактов» [Кривонос и др., 2010, с. 13].

«Информационное обслуживание» органов власти, прописанное в государственных контрактах, приводит к тому, что «массмедиа начинают выполнять не свойственные им функции – поставлять аудитории однонаправленную позитивную информацию, далекую от глубокого анализа, интерпретации и оценки различных явлений с позиции их социальной значимости...» [Мельник, 2012, с. 111]. Таким образом, формируются условия, способные оказывать негативное влияние на соблюдение региональными журналистами принципов профессиональной деятельности, один из которых – приоритет общественных интересов перед групповыми. В исследовании Г.Г. Щепиловой и М.В. Бурьяновой показано: сложившиеся на базе информационных контрактов отношения между властью и СМИ не являются «нормальным явлением в демократическом обществе» и несут в себе «элементы цензурного ограничения» [Щепилова, Бурьянова, 2014].

«Правильной» подачи той ли иной информации, связанной с деятельностью органов власти, пресс-секретари требуют от корреспондентов, редакторов и ведущих, создающих «заказные» (в рамках договорных обязательств) сюжеты и/или программы в эфирах государственных телекомпаний во всех субъектах страны [Романова, 2023б]. Количество условно необъективной информации в российском региональном вещании огромно: сегодня из 82 российских ГТРК 81 студия заключает информационные контракты с органами власти [Романова, 2023а]. При этом в открытых источниках человеку, не знающему нюансы системы госзакупок, крайне сложно найти сведения о точном финансовом объеме того или иного регионального госконтракта на размещение

информационных видеоматериалов в эфирах местных телеканалов. Аналитический портал «Проект Комитета гражданских инициатив «ГосЗатраты»¹, которым активно пользуются многие теоретики медиа, содержит данные лишь частично и не располагает полной информацией об общем количестве и суммах контрактов между ГТРК и соответствующим правительством/администрацией субъекта за конкретный год. Закрытыми являются и показатели того, какую часть бюджета государственной телерадиокомпании области, края или республики составляет оплата по договору на информационное обеспечение деятельности властей. По мнению А.В. Вырковского и М.И. Макеенко [2014], в начале 2010-х контракты с властными структурами обеспечивали от 10 до 80 % дохода региональных компаний в зависимости от субъекта и характеристик медиа. Многолетний опыт работы автора данной статьи в структуре ГТРК «Дон-ТР», опыт взаимодействия с коллегами из различных российских ТВ студий, а также сведения из неофициальных источников позволяют предположить, что сегодня минимальный порог вырос до 30 %. Согласно исследованиям О.С. Довбыш и Е.А. Гудовой [2016], именно госконтракты стали распространенной формой господдержки региональных медиа страны, но при этом отсутствие четких требований к договорам, измерений их эффективности, а также отсутствие какой-либо отчетности перед аудиторией привело к созданию ситуации, когда исполнение общественной медиафункции может полностью заменяться самопиаром местных властей.

Объект и методы исследования

Объектом анализа стало содержание новостных передач ГТРК. Также были проанализированы результаты опроса журналистов и работников региональных государственных пресс-служб. Для оценки масштаба проблемы и систематизации данных автор статьи провела мониторинг местных блоков программы «Вести» всех 82 государственных региональных телерадиокомпаний страны (ГТРК) в произвольный период (246 выпусков). Также был осуществлен экспертный опрос корреспондентов, редакторов и PR-сотрудников, в котором приняли участие 36 человек.

Результаты и их обсуждение

В качестве доказательной базы, а также для определения масштабов обозначенной проблемы, нами произведен мониторинг вечерних (прайм-тайм²) региональных выпусков «Вестей» (канал «Россия 1», время выхода в эфир – 21:05) в произвольный период – с 03.07.2023 по 05.07.2023 включительно (всего было просмотрено 246 программ). Учитывалось: 1) наличие/отсутствие материалов с участием губернатора и/или первых лиц регионального правительства, выполненных в позитивном ключе (что является основным признаком контрактных сюжетов), 2) наличие/отсутствие представления общественно значимой проблемы в заказных ТВ продуктах, 3) наличие/отсутствие в них мнений и комментариев местных жителей.

Итоги мониторинга представлены в табл. 1 (в каждой графе обобщены данные анализа трех вечерних новостных выпусков по принципу объединения результатов в сторону большинства). Как видно из табл. 1, в вечерних новостных блоках 61 государственной региональной телерадиокомпании (74,4 %) присутствуют сюжеты с участием губернатора либо иных первых лиц субъекта. Общественно значимым проблемам посвящено 80,3 % таких материалов, однако важно отметить, что все они исполнены однообразно: здание сельской школы разрушалось – школу отремонтировали, а если подрядчик отстает от графика – глава субъекта лично разбирается с проблемой; жители жаловались на плохие дороги – дороги делают, губернатор инспектирует ход работ; придомовые территории превратились в отхожие места – на проблему обратили внимание чиновники, теперь дворы благоустроены и т.д. и т.п.

¹ Проект «ГосЗатраты», 2023. URL: <https://clearspending.ru/>

² Время наиболее активного просмотра программы аудиторией в течение суток.

Таблица 1
 Table 1

Наличие и характерные особенности контрактных сюжетов
 в вечерних региональных выпусках программы «Вести»
 The presence and characteristic features of contractual plots in the evening regional editions
 of the Vesti program

ГТРК (государственная телерадиокомпания) *	Первые лица	Общественная проблема	Мнения граждан	ГТРК (государственная телерадиокомпания)	Первые лица	Общественная проблема	Мнения граждан
1	2	3	4	5	6	7	8
«Алтай»	+	+	+	«Ивтелерадио»	+	–	–
«Чита»	+	+	–	«Калуга»	+	–	–
«Иркутск»	+	–	–	«Кострома»	+	+	+
«Кузбасс»	–	–	–	«Курск»	+	–	–
«Новосибирск»	+	+	–	«Липецк»	+	+	+
«Иртыш»	+	–	–	«Смоленск»	+	+	+
«Бурятия»	–	–	–	«Орёл»	+	+	–
«Тыва»	–	–	–	«Ока»	–	–	–
«Хакасия»	–	–	–	«Тамбов»	+	+	–
«Томск»	+	+	–	«Тверь»	–	–	–
«Горный Алтай»	+	+	–	«Тула»	+	+	–
«Кабардино-Балкария»	+	+	+	«Ярославия»	+	+	–
«Карачаево-Черкессия»	+	+	+	«Курган»	–	–	–
«Дагестан»	+	+	–	«Урал»	–	–	–
«Ингушетия»	+	+	+	«Регион-Тюмень»	–	–	–
«Алания»	–	–	–	«Югория»	+	+	–
«Ставрополье»	+	+	+	«Южный Урал»	+	+	–
«Вайнах»	–	–	–	«Ямал»	–	–	–
«Лотос»	+	+	+	«Амур»	–	–	–
«Волгоград-ТРВ»	+	+	–	«Бира»	+	+	–
«Кубань»	+	–	–	«Магадан»	+	+	+
«Таврида»	–	–	–	«Владивосток»	+	+	+

Окончание табл. 1
 End of Table 1

1	2	3	4	5	6	7	8
«Дон-ТР»	+	+	+	«Саха»	+	+	–
«Севастополь»	–	–	–	«Сахалин»	+	–	–
«Адыгея»	+	–	–	«Дальневосточная»	+	+	+
«Калмыкия»	+	–	–	«Камчатка»	+	–	–
«Поморье»	+	+	–	«Чукотка»	+	+	–
«Красноярск»	+	–	–	«Вятка»	+	+	+
«Калининград»	–	–	–	«Нижний Новгород»	+	+	+
«Санкт-Петербург»	+	+	–	«Оренбург»	+	–	–
«Мурман»	+	+	+	«Пенза»	–	–	–
«Заполярье»	–	–	–	«Пермь»	+	+	+
«Славия»	+	+	–	«Башкортостан»	+	+	–
«Карелия»	–	–	–	«Татарстан»	+	+	–
«Коми Гор»	+	+	–	«Марий Эл»	+	–	–
«Вологда»	+	+	+	«Мордовия»	–	–	–
«Псков»	+	+	–	«Самара»	+	+	+
«Белгород»	+	+	+	«Саратов»	+	+	–
«Брянск»	+	+	+	«Удмуртия»	+	+	–
«Владимир»	+	+	–	«Волга»	–	–	–
«Воронеж»	+	+	+	«Чувашия»	+	+	–

Примечание: * – использованы данные сайта Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании. Государственный Интернет-Канал «Россия». URL: <https://vgtrk.ru/regions> (дата обращения: 01.11.2022)

Остальные 19,7 % сюжетов сообщают о заседаниях правительства, подарках многодетным семьям, награждениях селян, различных региональных форумах, разнообразных «круглых столах» с участием руководителя области/края/республики, что дает основания считать их также заказными. Но самым значимым, на наш взгляд, является следующий результат исследования: 61 % материалов, по основным признакам созданных в рамках государственного контракта, не содержат мнений и комментариев представителей местного сообщества. Такие сюжеты, как правило, включают от 2 до 4 синхронных (фрагментов интервью) чиновников либо административных работников и ни одного – рядовых граждан.

Таким образом, подтверждается мнение многих исследователей, что система государственных контрактов, призванная финансово поддерживать нестабильные

региональные СМИ, распространять общественно значимые сведения среди населения и служить развитию диалогических связей между властью и обществом, по факту организует и осуществляет презентацию деятельности чиновников, «выключая» граждан из журналистских материалов.

Контроль за исполнением информационных договоров возложен на пресс-службы органов власти. Именно сотрудники отделов по связям с общественностью во время съёмочного процесса оговаривают, кто ещё, кроме первого лица (первых лиц) может появиться в кадре и указывают на «нужных» героев материала. После пресс-секретари «вычитывают» корреспондентские тексты, внося замечания и делая правки.

В данной ситуации особенно важным представляется рассмотрение основных проблем взаимодействия PR-специалистов органов управления и журналистов региональных телекомпаний, а также определение продуктивных способов сглаживания существующих противоречий. Экспертный опрос был проведён среди сотрудников 9 телерадиокомпаний (14,7 %), в вечерних эфирах которых в период с 03.07.2023 по 05.07.2023 контрактные материалы были посвящены общественно значимой проблеме и содержали оценку гражданами деятельности местных властей (+++).

Также мы опросили пресс-секретарей 9 правительств субъектов РФ в соответствующих регионах, где вещают выделенные с помощью обозначенных выше критериев государственные телерадиокомпании (Астраханская область, Брянская область, Кировская область, Липецкая область, Самарская область, Пермский край, Приморский край, Ростовская область, Смоленская область). Всего было опрошено 36 человек: 22 журналиста и 14 пресс-секретарей (в случае публикации данных респонденты просили не указывать их имена и фамилии).

Перед коллегами были поставлены следующие вопросы:

1. Нарушаете ли вы принципы журналистской профессиональной деятельности при создании материалов в рамках госконтракта?
2. Пытаетесь ли вы отстаивать свою профессиональную позицию при согласовании с пресс-секретарями сюжетов и программ «по контракту»? Если да, то в каких случаях?
3. Какие проблемы во взаимодействии с пресс-секретарями/журналистами сотрудники региональных телекомпаний/специалисты PR-отделов считают основными?
4. Какие способы решения данных проблем, исходя из практического опыта, вы могли бы назвать эффективными?

Обобщенный анализ ответов демонстрирует следующие результаты:

Большинство опрошенных корреспондентов (14 из 22) считают, что нарушают принципы правдивости и объективности практически во всех телевизионных сюжетах и программах, создаваемых в рамках информационного контракта (табл. 2). Сотрудники телекомпаний объясняют это давлением со стороны правительственных пресс-служб, которые требуют позитивных материалов, улучшающих имидж местных властей. При этом эксперты исследования признаются, что постоянно внутренне балансируют между интересами общества и интересами властной группы, в итоге чаще отдают предпочтение последним.

Корреспондент ГТРК «Лотос» рассказала: *«...Из эфиров ушли критические материалы почти полностью. Даже коммуналка с текущими трубами и социалка с очередями в поликлиниках теперь причислены до неправдоподобности. Сегодня в каждом выпуске наших Вестей – заказные сюжеты о том, как комфортно жить в Астраханской области (не то, что в других) и какие внимательные и ответственные у нас чиновники (не то, что другие). Вот что значит работать по договору с властью».*

Как видно из табл. 2 (см. табл. 2), проведённый экспертный опрос обнаруживает значимую проблему – почти треть (6 из 22) опрошенных сотрудников ГТРК пренебрегают этическими постулатами журналистской деятельности, исключая их из своего профессионального базиса, что, на наш взгляд, свидетельствует о намеренном «упрощении» журналистских задач и укоренении механизмов самоцензуры.

Таблица 2
Table 2

Результаты опроса журналистов о соблюдении принципов профессиональной деятельности при создании ТВ материалов в рамках госконтракта
The results of a survey of journalists on compliance with the principles of professional activity when creating TV materials under a state contract

Вариант ответа	Количество ответивших
Да, нарушаю	64 %
Нет, не нарушаю	9 %
Не считаю обнародование только позитивной информации о работе чиновников нарушением профессиональных принципов журналиста	27 %

Эту гипотезу подтверждает анализ ответов на второй вопрос исследования: «Пытаетесь ли вы отстаивать свою профессиональную позицию при согласовании с пресс-секретарями контрактных сюжетов и программ?» Более половины респондентов (13 из 22) заявили, что полностью выполняют рекомендации заказчика, поскольку не видят смысла в сопротивлении надзорному давлению. Более того, по признанию экспертов, придерживающихся пассивной позиции, они изначально создают материалы так, чтобы PR-структуры были удовлетворены и не вносили существенных изменений в текст или сценарий.

Один из опытных редакторов ГТРК «Дон-ТР» посетовал: *«Когда сюжет напоминает оду областному правительству, я пытаюсь хоть как-то уравновесить материал и открываю источник в поисках более-менее злободневного комментария. Как правило, нахожу несколько высказываний жителей, в которых они указывают на проблемы. Спрашиваю корреспондента, почему он ничего из этого не взял в сюжет? Отвечает: "Да всё равно все острые моменты попросили бы убрать!" Нынешним журналистам не объяснить, что нужно просто хорошо делать свою работу, а не перестраховываться».*

«Перестраховываются», судя по экспертному опросу, преимущественно молодые, малоопытные журналисты. Коллеги, чей профессиональный стаж более 5–10 лет, заверили, что им удастся найти компромисс во взаимодействии с пресс-службами и они всегда оспаривают внесенные правки, если замечания касаются освещения актуальных проблем местного сообщества и событий, вызвавших резонанс.

Ведущий ГТРК «Волгоград-ТРВ» привел пример: *«Накануне «Прямой линии» у нас в регионе после проверок закрыли сотни магазинов. Владельцы оперативно устраняли недостатки, но возобновить работу им не давали. Пресс-секретарь меня предупредила: «Имя губернатора не должно звучать в негативной истории». Я на свой страх и риск поднял эту тему. После завершения «линии» глава региона меня поблагодарил: «Хорошо, что о магазинах не забыли! Подумали бы люди, что я чего-то боюсь или вообще не в курсе».*

Большинство журналистов (18 из 22) констатировали: PR-специалисты при реализации контрактного материала требуют позитивных концепций, улучшающих имидж местных властей. По мнению корреспондентов и редакторов, это свидетельствует о неграмотном подходе чиновников к существованию в медийной реальности, их давлении на подчиненных и/или о некомпетентности сотрудников отделов по связям с общественностью.

Сегодня в российских регионах проблема профессионализма пресс-секретарей органов власти стоит не менее (если не более) остро, чем проблема журналистского

соответствия. Рассматривать ее можно с разных сторон, указывая на такие факторы как незрелость и несовершенство системы профессиональной подготовки и переподготовки PR-специалистов, отсутствие общепризнанных механизмов оценки их деятельности, перманентность ситуации априорного противостояния с представителями СМИ, но это тема для иного анализа. Задача данного исследования – выявить основные проблемы взаимодействия журналистов и пресс-секретарей с целью определения возможных вариантов их нивелирования для эффективной организации общественно значимой коммуникации. Итоги экспертного опроса сотрудников PR-служб демонстрируют следующее:

1) PR-специалисты признают проблему косности чиновников, которые требуют создания положительного информационного поля и избегают обсуждения проблемных тем региона. Большинство пресс-секретарей (11 из 14), принявших участие в исследовании, назвали себя «бессильными» в данной ситуации;

2) сотрудники отделов по связям с общественностью отмечают общее снижение уровня профессионализма журналистов (12 из 14). По заверению пресс-секретарей, корреспонденты в сюжетах допускают фактические ошибки, не стараются сделать материал интересным, скрыть его заказной характер. Ведущие, по оценке большинства респондентов, не готовятся к предстоящим интервью и, как правило, не подвергают критике вопросы, подготовленные PR-специалистами.

Отвечая на четвертый вопрос, касающийся эффективных механизмов сотрудничества, журналисты сообщили, что в ситуации противостояния с PR-структурой следует отстаивать журналистскую позицию, используя в качестве главного аргумента потенциальную резонансность материала. Также необходимо апеллировать к тому, что в каждом проблемном случае молчание власти приравнивается к ее бездействию, а волну общественного негодования лучше предупредить.

По мнению респондентов, созданию условно объективных материалов в рамках государственных контрактов способствует творческая инициатива корреспондентов. Даже самые консервативные сотрудники региональных PR-структур, как правило, позитивно реагируют на креативные и нестандартные телевизионные решения.

Выполняя контрактные обязательства, считают журналисты (13 из 22), не нужно демонстрировать чрезмерную лояльность к пресс-секретарям и управленческим структурам. Чем строже и профессиональнее ведет себя корреспондент, редактор или ведущий, тем большее уважение это вызывает у PR-специалиста. А коллективный отказ (редакции, телекомпании) от априорной услужливости способен изменить сложившуюся в региональной медиасреде ситуацию информационного диктата власти.

Сотрудники отделов по связям с общественностью, в свою очередь, эффективным называют механизм предварительной подготовки (хотя бы за несколько часов до начала съемочного процесса) того или иного материала. 10 человек из 14 рассказали, что наиболее удачными, мастерски завуалированными, становились те заказные сюжеты, которые журналист и пресс-секретарь прорабатывали заранее, обсуждая нужных героев и нестандартные варианты раскрытия темы.

Примерно половина опрошенных PR-специалистов (8 из 14) убеждена: успех сотрудничества зависит от опыта и таланта автора материала. Пресс-секретарь правительства Ростовской области поделилась: *«Мы предлагаем журналистам как бы «скелет» контрактного сюжета, но чем корреспондент его дополнит – это уже вопрос творчества, и я никогда не мешаю. Если меня просят организовать съемку дополнительного эпизода, который «оживит» конечный продукт, я быстро включаюсь в работу. Вместе с журналистами мы стремимся к тому, чтобы материал не вызвал отторжения у зрителей, чтобы нам верили, потому показываем и простую человеческую историю, и многолетнюю проблему, и, конечно, открытость и отзывчивость руководителей субъекта».*

Выводы

Государственные информационные контракты, заключаемые между российскими региональными телекомпаниями (ГТРК) с одной стороны администрациями и правительствами субъектов – с другой, негативно влияют на соблюдение журналистами принципов профессиональной деятельности. Договорные отношения, возникающие из года в год, способствуют укреплению цензурных механизмов, включая самоцензуру, и усилению информационного диктата власти, что деструктивно влияет на реализацию публичного гражданского диалога в субъектах РФ.

Даже общественно значимая информация в рамках реализации договора подбирается с целью презентации деятельности местных властей. Это приводит к отчуждению телевизионной аудитории и, соответственно, понижает электоральную активность. Однако, по мнению журналистов и пресс-секретарей, в условиях контрактного взаимодействия возможно создавать условно объективные материалы с обсуждением общественно значимых проблем и участием не только ответственных чиновников, но и местных жителей. Для этого авторам и организаторам необходимо проявлять творческую инициативу, не относиться к реализации госконтракта с формальной точки зрения.

Основные проблемы взаимодействия корреспондентов, редакторов, ведущих и пресс-секретарей порождены трансформацией профессиональных задач и, как следствие, ориентиров. Журналисты усомнились в принципиальной необходимости соблюдать этические стандарты, поскольку зачастую ощущают бесперспективность сопротивления контролю и давлению со стороны власти. Кроме того, система государственных информационных договоров настолько закрепила в региональной медиасреде, что на современном этапе можно говорить о формировании особой «контрактной» журналистики, в которой действуют собственные каноны, ставящие в приоритет интересы управленческих структур, представляющие проблемы местных сообществ как повод к позитивным сюжетам об эффективном чиновнике или правительственной программе. Представители власти не до конца осознают важность диалогических отношений с населением, в результате которых улучшается и имидж самих управленцев, и растет удовлетворенность аудитории деятельностью администраций и правительств, и решаются актуальные вопросы региона. Многие PR-специалисты, в свою очередь, не способны донести до представителей власти истинную ценность и ресурсность подлинной коммуникации с гражданами.

Выход из сложившейся ситуации журналисты и пресс-секретари, принявшие участие в данном исследовании и осознающие серьезность происходящих перемен, видят в качественном исполнении своих обязанностей, которое предполагает предпочтение интересов общества интересам власти и неукоснительное соблюдение этических норм и принципов профессии.

Список литературы

- Адемукова Н.В., Довбыш О.С., Кирия И.В., Чумакова В.П. 2017. Роль государственных контрактов в моделях социальной ответственности региональных массмедиа в России. *Журнал исследований социальной политики*, 15(1): 81–96. DOI: [10.17323/1727-0634-2017-15-1-81-96](https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-81-96)
- Бурова Ю.Е. 2012. Функциональные особенности современной пресс-службы. *Гуманитарный вектор*, 2 (30): 232–238.
- Вырковский А.В., Макеенко М.И. 2014. Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи. Под ред. Е.Л. Вартановой. Москва, Медиамир, 210 с.
- Горновая В.А. 2016. Как пресс-службы государственных структур формируют повестку дня. *Медиасреда*, 11: 49–55.
- Гостенина В.И., Байрамов В.Д., Дорохова Ю.В. 2015. Опыт анализа деятельности PR-служб региональных органов власти (на примере Орловской области). *Среднерусский вестник общественных наук*, 10(6): 43–48. DOI: [10.12737/16790](https://doi.org/10.12737/16790)

- Денисова Н.А. 2009. Пресс-служба в системе информационной политики. *Социум и власть*, 2(22): 21–30.
- Довбыш О.С. 2017. Контракция и квазирынок как форма взаимодействия государства и медиа в российских регионах. *Мир экономики и управления*, 17(1): 41–56.
- Довбыш О.С., Гудова Е.А. 2016. Государственные информационные контракты и их значение для медиарынков российских регионов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6(136): 156–174. DOI: [10.14515/monitoring.2016.6.08](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.08)
- Емельянов И.К., Русанова Д.А. 2022. Взаимодействия органов исполнительной власти со средствами массовой информации: российский и зарубежный опыт. *Инновационная наука*, 12(2): 164–168.
- Колесник О.А. 2021. Особенности взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2–2 (53): 46–48. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-2-2-46-48](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-2-46-48)
- Кочеткова А.В., Филиппов В.Н., Скворцов Я.Л., Тарасов А.С. 2009. Теория и практика связей с общественностью. СПб., Питер, 240 с.
- Кривонос А.Д., Филатова О.Г., Шишкина М.А. 2010. Основы теории связей с общественностью. СПб., Питер, 375 с.
- Марков А.А. 2022. Связи с общественностью в органах власти. Москва, ИНФРА-М, 190 с.
- Машенцева А.В. 2018. Изменение роли регионального телевидения в современном политическом процессе. *Вестник Поволжского института управления*, 18 (2): 119–124. DOI: [10.22394/1682-2358-2018-2-119-124](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-119-124)
- Мельник Г.С. 2012. Взаимодействие PR-структур и СМИ: формы, принципы, зоны ответственности. *Управленческое консультирование*, 4(48): 108–116.
- Романова А.Н. 2023а. Влияние госконтрактов на соблюдение принципов профессиональной деятельности региональных журналистов. В кн.: *Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3–4 февраля 2023 года)*. Под ред. Е.Л. Вартановой. Москва, Факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: 475–477.
- Романова А.Н. 2023б. Феномен интерактивных программ регионального телевидения с участием представителей власти. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 29(1): 46–59. DOI: [10.15826/izv1.2023.29.1.005](https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.005)
- Щепилова Г.Г. Бурьянова М.В. 2014. Взаимодействие СМИ и властных структур в российских регионах. *Медиаэкон*, 4: 23.

References

- Ademukova N.V., Dovbysh O.S., Kiriya I.V., Chumakova V.P. 2017. The role of state contracts in shaping social responsibility among Russia's regional mass media. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(1): 81–96 (in Russian). DOI: [10.17323/1727-0634-2017-15-1-81-96](https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-81-96)
- Burova Yu.E. 2012. Functional characteristics of a modern press service. *Humanitarian Vector*, 2(30): 232–238 (in Russian).
- Vyrkovskiy A.V., Makeenko M.I. 2014. Regional'noe televidenie Rossii na poroge tsifrovoy epokhi [Regional television of Russia on the threshold of the digital era]. Ed. E.L. Vartanova. Moscow, Publ. Mediamir, 210 p.
- Gornovaya V.A. 2016. Kak press-sluzhby gosudarstvennykh struktur formiruyut povestku dnya [How government press services shape the agenda]. *Mediasreda*, 11: 49–55.
- Gostenina V.I., Bayramov V.D., Dorokhova Yu.V. 2015. Experience of the analysis of PR service activity of regional authorities (on the example of the Orel region). *Central Russian Journal of Social Sciences*, 10 (6): 43–48 (in Russian). DOI: [10.12737/16790](https://doi.org/10.12737/16790)
- Denisova N.A. 2009. Press-service in the system of informational policy. *Sotsium i vlast'*, 2 (22): 21–30.
- Dovbysh O.S. 2017. Contracting and quasi-market as a form of interrelations between state and media in Russian regions. *World of Economics and Management*, 17(1): 41–56 (in Russian).
- Dovbysh O.S., Gudova E.A. 2016. Government information contracts and their importance for Russian regional media markets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6(136): 156–174. DOI: [10.14515/monitoring.2016.6.08](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.08)

Emel'yanov I.K., Rusanova D.A. 2022. Interfection of executive authorities with mass media: russian and foreign experience. *Innovation Science*, 12-2: 164–168 (in Russian).

Kolesnik O.A. 2021. Peculiarities of interaction between state authorities and mass media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2–2(53): 46–48 (in Russian). DOI: [10.24412/2500-1000-2021-2-2-46-48](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-2-46-48)

Kochetkova A.V., Filippov V.N., Skvortsov Ya.L., Tarasov A.S. 2009. Teoriya i praktika svyazey s obshchestvennost'yu [Theory and practice of public relations]. St. Petersburg, Publ. Piter, 240 p.

Krivososov A.D., Filatova O.G., Shishkina M.A. 2010. Osnovy teorii svyazei s obshchestvennost'yu [Fundamentals of public relations theory]. St. Petersburg, Publ. Piter, 375 p.

Markov A.A. 2022. Svyazi s obshchestvennost'yu v organakh vlasti [Public relations in government]. Moscow, Publ. INFRA-M, 190 p.

Mashentseva A.V. 2018. Change of the role of regional television in the modern political process. *Bulletin of the Volga region Institute of Administration*, 18(2): 119–124 (in Russian). DOI: [10.22394/1682-2358-2018-2-119-124](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-2-119-124)

Mel'nik G.S. 2012. The interaction of pr-agencies and the media: forms, principles, areas of responsibility. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4(48): 108–116.

Romanova A.N. 2023a. Vliyanie goskontraktov na soblyudenie printsipov professional'noy deyatel'nosti regional'nykh zhurnalistov [The influence of government contracts on compliance with the principles of professional activity of regional journalists]. In: *Zhurnalistika v 2022 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2022: creativity, profession, industry.]. Materials international scientific and practical conference (Moscow, February 3–4, 2023). Ed. E.L. Vartanova. Moscow, Publ. Fakultet zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova: 475–477.

Romanova A.N. 2023b. The phenomenon of interactive regional television programs with the participation of authorities. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 29(1): 46–59 (in Russian). DOI: [10.15826/izv1.2023.29.1.005](https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.005)

Shechpilova G.G. Bur'yanova M.V. 2014. Interaction between the Media and Power Structures in the Russian Regions. *Mediascope*, 4: 23 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.07.2023

Поступила после рецензирования 07.09.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received July 14, 2023

Revised September 07, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Романова Ангелина Николаевна, аспирант кафедры теории и практики массовых коммуникаций, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Angelina N. Romanova, Postgraduate Student, Department of Theory and Practice of Mass Communications, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.4.159

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-441-448

Педагогическая подготовка будущих менеджеров к защите от информационного стресса

Володько О.М.

Белорусский национальный технический университет,
Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 65
academvoksana@gmail.com

Аннотация. Работа менеджеров связана с повышенной информационной нагрузкой, часто приводящей к стрессам, справиться с которыми многие из них не готовы. В педагогической науке рассматриваются вопросы защиты от общего стресса, однако профилактика информационного стресса представлена недостаточно, что особенно важно для специальности «менеджмент». Цель исследования – выявить педагогические пути и способы повышения стрессоустойчивости будущих руководителей к избыточной и противоречивой информации в ходе их профессиональной подготовки в вузе. В исследовании определено содержание педагогической подготовки студентов к профилактике информационного стресса в ходе учебно-воспитательного процесса: изучение информационного пространства; развитие личных убеждений; «селекция» и анализ новой информации. Раскрыта специфика информационного пространства в двух явлениях: образе жизни и условиях общения. Показаны информационные особенности в содержании основных учебных дисциплин специальности «менеджмент». Установлено, что личные убеждения создают базу для защиты от информационных стрессоров, обеспечивают «конструктивное поведение» руководителя в сложных ситуациях. Исследованы возможности «селекции» вновь поступающей информации: профилактика информационной перегрузки и «просеивание» сведений. Рассмотрены пути выработки у студентов критического подхода к оценке и анализу вновь поступающей информации. Раскрыты способы манипуляции: неполнота и субъективность сведений; преувеличение положительного и сокрытие отрицательного, подмена понятий и подтасовка фактов. Представлены приемы принятия решений при избыточной или неполной информации.

Ключевые слова: информационное пространство, информационный стресс, профилактика стресса, избыточность сведений, противоречивость, стрессоустойчивость

Для цитирования: Володько О.М. 2023. Педагогическая подготовка будущих менеджеров к защите от информационного стресса. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 441–448. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-441-448

Pedagogical Training for Future Managers to Protection from Information Stress

Oksana M. Volodko

Belarusian National Technical University,
65 Nezavisimosti Av., Minsk 220013, Belarus
academvoksana@gmail.com

Abstract. The relevance of the topic lies in the fact that the work of managers is associated with an increased information load, often leading to stress, which many of them are not ready to cope with. This

also applies to graduates in this specialty. In pedagogical science, issues of protection from general stress are considered, but the prevention of information stress is not sufficiently represented, which is especially important for the specialty "management". The purpose of the study is to identify pedagogical ways and means of increasing the stress resistance of future leaders to redundant and contradictory information in the course of their professional training at a university. The study defines the content of the pedagogical preparation of students for the prevention of information stress in the course of the educational process: the study of the information space; development of personal beliefs; "selection" and analysis of new information. The specificity of the information space is revealed in two phenomena: the way of life and the conditions of communication. The information features in the content of the main academic disciplines are shown on the example of the specialty "management". It has been established that personal beliefs create a basis for protection from information stressors, provide "constructive behavior" of a person in difficult situations. The possibilities of "selection" of newly incoming information are explored: prevention of information overload and "sifting" of information. The ways of development of students' critical approach to evaluation and analysis of newly incoming information have been explored. Manipulation methods are disclosed: incompleteness and subjectivity of information; exaggeration of the positive and concealment of the negative, substitution of concepts and juggling of facts. Decision-making techniques are presented for redundant or incomplete information.

Key words: information space, information stress, stress prevention, information redundancy, inconsistency, stress resistance

For citation: Volodko O.M. 2023. Pedagogical Training for Future Managers to Protection from Information Stress. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 441–448 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-441-448

Введение

Современный мир превращается в единую систему, обладающую общими информационными характеристиками: создание всемирной компьютерной сети Интернет; развитие электронных средств коммуникации, способных минимизировать разделяющие людей время и пространство; рост мегаполисов с их специфическими коммуникациями; формирование глобальных идеологий, таких как экологическое или правозащитное движение. Ежедневно на людей обрушивается поток информации, нередко противоречивой и взаимоисключающей. Информационная среда используется для манипуляция массовым сознанием, в результате которого появляется скрытое возбуждение, и у человека возникают намерения, не соответствующие его действительным желаниям. Все это неизбежно приводит к стрессам. Сущность информационного стресса рассматривается как вид реакции организма на перенапряжение от потока информации.

Исследованием стрессов, их причин и психологических особенностей занимаются многие российские и зарубежные ученые: J. Baudrillard, S. Levine, N.A. Scotch, H. Selye, В.Ф. Володько, Дж. Гринберг, А.Р. Курбанова, О.О. Шемякина и др. Вопросы стрессоустойчивости исследовали: Н.Ю. Галкина, М.Е. Сандомирский, О.А. Семиздралова, И.В. Теплякова, И.А. Усатов и др. Проблемы информационного стресса анализировали: В.А. Бодров, А.А. Королев, А.Р. Мухамедьянова, В.Б. Ширяев, М.А. Самоструева и др. Однако о формировании стрессоустойчивости студентов в учебно-воспитательном процессе вуза педагогических работ явно недостаточно, и совсем нет исследований о подготовке к защите от информационного стресса будущих менеджеров, которым предстоит работать с большим объемом информации.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить педагогические пути и способы повышения стрессоустойчивости будущих руководителей к избыточной и противоречивой информации в ходе их профессиональной подготовки в вузе.

Результаты исследования

Противостояние информационному стрессу и манипуляции сознанием весьма актуально как для студентов – будущих специалистов, так и для работников организаций.

Информационный стресс – это эмоциональная реакция организма на перенапряжение, вызванное избыточной и противоречивой информацией. «Информационный стресс определяется как состояние, формирующееся под воздействием экстремальных значений информационных факторов» [Бодров, 2020, с. 98].

Для адекватного восприятия большого объема разнородных сведений и профилактики информационного стресса студентам необходимо пройти в ходе профессионального обучения определенную защитную подготовку. Профилактика стресса «состоит в недопущении возникновения и развития стрессовых ситуаций» [Володько, 2012, с. 247].

Содержание подготовки студентов к профилактике информационного стресса можно представить в виде следующих составляющих:

- *познавательная деятельность* – изучение современного информационного пространства и особенностей его влияния;
- *формирование устойчивости* – развитие личных убеждений в жизненных и профессиональных вопросах;
- *«селекция» сведений* – упражнения в «просеивании» потока новой информации, приобретение умений отделять важное от второстепенного;
- *освоение критичности* – упражнения в анализе и сравнительной оценке новой информации.

Рассмотрим подробнее выделенные составляющие.

Изучение современного информационного пространства.

Информационное пространство современного мира характеризуется высокой насыщенностью, избыточностью и во многом противоречивостью. Это нередко приводит людей к стрессовым ситуациям. В качестве причин стресса Курбанова [2019] и О.О. Шемякина [2012] называют следующие: большой объем поступающих сведений из внешнего мира; доступность информационной среды; информация в связи с чрезмерной политизацией жизни; неопределенная и негативная информация и др. В качестве защиты от стресса О.А. Семиздралова [2023] предлагает развитие стрессоустойчивости личности.

Специфика информационного пространства, которая может стать источником стресса, связана с двумя следующими явлениями: образом жизни и условиями общения.

Образ жизни – это режим труда и отдыха, характерные привычки, отношение к окружающим людям и явлениям. Он связан с воздействием мегаполисов на условия жизни граждан, унификацией культуры, стандартизацией поведения. С одной стороны, человек постоянно находится в окружении людей, а с другой – ощущает отстраненность и незаинтересованность окружающих, из-за чего возникает, по выражению Jean Baudrillard [Baudrillard, 2017], «чувство одиночества среди людей».

Воздействие мегаполисов связано с созданием специфических условий для коммуникации между людьми, созданием для горожан, по мнению Jean Baudrillard [Baudrillard, 2017], ряда отрицательных факторов: перенаселенности; скученности; транспортных пробок; загрязнения воздуха; роста преступности; уменьшения социального регулирования. Кроме того, в крупном городе происходит резкое расслоение людей на богатых и бедных, стирается национальная идентичность, падает восприятие самооценности отдельной личности. Все это отрицательно сказывается на характере коммуникаций между людьми.

Условия общения. Современное общество, как пишут S. Levine, N.A. Scotch [Levine, Scotch, 1970], перешло преимущественно от личного общения к электронным средствам коммуникаций. Появление Интернета и социальных сетей позволяет находить работу, проявлять творчество, реализовать свой талант, повышать образование и квалификацию; вести активный образ жизни, организовывать досуг и развлечения, приобретать товары и услуги и др. В современном мире информационные технологии определяют облик мировой экономики, формируют общественное мнение в мировом масштабе.

Однако Интернет несет с собой и отрицательное влияние: переизбыточность информации; соседство полезных сведений с негативными; манипуляция сознанием; вторжение в личную жизнь людей; ограничения в доступе к индивидуальной реализации творчества и таланта; аддитивность (зависимость) многих людей, особенно молодежи, что приводит к депрессиям. В сфере бизнеса и маркетинга Интернет, как указывает А.А. Королев [2021], также имеет ряд негативных аспектов: недобросовестное соперничество поисковых систем; неравные условия конкуренции; мошенничество при продаже товаров. Интернет является источником проблем, в т. ч. стрессовых ситуаций, и чем больше времени человек в нем находится, тем менее спокойным и счастливым себя ощущает. Разрушающий информационный стресс, при котором проявляется дискомфорт, ухудшается самочувствие, происходят болезненные физиологические процессы, основатель учения о стрессах Н. Selye [1975] назвал «дистресс». Бурное развитие коммуникационных технологий совместно с глобальным обострением экономических проблем создают условия для манипуляции массовым сознанием с помощью средств массовой информации.

Изучение современного информационного пространства и формирование умения адаптироваться в нем должны составлять значительную часть учебного процесса в вузе. Соответствующие знания должны приобретаться студентами в процессе изучения учебных дисциплин. Например, для специальности «менеджмент», это такие дисциплины: «Психология управления», «Имидж менеджера», «Управление персоналом», «Теоретические основы менеджмента». В содержании указанных дисциплин должны быть разделы, посвященные современным информационным коммуникациям, а также способам их влияния на людей. Однако анализ содержания действующих программ указанных учебных дисциплин показывает, что заявленным задачам преподавания особенностей информационного пространства и профилактики информационной перегрузки в определенном смысле (в разной степени) соответствуют лишь темы, представленные в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Информационные особенности в учебных дисциплинах
Information features in academic disciplines

Учебные дисциплины	Темы с содержанием специфики информационного пространства и профилактики стрессов
Психология управления	«Психология объекта управления», «Психология манипуляции», «Психологический климат», «Психология стресса», «Психология PR-менеджмента»
Формирование имиджа менеджера	«Деловое общение менеджера», «Психология имиджа», «PR-технологии и имидж»
Теоретические основы менеджмента	«Организация как объект управления», «Корпоративная культура», «Стресс-менеджмент», «PR-менеджмент»
Управление персоналом	«Профессиональные команды и их сплоченность», «Неформальные группы и их лидеры»

Учебный материал, который содержится в названных темах, является недостаточным для изучения современного информационного пространства, его особенностей, а также способов профилактики стрессов на необходимом уровне. Нужна существенная целенаправленная корректировка содержания материала. Особое внимание следует уделить изучению проблемы управления стрессовыми ситуациями и способам выхода из них без значительных потерь.

Развитие личных убеждений и устойчивости.

Современное информационное пространство создает значительные возможности для манипулирования индивидуальным и массовым сознанием. Манипуляция использует

следующие способы: задействование стереотипов поведения; подмену понятий; переключение внимания; создание метафор; мифологизацию явлений. Технологии изменения массового сознания использует СМИ, глобальная сеть, кино, искусство. Так, современное телевидение способно создавать для зрителя заданную реальность, не имеющую ничего общего с действительностью. Массовое искусство, по мнению Jean Baudrillard [2017], формирует виртуальную жизнь, подменяющую реальность, создает так называемые симулякры – способы фиксации переживаемого состояния, «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности: гиперреальности». Реальные события подменяются знаками реальности.

Манипуляция сознанием может создать следующие опасные явления: потеря адекватного восприятия реальности; снижение ценности человеческой личности; некорректное использованию масс в политических процессах. На рубеже веков возник специфический феномен, получивший название «восстание масс», который состоит в том, что на смену устоявшейся жизни общества приходит его «массовизация». В подобном массовом обществе большинство граждан принимают стандарты и стереотипы, не выработанные самостоятельно, а навязанные СМИ. В результате такого внушения в обществе появляется «человек-масса», который воспринимает себя таким же, как все, и не стремится к индивидуальности. Он послушно следует стереотипам, считая, что действует по своей воле.

Развитие личных убеждений и устойчивости позволяют создать базу для защиты от информационных стрессоров. Убеждения строятся на глубоких соответствующих знаниях, опосредованных личностью и эмоционально ею окрашенных. Убеждения обеспечивают «конструктивное поведение» человека даже в сложных и противоречивых ситуациях [Сандомирский, 2001, с. 127]. Поэтому учебно-воспитательный процесс в вузе следует направлять не только на усвоение соответствующих знаний, но и, согласно утверждению И.В. Тепляковой [2018], на формирование убеждений, которые выстраивают устойчивость личности к разрушительному воздействию манипулятивной и недобросовестной информации.

Следует отметить, что сильным стрессором является проблема неопределенности, и в этой связи ей следует уделить особое внимание. Неопределенность является антиподом устойчивости, и она очень дискомфортна для человека. В ситуации, когда постоянно возникают новые проблемы, необходимо обладать устойчивыми убеждениями, которые могут быть пересмотрены только на основании веских аргументов и фактов.

«Селекция» новой информации

Умение «просеивать» информацию, отделять важное от второстепенного является важным фактором защиты от информационного стресса. Умение отличать ценные и важные сведения от излишних и вредных является сложным действием, требующим специальной подготовки и концентрации. Из-за быстрого и непрерывного поступления информации человек не успевает ее обдумать, ему даже трудно сказать, что больше всего понравилось, так как не успел сформироваться определенный эмоциональный отклик. Поэтому в ходе учебно-воспитательного процесса необходимо уделить внимание двум проблемам: информационной перегрузке и «просеиванию» сведений.

Информационная перегрузка связана с избыточностью принимаемых сведений, которые человек даже не в силах обработать. Прежде всего следует убедить студентов во вредности информационной перегрузки, которая является сильным стрессором. Суть перегрузки информацией состоит в следующем: объем поступающей информации превосходит возможности ее восприятия человеком, т. е. он не способен справиться с информацией в столь больших масштабах. Причинами информационной перегрузки являются: информационный вампиризм; большой объем информации; множественность одновременных задач; цейтнот; непредсказуемость информации; общее переутомление. Опасность информационной перегрузки: стресс и нервное истощение; неумение концентрироваться; ухудшение памяти и аналитических способностей.

«*Проеивание*» информации необходимо для преодоления ее избыточности, которая создает хаос в информационном пространстве, снижает эффективность коммуникаций. Поэтому студентов следует обучать умению быстро «сортировать» новые сведения, отделяя важное от второстепенного. Освоению способов оперативной оценки важности и значимости информации способствуют следующие формы учебной деятельности: деловые игры, целевые дискуссии, специальные тренинги, рейтинговые упражнения.

Критичность в анализе новой информации

Большой объем поступающей информации несет в себе много противоречивых и даже вредных сведений. Для целевого формирования общественного мнения используют три условия: информация, метафора, личный опыт. Иными словами, человеку следует донести нужную информацию в наиболее понятной для него форме с последующим возбуждением в нем желания на основе данных сведений получить практическое знание для своего поведения. Однако каждому человеку, а тем более будущему специалисту, важно лично формировать свое мнение, оприходовать в своем внутреннем мире новые знания, оценивая их на основе сравнительного анализа, критически перепроверя важные сведения, не воспринимая все на веру. Ряд авторов, например А.Р. Мухамедьянова и В.Б. Ширяев [2017], выдвигают целый набор способов защиты от перегрузки информацией: работать только с необходимыми сведениями; ориентироваться на качество, а не на количество потребляемой информации; использовать рациональные приемы запоминания информации; контролировать свои эмоции при получении сведений с негативным оттенком; чередовать работу с отдыхом и другие. Н.Ю. Галкина [2018] и И.А. Усатов [2016] исследуют психологические методы профилактики стресса.

В ходе учебно-воспитательного процесса в вузе студентам необходимо выработать критический подход к оценке и анализу вновь поступающей информации, различать правду и дезинформацию в ее разновидностях: неполную и субъективную информацию, преувеличение положительного и сокрытие отрицательного, подмену понятий и отсылку к ложным авторитетам, искажение и подтасовку фактов и другое. Избыточная информация, а тем более не проанализированная, не проверенная, не выстроенная в рейтинг (разделение главного и второстепенного), резко снижает эффективность принимаемых решений и поведения. Сумбурный поток информации, по мнению Дж. Гринберга [2002], создает у человека нерешительность, истощает энергию, забирает много времени. Чтобы научиться принимать правильные решения, будущим специалистам необходимо усвоить ряд следующих приёмов, которые представлены нами в табл. 2.

Таблица 2
 Table 2

Приемы принятия решений при избыточной информации
 Decision-making techniques with redundant information

Приемы	Содержание приемов
Рейтинг проблем	Разделение проблем на важные и незначительные, выделение на решение времени и усилий по их сложности
Основные цели	Сверка проекта каждого решения с соответствием его ожидаемых результатов достижению основных целей
Реалистичность	Отказ от стремления к идеальному решению, требующему много ресурсов. Достаточно «хорошего варианта»
Упрощение выбора	Избавление от заведомо плохих вариантов, не тратя на них время и иные ресурсы
Настойчивость	Реализация принятого решения, не допуская больше сомнений, за исключением серьезных оснований
Лимит времени	Установление временного интервала для принятия каждого решения, чтобы не затягивать этот процесс

Заключение

Информационный стресс является ответной реакцией организма на перенапряжение из-за избыточной и противоречивой информации. В содержание подготовки студентов к профилактике информационного стресса входит: знания об информационном пространстве; устойчивость убеждений; «селекция» информации; критичность в оценке новой информации. Базой для защиты от информационных стрессоров являются убеждения, которые формируются на глубоких и устойчивых знаниях, опосредованных личностью и эмоционально ею окрашенных. В учебно-воспитательном процессе в вузе студентам необходимо выработать умение критического подхода к анализу и оценке вновь поступающей информации, развитию способности различать правду и дезинформацию. Будущим специалистам важно научиться справляться с избыточной и противоречивой информацией, быть стрессоустойчивыми.

Список литературы

- Бодров В.А. 2020. Информационный стресс. М., ПЕР СЭ, 352 с.
- Володько В.Ф. 2012. Психология управления. В 2-х томах. Т. 2: Психология делового общения. Минск, БНТУ, 414 с.
- Галкина Н.Ю. 2018. Психологические методы профилактики стресса в современных условиях. *Проблемы современного педагогического образования*, 60(2): 403–406.
- Гринберг Дж. 2002. Управление стрессом. Пер. с англ. Л, Гительмана, М. Потаповой СПб., Питер, 496 с. (Greenberg Je.S. 1983. *Comprehensive Stress Management*. Brown & Benchmark, 464 p.)
- Королев А.А. 2021. Информационный стресс в учебном процессе: проблема личностного реагирования, риски и невротизации. *Психология и психотехника*, 4: 1–14. DOI: [10.7256/2454-0722.2021.4.36540](https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.4.36540)
- Курбанова А.Р. 2019. Психология стресса. *Мировая наука*, 5(26): 392–394.
- Мухамедьянова А.Р., Ширяев В.Б. 2017. Выраженность информационного стресса и способы его оптимизации. *Символ науки*, 3(3): 203–205.
- Сандомирский М.Е. 2001. Защита от стресса. Физиологически-ориентированный подход к решению психологических проблем (Метод РЕТРИ). М., Изд-во Института Психотерапии, 336 с.
- Семиздралова О.А. 2023. Развитие стрессоустойчивости. СПб., Научные технологии, 82 с.
- Теплякова И.В. 2018. Формирование стрессоустойчивости как актуальная проблема студентов-первокурсников вуза. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 7-1(22): 216–219.
- Усатов И.А. 2016. Стрессоустойчивость личности как фактор преодоления стресса. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, Т2: 21–25.
- Шемякина О.О. 2012. Анализ причин стресса и методы его профилактики. *Психология и право*, 2(2): 122–132.
- Baudrillard J. 2017. *The Consumer Society: Myths and Structures*. Translation from French. SAGE Publications Ltd, 240 p. (Baudrillard J. 1970. *La société de consommation: ses mythes, ses structures*. Préface de J. P. Mayer. Folio, Paris, 309 p.)
- Levine S., Scotch N.A. 1970. *Social Stress*. In: Ed. S. Levine. *Social Stress*. Routledge, 16 p.
- Selye H. 1975. *Stress without Distress*. Signet, 208 p.

References

- Bodrov V.A. 2020. *Informatsionnyy stress [Information stress]*. M., Publ. PER SE, 352 p.
- Volod'ko V.F. 2012. *Psikhologiya upravleniya [Management psychology]*. In 2 volumes. Vol. 2: *Psikhologiya delovogo obshcheniya [Psychology of business communication]*. Minsk, Publ. BNTU, 414 p.
- Galkina N.Yu. 2018. Psychological methods of stress prevention in modern conditions. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 60(2): 403–406.
- Grinberg Dzh. 2002. *Upravlenie stressom [Stress Management]*. Per. from English. L, Gitelman, M. Potapova. SPb., Publ. Piter, 496 p. (Greenberg Je.S. 1983. *Comprehensive Stress Management*. Brown & Benchmark, 464 p.)

- Korolev A.A. 2021. [Informatsionnyi stress v uchebnom protsesse: problema lichnostnogo reagirovaniya, riski i nevrozitsatsii]. Information overload in the educational process: the problem of personal response and risks of neuroticism. *Psikhologiya i psikhotekhnika*, 4: 1–14. DOI: [10.7256/2454-0722.2021.4.36540](https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.4.36540)
- Kurbanova A.R. 2019. Psychologia stressa [Psychology of stress]. *Mirovaya nauka*, 5(26): 392–394.
- Mukhamed'yanova A.R., Shiryaev V.B. 2017. Vyrashennost' informatsionnogo stressa i sposoby ego optimizatsii [The severity of information stress and ways to optimize it]. *Symbol of Science*, 3-3: 203–205.
- Sandomirskiy M.E. 2001. Zashchita ot stressa. Fiziologicheski-orientirovannyi podkhod k resheniyu psikhologicheskikh problem (Metod RETRI) [Protection from stress. Physiologically-oriented approach to solving psychological problems (RETRIE method)]. Moscow, Publ. Instituta Psikhoterapii, 336 p.
- Semizdralova O.A. 2023. Razvitie stressoustoychivosti [Development of stress resistance]. St. Petersburg, Publ. Naukoemkie tekhnologii, 82 p.
- Teplyakova I.V. 2018. Formation of stress resistance as an actual problem of university freshmen. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 7–1 (22): 216–219 (in Russian).
- Usatov I.A. 2016. Stressoustoychivost' lichnosti kak faktor preodoleniya stressa [Stress tolerance of the individual as a factor in overcoming stress]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, T2: 21–25.
- Shemyakina O.O. 2012. Analiz prichin stressa i metody ego profilaktiki [Analysis of the causes of stress and methods of its prevention]. *Psychology and Law*, 2 (2): 122–132.
- Baudrillard J. 2017. The Consumer Society: Myths and Structures. Translation from French. SAGE Publications Ltd, 240 p. (Baudrillard J. 1970. La société de consommation: ses mythes, ses structures. Préface de J. P. Mayer. Folio, Paris, 309 p.)
- Levine S., Scotch N.A. 1970. Social Stress. In: Ed. S. Levine. Social Stress. Routledge, 16 p.
- Selye H. 1975. Stress without Distress. Signet, 208 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Received May 04, 2023

Поступила после рецензирования 21.08.2023

Revised August 21, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Володько Оксана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, докторант, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь.

Oksana M. Volodko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, associate professor of the Department of Management, doctoral student, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus.

УДК 37.01

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-449-458

Олимпиады по педагогике для школьников: необходимость или утопия?

Гулов А.П.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119954, г. Москва, пр. Вернадского, 76
gulov@tea4er.org

Аннотация. Всероссийская олимпиада школьников по 24 предметам является ядром олимпиадного движения, при этом сквозь историю данного феномена наблюдается постоянное расширение конкурсной программы в связи с социокультурными изменениями в обществе. Однако широкий интерес общественности порождает проблему дефицита педагогических кадров, которые могут адекватно и целесообразно готовить к олимпиадным практикам. Широкое привлечение дипломантов интеллектуальных состязаний к педагогической деятельности обуславливает цель нашего исследования – вскрыть значимость проведения педагогических олимпиад для школьников. В исследовании анализируется возможность расширения числа предметов всероссийской олимпиады школьников через включение в программу интеллектуальных состязаний творческих конкурсов по педагогическим наукам. Среди выявленных причин расширить список всероссийской олимпиады школьников – поднятие престижа педагогической профессии, знания по методике и дидактике участников олимпиады, их готовность погружаться в педагогическую деятельность, а также скрытое повышение квалификации действующих школьных учителей, которые готовят обучающихся к олимпиадам. Теоретическая значимость состоит в обогащении педагогического знания об олимпиадном движении и способах раскрытия его потенциала, на практическом уровне результаты исследования могут использоваться как для запуска новых олимпиад по педагогике на уровне вузов, так и для расширения списка предметов всероссийской олимпиады школьников.

Ключевые слова: олимпиада, академические конкурсы, реформирование олимпиады, педагогическая олимпиада

Для цитирования: Гулов А.П. 2023. Олимпиады по педагогике для школьников: необходимость или утопия? *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 449–458. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-449-458

Pedagogy Olympiads for Schoolchildren: Necessity or Utopia?

Artem P. Gulov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 Vernadsky Av., Moscow 119270, Russia
gulov@tea4er.org

Abstract. The All-Russian Olympiad of Schoolchildren in 24 subjects is the core of the Olympiad movement, while through the history of this phenomenon there is a constant expansion of the competition program in connection with socio-cultural changes in society. However, the growing public interest creates the problem of a shortage of teaching staff who can adequately and expediently prepare for Olympiad practices. The wide involvement of graduates of intellectual competitions in pedagogical activity

determines the purpose of our research – to reveal the importance of conducting pedagogical Olympiads for schoolchildren. The study analyzes the possibility of expanding the number of subjects of the All-Russian Olympiad of schoolchildren through the inclusion in the program of intellectual competitions of creative contests in pedagogical sciences. Among the identified reasons to expand the list of the All-Russian Olympiad of schoolchildren are raising the prestige of the teaching profession, knowledge of the methodology and didactics of the participants of the Olympiad, their willingness to engage in pedagogical activity, as well as hidden professional development of active school teachers who prepare students for the Olympiads. Theoretical significance is reflected in the enrichment of pedagogical knowledge about the Olympiad movement and ways to unlock its potential, at the practical level, the results of the study can be used both to launch new Olympiads in pedagogy at the university level and to expand the list of subjects of the All-Russian Olympiad of schoolchildren.

Keywords: olympiad, academic competitions, olympiad reforming, pedagogical Olympiad

For citation: Gulov A.P. 2023. Pedagogy Olympiads for Schoolchildren: Necessity or Utopia? *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 449–458 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-449-458

Введение

Современный мир характеризуется нестабильностью и изменчивостью условий жизни и труда, что обуславливает повышенные требования к специалистам любого профиля. Помимо необходимости постоянно учиться и развиваться профессионально, от человека требуются креативное мышление и творческие компетенции: для решения жизненных задач и проблем нужен не только мощный интеллект и развитые когнитивные способности, но готовность посмотреть на ситуацию под разным ракурсом, найти несколько вариантов решения, совместить междисциплинарные и метапредметные навыки.

Современный этап развития наук об образовании, как считают многие ученые, характеризуется необходимостью осмысления отечественных традиций в обучении и воспитании, отказе от чуждых российскому обществу ценностных установок, анализе и *адаптации* успешного зарубежного педагогического опыта с опорой на созидание. Например, Мартынов В.Г. пишет: «Очевидна необходимость серьезного анализа социально-гуманитарной составляющей образования, пересмотра универсальных компетенций с точки зрения их содержания и, главное, результатов, отражающих общие знания, социальные и личностные способности обучающихся, их готовность действовать в соответствии с нашими традиционными духовно-нравственными ценностями» [Мартынов, 2023, с.12].

В отечественной традиции подготовки школьников к взрослой жизни немалую роль играют предметные олимпиады, так как помимо крепких знаний по изучаемым дисциплинам дипломанты должны уметь создавать творческие авторские продукты и демонстрировать креативный подход – от необычных способов решения математических задач до написания эссе на иностранном языке.

Олимпиадное движение школьников используется не только для поиска талантливой молодежи, но и для обкатки образовательных технологий, связанных с социокультурным запросом общества. Нередки случаи использования отдельных форматов заданий для их постепенного внедрения в компоненты государственной аттестации. Перед масштабными инновациями в отечественном образовании олимпиады могут выступать как полигон для апробации подходов к тестированию. Так, первые комплекты олимпиадных заданий по английскому языку (конец XX века) стали прообразом современного ЕГЭ, при этом концептуально на уровне государственного экзамена предметное поле иностранных языков унифицировано с точки зрения структуры и критериального компонента, что нельзя сказать про олимпиады – в своем развитии интеллектуальные состязания по разным языкам постоянно меняли свое содержание. Однако технологии тестирования, равно как и цели образования, динамично меняются в глобальном цифровом мире. Отдельные методические

находки предметных методических комиссий не решают в комплексе дидактические проблемы формирования и развития креативности и творческих способностей, что является целью олимпиадного движения. В 20-х годах XXI в. множество олимпиад, участие в которых на бесплатной основе доступно для школьников, обретает массовость и популярность. Одновременно с этим мы вынуждены констатировать, что не все школы справляются с вызовами современных интеллектуальных состязаний. Изменчивость условий проведения конкурсов, нестандартность заданий, минимально заданный контекст творческих задач вместе с организационными сложностями не позволяют в полной мере раскрыть потенциал олимпиад как драйвера развития творческого потенциала как обучающихся, так и их наставников в массовой школе.

Напомним, что предметные олимпиады проектируются на уровень выше школьной программы, поэтому не каждый рядовой педагог справляется с задачей подготовить дипломантов. Проблема нашего исследования связана с данным противоречием – импульс, который получило олимпиадное движение в последнюю декаду, ставит неразрешимые задачи перед общеобразовательной школой. В связи с этим возникают новые типы образовательных учреждений – региональные и федеральные центры олимпиадного движения, среди которых «Сириус» (ФТ Сириус), Центр педагогического мастерства (Москва), «Взлет» (Московская область) и другие. Многие регионы могут похвастаться серьезной олимпиадной подготовкой, которая организуется при крупных университетах или региональных центрах повышения квалификации учителей. Однако нехватка педагогических кадров приводит к дефициту олимпиадных программ или снижению их качества, что в свою очередь актуализирует необходимость проектировать курсы повышения квалификации для действующих учителей, а также внедрять специальные дидактические курсы для студентов педагогических вузов. Отвечая на этот профессиональный запрос, Министерство просвещения РФ закрепляет право победителей и призеров интеллектуальных состязаний высокого уровня принимать участие в работе жюри всероссийской олимпиады школьников¹, соответственно, возникает инициатива широкого привлечения вчерашних дипломантов к педагогическим практикам – таким образом олимпиадное движение самостоятельно находит выход из патовой ситуации. Студенты активно вовлекаются в педагогический процесс, при этом не обладая системными методическими знаниями. Насколько продуктивна такая подготовка, не нанесет ли она вреда школе? На наш взгляд, переломить тенденцию включения победителей и призеров олимпиад в образовательный процесс в роли наставников и тьюторов вряд ли возможно и главное – не нужно. Энергия, энтузиазм, коммуникабельность, глубокие знания по предмету являются визитной карточкой любого олимпиадника, поэтому задача современного образования – найти способ поднять методический и дидактический уровень юного преподавателя, а не запретить погружаться в учительскую профессию.

Если есть волевое решение Министерства просвещения задействовать тот или иной предмет в конкурсном движении, в школе находятся возможности обеспечить подготовку олимпиадников – будь то «кружки чемпионов» от вчерашних дипломантов или посещение организованных на вузовских кафедрах дополнительных занятий для всех желающих.

Происходит активизация педагогической мысли в этом направлении в последние годы. Так, некоторые работы посвящены повышению познавательной активности обучающихся и их мотивации к успешному освоению предмета [Шатюк, 2015; Сергеева, Ешкина, 2019]. Раскрываются технологии проведения и эргономика образовательного пространства при реализации предметных олимпиад [Малиновская, 2021; Аксенов, Катушенко, 2023]. Предпринимаются комплексные попытки анализа методики организации педагогической олимпиады в военном вузе в диссертационных исследованиях

¹ Об утверждении Порядка проведения всероссийской олимпиады школьников. 2020. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 27.11.2020 № 678. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103050027> (дата обращения: 03.07.2023)

[Рогожкина, 2012; Султанова, 2015], происходит рассмотрение данного конкурса в контексте профессионального становления студентов [Гладкая, 2010]. Отметим широкий интерес зарубежных ученых к тематике развития креативности школьников и их наставников средствами олимпиадного движения [Campbell, Walberg, 2010; Berk, 2016; Antonov, Antonov, 2021].

Подводя итоги вышеизложенному, отметим широкую разработанность вопроса студенческих олимпиад по педагогике, и недостаточное освещение тематики школьных олимпиад. Тем не менее в олимпиадном движении увеличивается число творческих конкурсов по педагогике для старшеклассников, что позволяет говорить о необходимости проведения всероссийской олимпиады школьников по данной дисциплине на ежегодной основе. В связи с вышесказанным цель нашего исследования состоит во вскрытии значимости реализации педагогических олимпиад для школьников. Мы убеждены, что интеллектуальный потенциал олимпиадников позволяет им освоить азы педагогики как дисциплины и профессии.

Таким образом, в статье идет речь о возможности включения в программу всероссийской олимпиады школьников конкурсов по педагогическому профилю, что обеспечит дополнительный интерес к данной науке. Как правило, на школьном и муниципальном этапах в состязаниях принимают участие несколько миллионов школьников¹, что позволит приобщить к педагогике огромное число подростков.

Методы исследования

Мы использовали теоретические методы исследования – анализ научной литературы по теме, категоризацию, индукцию и дедукцию. Нами был проведен поиск научных материалов в библиотеке Elibrary по ключевым словам «предметные олимпиады», «педагогическая олимпиада», «олимпиадное движение» за последние 10 лет. Кроме того, были изучены нормативные документы по теме исследования.

Обращаясь к практикам реализации олимпиадного движения, мы опираемся на каноны культурологического подхода – в нашей трактовке *культура* есть восприятие, осознание и воспроизведение творчества, что отражается в целях проведения предметных олимпиад, среди которых – развитие творческих компетенций учащихся вместе с продвижением научно-исследовательской деятельности.

Мы также используем принципы системного и деятельностного подходов.

В качестве теоретической рамки исследования выделим разработанную нами педагогическую концепцию реализации школьных предметных олимпиад [Гулов, 2023].

Истоки олимпиадного движения

Конкурсные практики пронизывают отечественную и международную педагогику. Так, первые городские олимпиады по математике в СССР были проведены в 30-х г. XX в., а первые международные состязания по данному предмету – на стыке 50–60-х годов. Отметим, что олимпиадное движение как педагогический феномен всегда функционировало на острие инновационных идей, отвечая на запросы общества и государства на воспитание высококлассных специалистов определенного профиля. Так, постепенное расширение списка дисциплин всероссийской олимпиады школьников (далее – ВСОШ) продолжается и по сей день, являясь лакмусовой бумажкой потребностей науки и производства. Такие предметы, как физика, химия, астрономия, экология, информатика, а также аспекты технологии «Робототехника» и «Информационная безопасность» внедрялись в конкурсное поле в связи с необходимостью решать прикладные задачи современного мира, формировать экологическую культуру сохранения планеты, бережливого и грамотного использования минеральных ресурсов, что особенно актуально в период цифровой трансформации и

¹ Центр олимпиадного движения. URL: <https://vsosolimp.edsoo.ru/> (дата обращения: 15.07.2023)

развития технологий. Делаются и шаги в гуманитарном направлении: вводятся новые иностранные языки, пересматривается конкурсная программа состязаний по существующим предметам. Признавая архиважную роль подготовки новых кадров для отечественного образования, педагогические олимпиады могут стать ответом на данные вызовы общества.

Из истории педагогических олимпиад

На данный момент олимпиадное движение включает в себя как ВСОШ по 24 предметам, так и многочисленные вузовские олимпиады, часть из которых проводится для студентов. Возвращаясь к идее полигона образовательных технологий, отметим, что на университетских олимпиадах тестируются самые смелые идеи, и только получив определенный положительный отклик и накопив нужный опыт, в учительской среде начинается обсуждение возможности внедрения предмета в список ВСОШ. Программа интеллектуальных вузовских состязаний ежегодно расширяется, в ней находится место и олимпиадам по педагогике. Так, Н.М. Науменко и О.С. Шаврыгина высказывают тезис о важности подобных проектов в современном отечественном образовании: «Опыт организации олимпиады по педагогике позволяет утверждать, что данное средство профориентационной работы способствует развитию творческого и интеллектуального потенциала школьников, создает условия для их "погружения" в педагогическую профессию, является средством личностного развития обучающихся и преподавателей» [Науменко, Шаврыгина, 2019, с. 115]. Гревцева Г.Я. высказывает мнение о том, что педагогическая олимпиада есть «форма подготовки к профессиональной деятельности будущих специалистов, способствующая развитию компетенций и стимулирующая их творческий потенциал» [Гревцева, 2015, с. 46]. Дозморова Е.В. считает, что «олимпиада по педагогике является одним из средств активизации творческого потенциала обучающихся, пропаганды педагогических и психологических знаний» [Дозморова, 2019, с. 25]. При этом стоит понимать, что гораздо чаще интеллектуальные состязания по педагогическим наукам проводятся для студенческой молодежи. Например, в Белгородской области традиция проводить педагогические конкурсы зародилась в 1984 году. Как указывают Анохина С.В., Назаренко М.Л., Тарасова С.И., «процесс организации региональной олимпиады по педагогике для обучающихся Педагогического института НИУ «БелГУ» и профессиональных образовательных организаций СПО г. Белгород и Белгородской области представляет собой один из ведущих процессов, реализуемых кафедрой педагогики» [Анохина и др., 2023, с. 38].

Неминуемая цифровизация образования приводит к актуализации цифровых компетенций у педагогов, в связи с чем высказывается точка зрения, что «творческие конкурсы по цифровой педагогике являются своеобразным средством инициации в профессиональную интеллектуальную среду» [Гордиенко и др., 2022, с. 86]. Ряд испытаний проводится на межвузовском уровне. Так, в Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева «были разработаны уникальные технологии проведения олимпиадных состязаний, основанные на организации коллективно-распределенной деятельности участников, ранжировании их индивидуальных и командных результатов», которые привлекают студентов из других регионов для участия [Савинова и др., 2018, с. 165].

Современные педагогические олимпиады

Существует ежегодная Всероссийская олимпиада для студентов разных направлений подготовки (технических, гуманитарных, естественно-научных, педагогических, аграрных и медицинских) «Я – профессионал» (yandex.ru/profi), которая проводится в 2022/23 учебном году в 6-й раз, с общим количеством регистраций более 650 тысяч. По направлению «Педагогические науки» запущены следующие конкурсные треки: «Классный

руководитель», «Педагогическое образование (основное)», «Педагогическое образование (дошкольное)», «Специальное (дефектологическое) образование».

Наблюдается тенденция по увеличению количества педагогических олимпиад для школьников. Например, МГПУ проводит с 2015 года олимпиаду по специальной педагогике и специальной психологии, в которой интегрированы вопросы из области биологии, обществознания, а также педагогики и психологии. Всероссийская Толстовская олимпиада школьников в 2022–2023 году запустила профиль «Педагогика». В КФУ в 2023 году проведена Республиканская олимпиада по психологии и педагогике «Педагогика – первое и высшее из искусств...». Герценовская педагогическая олимпиада «Педагогические ориентиры» включает в себя и испытания для школьников, которые традиционно проводятся Институтом педагогики РГПУ им. А. И. Герцена – абитуриенты, подающие документы на 2023/24 учебный год, могут использовать свои дипломы как результаты вступительных испытаний на профильные направления.

Отметим, что включение вузовских олимпиад для школьников по педагогике в список рекомендованных к участию Российским советом олимпиад школьников (РСОШ) (таблица) также может дать импульс развитию – на данный момент таких творческих конкурсов явно недостаточно¹, хотя сам факт их наличия в перечне – сигнал о намечающейся тенденции разработки подобных проектов конкурсных состязаний во многих крупных университетах.

Список олимпиад по педагогике из перечня РСОШ
 List of Olympiads in Pedagogy from the list of RSOS

Олимпиада	Профиль	Предмет	Уровень
Всероссийская (с международным участием) олимпиада учащихся музыкальных колледжей	музыкальная педагогика и исполнительство	музыкальное и музыкально-прикладное искусство (музыкальная педагогика)	2
Всероссийская Толстовская олимпиада школьников	литература	педагогическое образование	2
Северо-Восточная олимпиада школьников	родные языки	педагогическое образование	3
Учитель школы будущего	иностранный язык	педагогическое образование (профиль «иностранный язык»)	2
Межвузовская олимпиада школьников «Первый успех»	педагогические науки и образование	педагогическое образование, психолого-педагогическое образование, педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), специальное (дефектологическое) образование	2

Основания для реализации педагогических олимпиад

Расширение предметной программы всероссийской олимпиады школьников является сложным процессом – необходимо привлечь кадры, организовать деятельность Центральной предметно-методической комиссии, разработать методические рекомендации для составления заданий школьного и муниципального этапов, ввести в региональное

¹ Об утверждении перечня олимпиад школьников и их уровней на 2022/23 учебный год. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 30.08.2022 № 828. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209300006> (дата обращения: 03.07.2023)

информационное поле олимпиады определенные инструкции, связанные с техническим обслуживанием конкурсных практик. В каждой школе в Российской Федерации проводится школьный тур, число участников по самым популярным предметам достигает несколько миллионов человек. Тем не менее мы убеждены, что включение олимпиады по педагогике в программу проведения ВСОШ является важным и необходимым условием развития педагогической мысли в отечественной традиции. Отметим, что многие олимпиадники успешно учатся и применяют полученные в школе знания в выбранной профессии, отличаясь креативностью и тягой к научно-исследовательской деятельности.

Среди прочих укажем на следующие основания для такого шага:

1. Повышение престижа профессии – мотивация постигать педагогику как науку, целевой набор в вуз, профориентационная работа, осознание трудностей педагогической деятельности, уважение к труду педагогов.

2. Обеспечение знаний по дисциплине для школьников: научные знания для будущих педагогов (методика и дидактика), педагогические идеи для специалистов широкого профиля – будущих наставников, базовые знания по методике для дипломантов-тьюторов, включенных в преподавательский процесс в студенчестве.

3. Скрытое повышение квалификации для учителей, триггер для развития олимпиадного движения.

4. Улучшение качества самоуправления в школе, новые инициативы школьников в сфере организации мероприятий воспитательной и культурной направленности.

5. Педагогическая практика – при включении соответствующих заданий практической направленности в программу конкурсных мероприятий.

Олимпиадное движение является одним из драйверов углубленного изучения предметов наравне с формированием и развитием творческих компетенций учащихся. Выделенные нами основания убеждают в необходимости как минимум серьезного обсуждения создания педагогического полигона для развития отечественной образовательной мысли. Среди акторов и бенефициаров олимпиады по педагогике выступают все субъекты образовательного процесса – школьники изнутри учатся понимать суть преподавательской деятельности, учителя получают возможность в рамках организации олимпиадной подготовки освежить знания по предмету. Государство и общество в рамках социального заказа получают новые педагогические кадры, а также действующих педагогов с более глубокими знаниями и возросшим уровнем компетентности. Есть надежда, что некоторые школьники в своих предметных и научных изысканиях смогут дойти и до программ аспирантуры, которые реализуются в отечественной научной школе, что позволит в целом поднять уровень педагогической мысли.

Заключение

В заключение отметим, что расширение конкурсной программы на всероссийской олимпиаде школьников давно назревало, и в 2023 году – Году педагога и наставника – самое время задуматься об эффективных способах поднятия престижа учительской профессии и качестве преподавания, в том числе и через запуск всероссийской олимпиады школьников по педагогике. В последние годы добавились различные иностранные языки (испанский, итальянский, китайский), введены новые аспекты в профиле «Технология» – не пришло ли время педагогических наук? Отсутствие данного предмета в общеобразовательной программе не должно смущать, так как подобные прецеденты существуют. Например, к олимпиаде по экологии часто готовятся в рамках уроков биологии и химии, а преподавание китайского языка за пределами крупных городов – большая редкость, однако данные предметы включены в перечень ВСОШ.

В нашем исследовании была обоснована необходимость внедрения педагогики в сферу конкурсных мероприятий всероссийской олимпиады школьников. Среди

предпосылок такого шага назовем успешную разработку интеллектуальных состязаний по данному предмету в вузовской среде, а также определенную нехватку педагогических кадров, способных успешно готовить олимпиадников по другим предметам. Указаны существующие творческие конкурсы и педагогические олимпиады, которые функционируют в российских университетах.

Теоретическое значение исследования состоит в обогащении научного знания и вскрытии потенциала олимпиадного движения в самообеспечении педагогических практик. На практическом уровне результаты исследования могут служить как для интенсификации разработки вузовских олимпиад для школьников по педагогике в различных регионах страны, так и для внедрения педагогики в конкурсное поле ВСОШ.

Завершая исследование, подчеркнем: реализация педагогических олимпиад – жизненная необходимость как для развития самого олимпиадного движения, так и для обеспечения развития научной педагогической мысли. Игнорировать творческий потенциал молодежи, вовлеченных в интеллектуальные состязания – *утопично*; использовать его во благо отечественного образования и школы – необходимо.

Список литературы

- Аксенов С.И., Катушенко О.А. 2023. Развитие студенческого олимпиадного движения как условие обеспечения эргономики образовательного пространства. *Проблемы современного педагогического образования*, 78(1): 17–21.
- Анохина С.В., Назаренко М.Л., Тарасова С.И. 2023. Повышение эффективности процесса организации региональной олимпиады по педагогике с применением инструментов бережливого производства: опыт разработки проекта. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 22(1): 35–44. DOI: [10.20310/1810-231X-2023-22-1-35-44](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2023-22-1-35-44)
- Гладкая И.В. 2010. Олимпиада по педагогике как этап профессионального становления студентов. *Вестник Герценовского университета*, 2(76): 72–75.
- Гордиенко О.В., Соколова А.А., Иванов О.А., Федоров В.В. 2022. Практические кейсы для олимпиад по цифровой педагогике. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 6(93): 79–91. DOI: [10.37493/2307-907X.2022.6.10](https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.6.10)
- Гревцева Г.Я. 2015. Педагогическая олимпиада как средство подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, Т13: 4666–4670.
- Гулов А.П. 2023. Культурологические основания школьных предметных олимпиад. *Педагогика*, 87(4): 54–63.
- Дозморова Е.В. 2019. Уровневый подход к организации олимпиадных заданий (на примере заданий олимпиады по педагогике). В кн.: Олимпиадное движение педагогической направленности среди школьников и студентов. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (Томск, 25 ноября 2019 г.). Под ред. Ю.Г. Титовой. Томск, Томский государственный педагогический университет: 25–28.
- Малиновская М.П. 2021. Технология организации и опыт проведения педагогической олимпиады. *Вестник педагогических инноваций*, 2 (62): 86–94. DOI: [10.15293/1812-9463.2102.09](https://doi.org/10.15293/1812-9463.2102.09)
- Мартынов В.Г. 2023. Социально-гуманитарная составляющая образования. *Педагогика*, 87(5): 5–16.
- Науменко Н.М., Шаврыгина О.С. 2019. Олимпиада по педагогике как средство профориентации школьников. В кн.: Стратегия и тактика подготовки современного педагога в условиях диалогового пространства образования. Сборник научных статей III международной научно-практической конференции (Брянск, 18–19 апреля 2019 г.). Под ред. Н.А. Асташовой. Брянск, РИО БГУ; ООО «Новый проект»: 110–115.
- Рогожкина Е.М. 2012. Методика организации олимпиады по педагогике в военном вузе внутренних войск МВД России. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 23 с.
- Савинова Н.А., Быкова С.С., Курочкина Л.В. 2018. Всероссийская олимпиада студентов образовательных организаций высшего образования по педагогике. *Гуманитарные науки и образование*, 9-4(36): 164–166.
- Сергеева А.А., Ешкина Н.И. 2019. Проблема активизации познавательной деятельности студентов в процессе проведения олимпиады по педагогике в вузе. В кн.: Тенденции развития

образования: педагог, образовательная организация, общество – 2019. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 19 августа 2019 г.). Под ред. Ж.В. Мурзиной. Чебоксары, Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда»: 276–278.

- Султанова К.Г. 2015. Проектирование и реализация олимпиад по педагогике для адъюнктов военных вузов внутренних войск МВД России. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 23 с.
- Шатюк Т.Г. 2015. Из опыта проведения межвузовской олимпиады по основам психологии и педагогики. В кн.: Молодежь и государство: научно-методологические, социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования. Сборник материалов заочной V Всероссийской научно-практической on-line конференции с международным участием (Тверь, 24 ноября – 2 декабря 2015 г.). Под ред. М.А. Крыловой. Тверь, Тверской государственный университет: 96–117.
- Antonov Y.S., Antonov M.Y. 2021. Using the mapping method for solving some methodical problems. n: 9th international conference on mathematical modeling: Dedicated to the 75th Anniversary of Professor V.N. Vragov, AIP Conference Proceedings (March 5, 2021), 2328(1): 030002. DOI: [10.1063/5.0044890](https://doi.org/10.1063/5.0044890)
- Berk S. 2016. Designing for the future of education requires design education. *Art Education*, 69(6): 16–20. DOI: [10.1080/00043125.2016.1224844](https://doi.org/10.1080/00043125.2016.1224844)
- Campbell J.R., Walberg H.J. 2010. Olympiad studies: Competitions provide alternatives to developing talents that serve national interests. *Roepers Review*, 33: 8–17. DOI: [10.1080/02783193.2011.530202](https://doi.org/10.1080/02783193.2011.530202)

References

- Aksenov S.I., Katushenko O.A. 2023. Development of the student olympiad movement as a condition for ensuring the ergonomics of the educational space. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 78(1): 17–21 (in Russian).
- Anokhina S.V., Nazarenko M.L., Tarasova S.I. 2023. Efficiency improving in organizing regional olympiad in pedagogy using lean production tools: project development experience. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 22(1): 35–44 (in Russian). DOI: [10.20310/1810-231X-2023-22-1-35-44](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2023-22-1-35-44)
- Gladkaya I.V. 2010. Olimpiada po pedagogike kak etap professional'nogo stanovleniya studentov [Pedagogy Olympiad as a stage of students' professional development]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 2(76): 72–75.
- Gordienko O.V., Sokolova A.A., Ivanov O.A., Fedorov V.V. 2022. Practice cases for digital pedagogy olympiad assignments. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 6(93): 79–91 (in Russian). DOI: [10.37493/2307-907X.2022.6.10](https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.6.10)
- Grevtseva G.Ya. 2015. Pedagogicheskaya olimpiada kak sredstvo podgotovki budushchikh spetsialistov k professional'noy deyatel'nosti [Pedagogical Olympiad as a means of preparing future specialists for professional activities]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, T13: 4666–4670.
- Gulov A.P. 2023. Culturological foundations of school subject olympiads. *Pedagogika*, 87 (4): 54–63.
- Dozmorova E.V. 2019. Urovnevyy podkhod k organizatsii olimpiadnykh zadaniy (na primere zadaniy olimpiady po pedagogike) [Level approach to the organization of Olympiad tasks (on the example of tasks of the Olympiad in Pedagogy)]. In: Olimpiadnoe dvizhenie pedagogicheskoy napravlenosti sredi shkol'nikov i studentov [Olympiad movement of pedagogical orientation among schoolchildren and students]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Tomsk, November 25, 2019). Ed. Yu.G. Titova. Tomsk, Publ. Tomskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet: 25–28.
- Malinovskaya M.P. 2021. Technology of the organization and experience of the pedagogical olympiad. *Journal of pedagogical innovations*, 2(62): 86–94 (in Russian). DOI: [10.15293/1812-9463.2102.09](https://doi.org/10.15293/1812-9463.2102.09)
- Martynov V.G. 2023. Socio-humanitarian component of education. *Pedagogika*, 87(5): 5–16.
- Naumenko N.M., Shavrygina O.S. 2019. Olimpiada po pedagogike kak sredstvo proforientatsii shkol'nikov [Pedagogy Olympiad as a means of vocational guidance for schoolchildren]. In: Strategiya i taktika podgotovki sovremennogo pedagoga v usloviyakh dialogovogo prostranstva obrazovaniya [Strategy and Tactics of Training a Modern Teacher in the Dialogue Space of Education]. Collection of

- scientific articles of the III International Scientific and Practical Conference (Bryansk, April 18–19, 2019). Ed. N.A. Astashova. Bryansk, Publ. RIO BGU; ООО «Novyy proekt»: 110–115.
- Rogozhkina E.M. 2012. Metodika organizatsii olimpiady po pedagogike v voennom vuze vnutrennikh voysk MVD Rossii [Methodology for organizing an Olympiad in pedagogy in a military university of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Abstract dis. ... cand. ped. Sciences. St. Petersburg, 23 p.
- Savinova N.A., Bykova S.S., Kurochkina L.V. 2018. All russian olimpiad for students of higher educational establishments on pedagogics. *The Humanities and Education*, 9-4(36): 164–166 (in Russian).
- Sergeeva A.A., Eshkina N.I. 2019. Problema aktivizatsii poznavatel'noy deyatelnosti studentov v protsesse provedeniya olimpiady po pedagogike v vuze [The problem of enhancing the cognitive activity of students in the process of holding the Olympiad in Pedagogy at the university]. In: Tendentsii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizatsiya, obshchestvo – 2019 [Trends in the development of education: teacher, educational organization, society – 2019]. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Cheboksary, August 19, 2019). Ed. Zh.V. Murzina. Cheboksary, Publ. Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'skiy dom «Sreda»: 276–278.
- Sultanova K.G. 2015. Proektirovanie i realizatsiya olimpiad po pedagogike dlya ad'yunktov voennykh vuzov vnutrennikh voysk MVD Rossii [Design and implementation of Olympiads in pedagogy for adjuncts of military universities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Abstract dis. ... cand. ped. Sciences. St. Petersburg, 23 p.
- Shatyuk T.G. 2015. Iz opyta provedeniya mezhvuzovskoy olimpiady po osnovam psikhologii i pedagogiki [From the experience of holding an interuniversity Olympiad on the basics of psychology and pedagogy]. In.: Molodezh' i gosudarstvo: nauchno-metodologicheskie, sotsial'no-pedagogicheskie i psikhologicheskie aspekty razvitiya sovremennogo obrazovaniya [Youth and the State: Scientific, Methodological, Social, Pedagogical and Psychological Aspects of the Development of Modern Education]. Collection of materials of the correspondence V All-Russian scientific and practical online conference with international participation (Tver, November 24–December 2, 2015). Ed. M.A. Krylova. Tver', Publ. Tverskoy gosudarstvennyy universitet: 96–117.
- Antonov Y. S., Antonov M. Y. 2021. Using the mapping method for solving some methodical problems. In: 9th international conference on mathematical modeling: Dedicated to the 75th Anniversary of Professor V.N. Vragov, AIP Conference Proceedings (March 5, 2021), 2328(1): 030002. DOI: [10.1063/5.0044890](https://doi.org/10.1063/5.0044890)
- Berk S. 2016. Designing for the future of education requires design education. *Art Education*, 69(6): 16–20. DOI: [10.1080/00043125.2016.1224844](https://doi.org/10.1080/00043125.2016.1224844)
- Campbell J.R., Walberg H.J. 2010. Olympiad studies: Competitions provide alternatives to developing talents that serve national interests. *Roepers Review*, 33: 8–17. DOI: [10.1080/02783193.2011.530202](https://doi.org/10.1080/02783193.2011.530202)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.07.2023

Received July 05, 2023

Поступила после рецензирования 21.08.2023

Revised August 21, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гулов Артем Петрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Artem P. Gulov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of English, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

УДК 378.14

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-459-473

Цифровые технологии в формировании информационно-профессиональной компетентности специалиста легкой промышленности

¹ Ноздрачева Т.М., ² Щеглова Т.М.

¹ Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет октября, 94

² Старооскольский техникум технологий и дизайна,
Россия, 309513, г. Старый Оскол, мкр. Студенческий, 4
noztat@yandex.ru; tatyana.sttd2014@yandex.ru

Аннотация. В условиях цифровой трансформации российской экономики возрастает роль высшей школы в организации процесса подготовки специалистов, обладающих не только высоким уровнем профессиональных, но и цифровых компетенций. Целью исследования явился поиск путей повышения эффективности процесса формирования информационно-профессиональной компетентности (ИПК) бакалавра по направлению подготовки «Конструирование изделий легкой промышленности». Проанализированы подходы к определению сущности понятия «информационно-профессиональная компетентность», изложенные в научных исследованиях. С учетом особенностей профессиональной деятельности конструктора определены этапы, компоненты и педагогические условия формирования исследуемой компетентности. Для практического освоения цифровых технологий предлагается выстраивать учебный процесс по непрерывно развивающейся восходящей траектории на базе выполнения актуальных задач, ориентированных на будущую профессию. Приведены примеры использования графических редакторов и автоматизированных систем в процессе освоения ИПК. Отмечено, что в качестве актуальной инновационной технологии оценивания качества подготовки студентов и уровня сформированности компетенций может служить портфолио достижений выпускника, содержащее комплект работ, выполненных с использованием различных графических редакторов и систем автоматизированного проектирования.

Ключевые слова: легкая промышленность, конструктор, цифровые технологии, информационно-профессиональная компетентность, портфолио достижений

Для цитирования: Ноздрачева Т.М., Щеглова Т.М. 2023. Цифровые технологии в формировании информационно-профессиональной компетентности специалиста легкой промышленности. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 459–473. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-459-473

Digital Technologies in the Formation of Information and Professional Light Industry Specialist Competence

¹ Tatyana M. Nozdracheva, ² Tatyana M. Shcheglova

¹ Southwestern State University,

94 50 years of October St, Kursk 305040, Russia

² Stary Oskol College of Technology and Design,

4 Studenchesky Estate, Stary Oskol 309513, Russia

noztat@yandex.ru; tatyana.sttd2014@yandex.ru

Abstract. In the context of the digital transformation of the Russian economy, the successful operation of enterprises, including light industry, largely depends on their human resources. Accordingly, the role of

higher education in organizing the process of training specialists with not only a high level of professional, but also digital competencies is increasing. The aim of the study was to find ways to improve the efficiency of the process of forming information and professional competence (IPC) of a bachelor in the direction of training "Designing light industry products". Approaches to the definition of the essence of the concept of "information and professional competence", set out in scientific research, are analyzed. Taking into account the peculiarities of the designer's professional activity, the stages, components and pedagogical conditions for the formation of the studied competence are determined. The means of digital technologies used in the preparation of future designers are considered. It is noted that software products can be used as a means of intensifying the process of IPC formation. For the practical development of digital technologies, it is proposed to build the educational process along a continuously developing ascending trajectory based on the implementation of actual tasks focused on the future profession. Examples of the use of graphic editors and automated systems in the process of mastering the IPC are given. It is noted that a portfolio of graduate achievements, containing a set of works performed using various graphic editors and computer-aided design systems, can serve as an actual innovative technology for assessing the quality of student training and the level of competence development.

Keywords: light industry, designer, digital technologies, information and professional competence, portfolio of achievements

For citation: Nozdracheva T.M., Shcheglova T.M. 2023. Digital Technologies in the Formation of Information and Professional Light Industry Specialist Competence. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 459–473 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-459-473

Введение

Одним из приоритетных направлений развития экономики России является реализация концепций инновационного развития и формирования цифровой экономики. Информационно-технологическая составляющая становится ключевым фактором развития во всех сферах и направлениях развития социально-экономической деятельности. В современном мире цифровые технологии считаются неотъемлемой частью любой организации. Новые информационные технологии (ИТ) и реализованные на их основе информационные системы являются мощными инструментами для проведения организационных изменений на предприятии с целью достижения новых стратегических целей.

Легкая промышленность в России является одним из системообразующих секторов экономики, от которых во многом зависит функционирование другие отраслей и потребительского рынка. Со стороны государства легкой промышленности уделяется все больше внимания. В разработанном проекте Стратегии развития легкой промышленности на период до 2025 года определены направления ее развития, которые позволят создать устойчиво развивающуюся отрасль, основанную на конкурентных преимуществах страны, эффективно интегрированную в мировую систему разделения труда ¹.

В настоящее время легкая промышленность стоит на пути реализации поставленных задач, а новые прогрессивные технологии дают дополнительный импульс к ее развитию. К таким нововведениям можно отнести информативные корпоративные системы, представляющие собой открытый интегрированный механизм по автоматизации всех рабочих процессов компании на всех уровнях. Перспективным направлением является трехмерное компьютерное проектирование одежды. Одной из новых технологий в легкой промышленности является использование электронных измерителей. Находят все большее применение VR- и AR-технологии [Маслов, Хамина, 2016].

¹ Проект Стратегии развития легкой промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года. 2017. КонсультантПлюс, 4 сентября 2017 г. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/50795.html> (дата обращения: 29.06. 2023).

Цифровая трансформация затрагивает все большее количество предприятий. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ более 70 % промышленных организаций используют цифровые технологии [Абдрахманова и др., 2020]. В перспективе предусмотрено создание в легкой промышленности «умных фабрик» с максимальной цифровизацией производства [Корнилова и др., 2018].

В настоящее время в соответствии с кадровыми потребностями рынка труда в высшем образовании формируется установка на четкую привязку компетенций выпускника к запросам работодателей. С учетом этого одним из главных требований к выпускнику вуза становится владение цифровыми технологиями, современными компьютерными графическими системами, умение выбирать и рационально использовать возможности прикладных программ и автоматизированных систем для разработки нового ассортимента изделий.

Сфера образования чрезвычайно зависима от экономики, особенно профессиональное образование, так как ориентировано на потребности экономики в кадрах того или иного уровня и направленности подготовки. Для свободной ориентации и полноценной жизнедеятельности в современном информационном обществе подготовка квалифицированного специалиста должна обеспечивать актуальность получаемых ими знаний как с точки зрения решаемых профессиональных задач, так и с точки зрения использования постоянно совершенствующихся ИТ. Этим требованиям может отвечать молодой специалист с достаточно высоким уровнем сформированности информационно-профессиональной компетентности (ИПК).

Вопросы формирования ИПК в различных предметных областях рассмотрены в исследованиях А.П. Базаевой [2005], Е.Ю. Бобковой [2008], Н.Н. Овчинниковой [2008], И.М. Истоминой [2015] и др. Однако проблемы формирования ИПК у будущих конструкторов изделий легкой промышленности на основе повышения эффективности образовательного процесса недостаточно раскрыты и освещены.

Цель исследования – поиск путей повышения эффективности процесса формирования информационно-профессиональной компетентности (ИПК) бакалавра по направлению подготовки «Конструирование изделий легкой промышленности».

Объекты и методы исследования

Исследование выполнялось применительно к профессиональной подготовке бакалавра, обучающегося по направлению подготовки 29.03.05 «Конструирование изделий легкой промышленности». Экспериментальная работа проводилась со студентами 1–4 курса Юго-Западного государственного университета.

В задачи данного исследования входило: изучение научных подходов к проблеме формирования информационно-профессиональной компетенции, выявление структурных компонентов информационно-профессиональной компетентности у студентов и особенностей ее формирования, организация учебной деятельности по изучению и освоению современных информационных технологий и автоматизированных систем, повышающей эффективность формирования информационно-профессиональной компетентности студентов.

Методологической основой исследования явились идеи системного, компетентностно-ориентированного, личностно-ориентированного, деятельностного подходов.

Методы исследования носили комплексный характер и включали теоретический анализ педагогической и научно-методической литературы по вопросам процесса формирования ИПК, вовлечения студентов в проектную, исследовательскую, художественно-творческую деятельность, педагогического наблюдения, анкетирования, беседы со студентами.

Взаимосвязь между информационной и профессиональной компетентностями

С целью практико-ориентированной подготовки выпускников вузов, соответствующих требованиям современной экономики, в последние годы в российском профессиональном образовании активно реализуются идеи компетентного подхода. В рамках этого подхода действуют Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО).

В ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 29.03.05 «Конструирование изделий легкой промышленности» и в профессиональных стандартах, соответствующих данной профессиональной деятельности, установлены компетенции, в которых отражены инновационные составляющие современных требований к уровню подготовки специалиста. Среди них необходимая в информационном обществе компетенция, такая как «способность понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности», являющаяся ключевой компетенцией результата образования. В данной компетенции присутствуют два элемента – информационная и профессиональная составляющие.

Профессиональная деятельность инженера-конструктора в области проектирования изделий легкой промышленности имеет ряд специфических особенностей. Она связана с созданием совершенных образцов современной одежды. При этом конструктор выступает ключевой фигурой, трансформирующей художественную идею в информационную графическую модель объемно-пространственной структуры реального объекта и вырабатывающей методы, средства и процедуры для ее реализации в виде готового серийного образца. Если раньше художественные образы будущего изделия представлялись только ручной техникой исполнения, то в настоящее время с появлением различных графических редакторов с широкими функциональными возможностями, имитирующими разные техники выполнения эскиза, фактуры материалов и их свойства, стало особо актуально владение компьютерными технологиями.

Разработка объемно-пространственной структуры реального объекта (чертежи базовой и модельной конструкций объекта проектирования, рабочие чертежи лекал, раскладка лекал на полотне и другая проектно-конструкторская документация) в традиционном исполнении также была ручной, длительной, трудоемкой, часто с некоторыми неточностями выполнения, обусловленными человеческим фактором. Появление же систем автоматизированного проектирования (САПР) позволило решить эти проблемы.

В связи с трансформацией трудовых функций в проектировании и производстве изделий легкой промышленности изменились и возросли требования к компетентностям специалиста. При решении профессиональных задач актуальной стала информационно-профессиональная компетентность специалиста.

Рассмотрению вопросов формирования информационной и профессиональной компетентностей посвящено значительное количество научно-педагогических исследований.

Понятие «информационная компетентность» (ИК) раскрывается в трудах целого ряда авторов. Большинство ученых [Завьялов, 2005; Морковина, 2005; Ионова, 2006; Носкова, 2016; Вязанкова, Медведев, 2017; Табачук, Малыхина, 2021] под информационной компетентностью понимают интегративное качество, характеризующееся высоким уровнем теоретических знаний и практических умений в области информационных технологий, готовностью использовать и совершенствовать эти знания и опыт в профессиональной деятельности.

Однако, как отмечает О.Е. Носкова [Носкова, 2016], особенностью содержания информационной компетентности бакалавров технического профиля является наличие

специфического системного мышления при решении инженерных задач с применением профессионально-ориентированных компьютерных технологий. В своих исследованиях мы разделяем эту позицию.

Вопросам формирования профессиональной компетентности (ПК) будущих специалистов посвящены исследования В.И. Байденко, Р.В. Гуриной, И.А. Зимней, Н.В. Кузьминой, Л.В. Львова, А.К. Марковой, Н.Н. Овчинниковой и др. В.И. Байденко [2004], проанализировав многообразие интерпретаций профессиональной компетенции, определял их как связанные с предметом навыки – соответствующие методы и технические приемы, присущие различным предметным областям. Р.В. Гурина [2008] определяет ПК как системное интегративное единство когнитивной и деятельностной составляющих, личностных характеристик и опыта, обеспечивающих способность выполнять работу в соответствии с требованиями должности, выделяя при этом три ее вида: ключевые компетенции, необходимые для продуктивной профессиональной деятельности любому современному специалисту; базовые компетенции, необходимые в определенной профессиональной сфере; специальные компетенции, необходимые для решения конкретных профессиональных задач. Ключевые и базовые компетенции определяют реализацию специальных компетенций, которые, в свою очередь, обеспечивают продуктивность различных видов деятельности. Л.В. Львов [2013] рассматривает ПК как интегративное качество личности специалиста, состоящее из компетенций и включающее систему адекватных профессиональных умений, а также личностных и профессионально важных качеств. Н.Н. Овчинникова [2008] отмечает, что под ПК следует понимать деятельность специалиста в определенной отрасли производства, самостоятельно ставящего цели и профессиональные задачи, достигшего результата, соответствующего стандартам. Данной трактовки придерживаются авторы проведенного исследования.

Рассмотрению вопросов ИПК посвящены научные работы А.П. Базаевой [2005], Е.Ю. Бобковой [2008], Н.Н. Овчинниковой [2008], А.А. Диденко [2010], И.М. Истоминой [2015] и др., анализ которых позволил выделить три позиции нахождения информационной и профессиональной компоненты по отношению друг к другу.

1. Информационная и профессиональная компоненты рассматриваются как самостоятельные компетентности. При этом отмечается, что успешное овладение профессиональными компетенциями возможно только при высоком освоении информационной компетентности [Карпеченко, 2011].

2. Информационная компетенция как основа общепрофессиональной и специальной ПК современного специалиста с техническим образованием [Валева, Самойлова, 2006].

3. Информационная и профессиональная компетенции интегрируются в специфическую компетенцию, в зависимости от особенностей профессиональной деятельности. Например, для будущих специалистов сферы экономики важным направлением деятельности является целенаправленный поиск, документирование и анализ экономической информации. Главной особенностью менеджера является возможность принимать управленческие решения. Профессиональная деятельность экологов направлена на принятие мотивированных решений в эколого-природоохранной практике. Для этих специалистов в научной литературе выделяется информационно-аналитическая компетенция, рассматриваются особенности ее формирования [Красовский, 2012; Яковенко, Комов, 2016; Камаева, 2018].

Условия формирования информационно-коммуникативной компетенции рассматриваются при подготовке будущих учителей, филологов. При этом информационно-аналитическая компетенция проявляется в умении эффективного поиска, сбора, аналитико-синтетической переработки, трансляции информации в ходе профессиональной коммуникации [Круглякова, 2015], в умении взаимодействовать с коллегами или окружающими [Клименко, 2015].

При подготовке бакалавра инженерной направленности вводится понятие информационно-технической компетентности, которая характеризуется как способность и готовность применять современные информационные технологии для решения инженерных задач, связанных с расчётом, исследованием и проектированием технических систем [Носкова, 2020].

Кроме названных в научной литературе рассматриваются и такие компетентности, как информационно-коммуникационная [Панкова, 2013; Петров, Сабитова 2015], информационно-технологическая [Аниськин, Ярыгин, 2013], информационно-проектная [Белогуров, Артеменко, 2018], лингво-информационной [Рыбалко, 2008] и др.

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что информационно-профессиональная компетентность – это качество личности, обладающее интегративными характеристиками и являющееся важнейшей составной частью общей профессиональной компетентности специалиста. Она может быть определена как информационная компонента профессиональной компетентности, отражающая способность и готовность осуществлять информационную деятельность в рамках профессиональной деятельности инженера. Это подтверждает анализ ФГОС ВО 3++ и учебных планов направления подготовки 29.03.05. Так, универсальная компетенция УК-1 предусматривает способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач. Общепрофессиональная компетенция ОПК-5 предполагает способность понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности. Профессиональная компетенция ПК-10.1 предусматривает создание компьютерных моделей изделий легкой промышленности с использованием новых информационных технологий, ПК-10.4 – оформление законченных проектно-конструкторских работ, в том числе с использованием информационных технологий.

Таким образом, применительно к конструктору изделий легкой промышленности информационно-профессиональную компетентность можно характеризовать как динамическое личностное качество, характеризующееся освоённостью универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, включающих способность и готовность применять современные информационные технологии и автоматизированные системы для решения задач проектирования и производства изделий легкой промышленности.

Этапы формирования информационно-профессиональной компетентности

В структуре ИПК могут быть выделены следующие компоненты:

- мотивационно-личностный – непрерывное самообучение, формирование профессионально важных и личностных качеств;
- деятельностный – навыки и способы профессиональной деятельности;
- рефлексивный – способность к самоанализу, самоорганизации, саморегуляции.

Процесс формирования ИПК будущих выпускников вуза должен быть непрерывным и развивающимся по восходящей траектории. При таком подходе важным является последовательное изучение студентами всех дисциплин информационно-профессиональной направленности, предусмотренных учебным планом.

Большая часть дисциплин учебного плана, изучаемых в вузе, может быть направлена на формирование ИПК. Однако в данном исследовании рассматривались дисциплины, формирующие ИПК как составную часть профессиональной компетентности студента-конструктора. Под формированием ИПК будущих инженеров будем понимать позитивные количественные и качественные изменения в ее содержании и их систематизированное накопление, позволяющее эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

Эффективность процесса формирования ИПК будущих инженеров зависит от организации целенаправленных системных воздействий на процесс их подготовки и создание специальных педагогических условий. Для успешного формирования ИПК студента, необходимой для выполнения основных видов профессиональной деятельности будущего конструктора, нами были выделены следующие педагогические условия: индивидуализация учебно-познавательной деятельности, поэтапность и вариативность процесса формирования ИК, использование комплексных учебно-профессиональных заданий, с акцентом на их творческий характер; контроль личных достижений студента в образовательном процессе.

Для эффективной реализации комплекса педагогических условий была учтена специфика профессиональной деятельности будущего конструктора и выделены этапы формирования ИПК (см. таблицу).

Этапы формирования информационно-профессиональной компетентности
у студентов-конструкторов изделий легкой промышленности
Stages of formation of information and professional competence among
students-designers of light industry products

Этапы	Название дисциплин учебного плана	Компоненты информационно-профессиональной компетентности
1-й этап Изучение основ информатики и освоение стандартного технического и программного обеспечения (1 курс)	Информатика. Введение в направление подготовки и планирование профессиональной карьеры	Формирование компетенций: -владения терминологией, -владения стандартными средствами обработки информации, -применения технических и программных средств реализации информационных процессов, -использования системы поиска профессиональной информации в глобальных сетях, -использования мультимедийных интернет-ресурсов, -владения средствами презентационной графики
2-й этап Изучение компьютерной графики игровых систем САД-систем (2-3 курс)	Компьютерное проектирование в дизайне одежды	Формирование компетенций: -редактирования фотореалистичных изображений в растровых редакторах, - применения основных приемов создания и редактирования изображений в векторных редакторах, -выполнения абриса фигуры и костюма в среде векторной графики, -разработки и создания базовых и модельных конструкций одежды в среде графических САД-систем
3-й этап Изучение специализированных систем автоматизированного проектирования изделий легкой промышленности (4 курс)	Проектирование швейных изделий в САПР. Преддипломная практика	Формирование компетенций: -разработки пакета проектно-конструкторской документации на различные виды изделий в САПР, -использования функциональных возможностей САПР для выполнения заданий производственного характера

При выборе компонентов рассматриваемой компетентности мы исходили из принятого нами определения ИПК и требований ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 29.03.05 «Конструирование изделий легкой промышленности».

Анализ существующих подходов к изучению современных средств цифровых технологий показал, что в образовательном процессе акцент ставится на освоение конкретных графических программ и выполнение в их среде заданий профессиональной направленности. Однако, как отмечают некоторые авторы, современные программные продукты усиливают мотивационное поле, познавательную активность и могут быть использованы как средство интенсификации процесса формирования информационно-профессиональной компетентности [Позднякова, 2011; Берман, 2017; Тринитатская и др., 2019].

Для определения содержания учебных дисциплин были проанализированы особенности профессиональной деятельности конструктора в условиях цифровизации общества в целом и влияние информационных технологий и автоматизированного проектирования на содержание его профессиональной деятельности.

1-й этап формирования ИПК предполагает одновременное изучение дисциплин «Информатика» и «Введение в направление подготовки и планирование профессиональной карьеры» (в соответствии с учебным планом). На этом этапе использование информационных технологий можно рассматривать в качестве инструментов обучения, познания себя и действительности.

Студент более эффективно осваивает рабочую программу дисциплины «Информатика» выполняя практико-ориентированные задания междисциплинарного содержания. Так, освоение стандартных средств обработки информации офисного пакета приложений MicrosoftOffice осуществляется при выполнении заданий по дисциплине «Введение в направление подготовки и планирование профессиональной карьеры». Студенты получают индивидуальные задания, связанных с выполнением маркетинговых исследований потребительского рынка товаров легкой промышленности. Обработку результатов анкетирования, полученных в ходе исследований, обучающиеся выполняют с помощью MS Excel, составляя списки респондентов, выполняя необходимые расчеты с использованием встроенных статистических функций, используя графические средства построения не только двумерных диаграмм и графиков, но и многомерных изображений.

В последние годы все более востребованным способом сбора данных становится сетевое (онлайн) анкетирование. Студенты выполняют статистические исследования по профессиональным вопросам с использованием сервисов для опроса GoogleForms.

Так как в деятельности конструктора значительную роль играет художественно-творческий компонент, одним из студенческих заданий является изучение творческого наследия великих художников различных эпох, известных дизайнеров. Выполнение таких заданий осуществляется с использованием мультимедийных интернет-ресурсов. При этом студенты повышают свой уровень знаний программ и технологий для доступа к глобальным сетям: InternetExplorer, MozillaFirefox и т.п. Результаты виртуальных посещений Государственного Эрмитажа, Русского музея и других онлайн-выставок представляются в виде отчетных презентаций и слайд-шоу (MicrosoftPowerPoint).

На **2-м этапе** формирования ИПК, который длится четыре семестра, происходит глубокое изучение растровых и векторных графических редакторов, программ для 3D-моделирования. На этом этапе использование информационных технологий можно рассматривать в качестве средства творческого и технического развития обучаемого.

Обязательными для изучения являются программы специального назначения Adobe PhotoShop, Corel DRAW. Для студентов с более высоким уровнем подготовки предлагаются к изучению в качестве дополнительных программы GIMP, Illustrator. Освоение редакторов начинается с составления творческих коллажей, позволяющих интерпретировать известные стили и техники, особенно при использовании спецэффектов компьютерной графики. На

следующем уровне освоения графических редакторов студенты эскизные проекты моделей одежды, аксессуаров, обуви, добиваясь их максимальной реалистичности.

После освоения обучающимися художественно-творческого компонента деятельности конструктора начинается освоения технического компонента. Студенты изучают графические САД-системы (AutoCAD, LibreCAD, Компас). Практические задания касаются разработки базовых и модельных конструкций изделий различных ассортиментных групп. Полученные чертежи конструкций выводятся на различные печатающие устройства, что также способствует освоению студентов периферийных средств технического обеспечения автоматизированных технологий.

Студентам с более высоким уровнем подготовки предлагаются к изучению программа для 3D-моделирования Autodesk Maya, Marvelous designer. Эти редакторы способствуют развитию мыслительных способностей, объемно-пространственного воображения, повышению интереса к специальности, а, следовательно, к развитию профессиональных качеств будущего специалиста.

На **3-м этапе** формирования ИПК студенты приступают к изучению и освоению САПР, используемых в промышленном производстве изделий легкой промышленности (Eleandr CAD, Julivi и др.). На этом этапе использование информационных технологий можно рассматривать как освоение автоматизированных средств проектной деятельности конструктора.

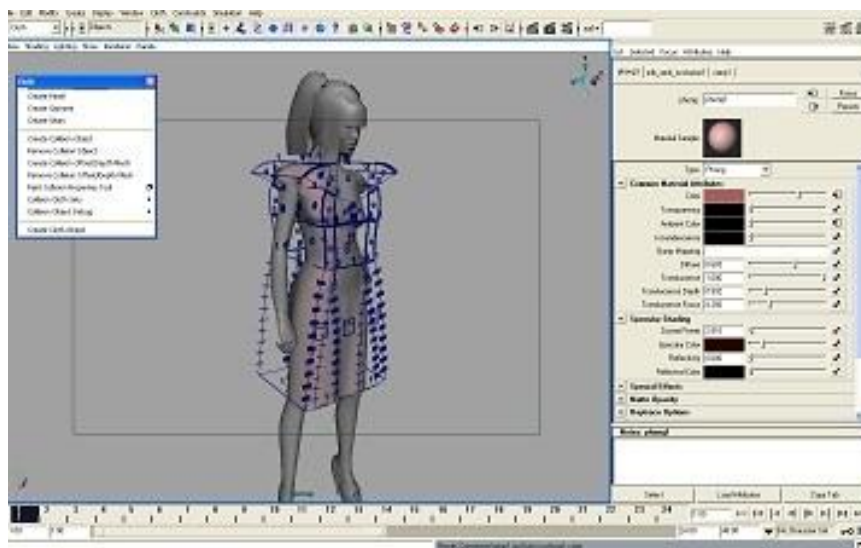
Изучение этих достаточно сложных программных продуктов студенты начинают с просмотра демонстрационных программ, предназначенных для наглядной демонстрации возможностей и основных функций учебного материала.

В этих программах реализован параметрический принцип конструирования, предусматривающий задание параметрами любых конструктивных участков и их геометрические преобразования. САПР позволяет решать все конструкторские задачи, а также некоторые задачи технологического характера и управления производством. Студент отрабатывает навыки разработки всего пакета проектно-конструкторской документации на разные виды изделий, необходимого для последующего запуска их в производство. Учебное проектирование с использованием САПР обеспечивает формирование у студентов наиболее сложных информационно-профессиональных компетенций.

Набор компетенций, отраженный для решения стоящих перед будущим конструктором изделий легкой промышленности задач, для выполнения определенной работы представляет модель компетенций, ведущую специалиста к достижению профессиональных целей.

Каждый этап формирования компетенций и ее компонентов оценивается по трехуровневой модели оценки результатов обучения, предложенной В.П. Беспалько и используемой большинством исследователей [Бучельников, 2009]. Мы выделяем низкий (пороговый), средний (продвинутый) и высокий (творческий) уровни сформированности ИПК. В качестве средств автоматизации процессов контроля уровня сформированности того или иного компонента ИПК используются различные виды компьютерного тестирования, в том числе в системе Moodle.

Актуальной инновационной технологией оценивания качества подготовки студентов и уровня сформированности компетенций является портфолио [Мирошникова, 2016; Зеер, Степанова, 2018; Казакова, Тарханова, 2018; Никуличева и др., 2018]. В разделе профессиональных достижений выпускники представляют реальные проектные, творческие и технические работы, выполненные с использованием современных графических редакторов и САПР. Фрагмент студенческой работы из портфолио, выполненной в программе для 3D-моделирования Autodesk Maya, отражает проектирование женского платья в программе для 3D-моделирования Autodesk Maya: а) генерирование поверхности платья б) трехмерный манекен в проектируемом платье (см. рисунок).

а)

б)

Проектирование женского платья в программе для 3D-моделирования Autodesk Maya:
а) генерирование поверхности платья б) трехмерный манекен в проектируемом платье
Designing a female dress in Autodesk Maya 3D modeling software: a) generating the surface of the dress
b) a 3D mannequin in the designed dress

Представленные во время защиты выпускной квалификационной работы портфолио позволяют объективнее оценить практическую подготовленность выпускника к производственной деятельности, подтверждают его способность решать профессиональные задачи с использованием современных цифровых технологий, а следовательно, демонстрируют уровень сформированности информационно-профессиональной компетентности.

Заключение

Таким образом, формирование информационно-профессиональной компетентности студентов по направлению подготовки 29.03.05 «Конструирование изделий легкой промышленности» обусловлено объективным требованием компетентностного подхода в образовании. Актуализация такого подхода вызвана целым рядом факторов. Среди них многократное увеличение информационного потока, информационное и коммуникационное насыщение пространства, активное внедрение в сферу производства цифровых технологий, включая и использование на производственных предприятиях искусственного интеллекта.

В ходе исследования предложен комплекс педагогических условий формирования информационно-профессиональной компетентности у студентов. С учетом специфики профессиональной деятельности будущего конструктора выделены этапы формирования ИПК.

Результаты работы показали, что повышение эффективности формирования информационно-профессиональной компетентности в рамках отдельных дисциплин противоречит самой сущности компетентностного подхода и может быть успешно осуществлено лишь на уровне междисциплинарных связей. Кроме того, организация учебного процесса, основанная на учете и освоении реальных видов производственной деятельности конструктора, также повышает эффективность освоения ИПК. При этом

постепенное усложнение заданий, от учебных до учебно-производственных, способствует более глубокому осмыслению студентами будущей деятельности и приобретению информационно-профессиональной компетентности высокого уровня.

В связи с ростом требований к специалистам цифровой экономики будут постоянно возрастать и требования к организации процесса их подготовки. Поэтому поиск путей повышения эффективности процесса формирования информационно-профессиональной компетентности студента является актуальным и перспективным направлением научно-педагогических исследований.

Список литературы

- Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Утятина К.Е., Левен Е.И. 2020. Цифровые технологии в промышленности и ИТ-отрасли. URL: <https://issek.hse.ru/news/368076191.html> (дата обращения: 30.06.2023).
- Аниськин В.Н., Ярыгин А.Н. 2013. Информационно-технологическая компетентность личности как цель и ценность современного высшего образования. *Вектор науки Тольятинского государственного университета*, 1(23): 298–301.
- Базаева А.П. 2005. Формирование информационно-профессиональной компетентности будущего учителя средствами информационных технологий библиотеки: автореф. дис. ... канд. пед.наук. Челябинск, 18 с.
- Байденко В.И. 2004. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода). *Высшее образование в России*, 11: 3–13.
- Белогуров С.В., Артеменко Н.А. 2018. Дидактические условия формирования информационно-проектной компетентности будущих инженеров в техническом вузе. Тамбов, Консалтинговая компания Юком, 88 с. DOI: [10.17117/mon.2018.01.01](https://doi.org/10.17117/mon.2018.01.01)
- Берман Н.Д. 2017. Формирование информационной компетенции студентов. *Современные исследования социальных проблем*, 2–2 (8): 28–34. DOI: [10.12731/2218-7405-2017-2-2-28-34](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-2-28-34)
- Бобкова Е.Ю. 2008. Формирование информационно-профессиональной компетентности будущих маркетологов: автореф. дис. ... канд. пед.наук. Великий Новгород, 24 с.
- Бучельников В.В. 2009. Развитие информационной компетентности преподавателя гуманитарных дисциплин в контексте компетентностного подхода. *Современные наукоемкие технологии*, 10: 91–92.
- Валеева Н.Ш., Самойлова Н.И. 2006. Информационная компетенция как основа профессиональной компетентности современного инженера. *Вестник Казанского технологического университета*, 2: 295–300.
- Вязанкова В.В., Медведев А.М. 2017. Дидактическое сопровождение формирования информационной компетентности бакалавров технических направлений подготовки. *Научные труды Кубанского государственного технологического университета*, 3: 294–304.
- Гурина Р.В. 2008. Как измерить профессиональную компетентность? *Высшее образование в России*, 10: 82–89.
- Диденко А.А. 2010. Формирование информационно-профессиональной компетентности. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3(42): 21–24.
- Завьялов А.Н. 2005. Формирование информационной компетентности студентов в области компьютерных технологий (на примере среднего профессионального образования): автореф. дис. ... канд. пед.наук. Тюмень, 24 с.
- Зеер Э.Ф., Степанова Л.Н. 2018. Портфолио как инструментальное средство самооценивания учебно-профессиональных достижений студентов. *Образование и наука*, 20(6): 139–157. DOI: [10.17853/1994-5639-2018-6-139-157](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-6-139-157)
- Ионова О.Н. 2006. Информационная компетентность взрослых в контексте дополнительного образования. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, 39: 84–85.
- Истомина И.М. 2015. Формирование информационно-профессиональной компетентности будущих бакалавров в условиях технического вуза: автореф. дис. ... канд. пед.наук. Махачкала, 23 с.

- Казакова Е.И., Тарханова И.Ю. 2018. Оценка универсальных компетенций студентов при освоении образовательных программ. *Ярославский педагогический вестник*, 5: 127–135. DOI: [10.24411/1813-145X-2018-10164](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10164)
- Камаева Т.С. 2018. Формирование у будущих экономистов среднего звена навыков владения методами, способами и инструментальными средствами обращения с экономической информацией. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 2: 79–90. DOI: [10.25588/CSPU.2018.02.08](https://doi.org/10.25588/CSPU.2018.02.08)
- Карпеченко А.С. 2011. Информационная компетентность как базовая составляющая профессиональной компетентности. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, 21-2: 149–155.
- Корнилова Н.Л., Салкуцан С.В., Болсуновская М.В., Горелова А.Е., Васильев Д.А. 2018. Отдельные аспекты рпм-систем для создания цифровых фабрик в швейной промышленности. Известия высших учебных заведений. *Технология текстильной промышленности*, 4(376): 103–106.
- Клименко Е.И. 2015. Информационно-коммуникативная компетенция — ключевое понятие современного образования. *Молодой ученый*, 22-9(102): 816–818.
- Красовский Р.М. 2012. Информационно-аналитическая компетентность как компонент профессиональной подготовленности менеджер. *Ярославский педагогический вестник*, 2(2): 193–198.
- Круглякова Г.В. 2015. Формирование информационно-коммуникативной компетенции студентов посредством организации совместной учебной деятельности. *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*, 2(18): 122–129.
- Львов Л.В. 2013. Образовательно-профессиональные среда и пространство: теоретические основы проектирования. В кн.: Личность в профессионально-образовательном пространстве. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 21 ноября 2013 г. Под ред. Д.П. Заводчикова. Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет: 77–81.
- Маслов Е.А., Хамина А.А. 2016. Внедрение современных технологий виртуальной и дополненной реальности в креативные индустрии: тенденции и проблемы. *Гуманитарная информатика*, 10: 35–46. DOI: [10.17223/23046082/10/4](https://doi.org/10.17223/23046082/10/4)
- Мирошникова В.М. 2016. Портфолио выпускника-дизайнера как форма успешной самопрезентации. *Мир науки*, 4(5): 60.
- Морковина Э.Ф. 2005. Развитие информационной компетентности студента в образовательном пространстве: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 22 с.
- Никульчева О.С., Тихомиров С.Г., Хаустов И.А., Назина Л.И. 2018. Оценка компетентности и готовности выпускников для решения задач профессиональной деятельности. *Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского*, 3(69): 155–165. DOI: [10.17277/voprosy.2018.03](https://doi.org/10.17277/voprosy.2018.03)
- Носкова О.Е. 2016. Прикладные программные продукты как средство формирования информационной компетентности бакалавров направления Агроинженерия при изучении общетехнических дисциплин. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*, 4 (38): 65–70.
- Носкова О.Е. 2020. Структурно-содержательная модель информационно-технической компетентности бакалавра-агроинженера. *Информатика и образование*, 6(315): 44–51. DOI: [10.32517/0234-0453-2020-35-6-44-51](https://doi.org/10.32517/0234-0453-2020-35-6-44-51)
- Овчинникова Н.Н. 2008. Состояние проблемы формирования информационно-профессиональной компетентности будущих инженеров. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура*, 29 (129): 139–144.
- Панкова Т.В. 2013. Сущность, содержание и структура информационно-коммуникационной компетентности студента вуза. Научно-методический электронный журнал «Концепт», Т. 3: 3091–3095.
- Петров П.К., Сабитова Н.Г. 2015. Модель формирования информационно-коммуникативных компетенций у студентов бакалавриата вуза. *Современные проблемы науки и образования*, 2–1: 454.
- Позднякова Т.Ю. 2011. Педагогические условия эффективной подготовки студентов дизайнеров в области компьютерной графики. *Омский научный вестник*, 5 (101): 206–209.

- Рыбалко Т.Г. 2008. Формирование лингво-информационной компетентности как лингвообразовательная инновация. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6: 11–18.
- Табачук Н.П., Малыгина О.А. 2021. Информационная компетенция студентов ВУЗА: исторические аспекты и современные тенденции развития. *Современные проблемы науки и образования*, 2. DOI: [10.17513/spno.30550](https://doi.org/10.17513/spno.30550)
- Тринитатская О.Г., Захарова Л.Г., Терещенко О.Ю. 2019. Современные информационные технологии как средство развития профессиональной компетентности педагогических кадров в системе непрерывного образования. *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(1): 50.
- Яковенко Н.В., Комов И.В. 2016. Информационно-аналитическая компетентность как профессиональный компонент подготовки экологов-инженеров в условиях педагогического вуза. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*, 1: 75–79.

References

- Abdrakhmanova G.I., Vishnevskiy K.O., Utyatina K.E., Leven E.I. 2020. Tsifrovye tekhnologii v promyshlennosti i IT-otrasli [Digital technologies in industry and the IT industry]. [URL: https://issek.hse.ru/news/368076191.html](https://issek.hse.ru/news/368076191.html) (accessed: 30 June 2023).
- Anis'kin V.N., Yarygin A.N. 2013. Information technology competence of the individual as the purpose and value of modern higher vocational education. *Science Vector of Togliatti State University*, 1(23): 298–301 (in Russia).
- Bazaeva A.P. 2005. Formirovanie informatsionno-professional'noy kompetentnosti budushchego uchitelya sredstvami informatsionnykh tekhnologiy biblioteki [Formation of information and professional competence of the future teacher using library information technologies]: autoref. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Chelyabinsk, 18 p.
- Baydenko V.I. 2004. Kompetentsii v professional'nom obrazovanii (k osvoeniyu kompetentnostnogo podkhoda) [Competencies in vocational education (towards the development of a competency-based approach)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 11: 3–13.
- Belogurov S.V., Artemenko N.A. 2018. Didakticheskie usloviya formirovaniya informatsionno-proektnoy kompetentnosti budushchikh inzhenerov v tekhnicheskoy vuzе [Didactic conditions for the formation of information and design competence of future engineers in a technical university]. Tambov, Publ. Konsaltingovaya kompaniya Yukom, 88 p. DOI: [10.17117/mon.2018.01.01](https://doi.org/10.17117/mon.2018.01.01)
- Berman N.D. 2017. Formation of information competence of students. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2-2(8): 28–34 (in Russia). DOI: [10.12731/2218-7405-2017-2-2-28-34](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-2-28-34)
- Bobkova E.Yu. 2008. Formirovanie informatsionno-professional'noy kompetentnosti budushchikh marketologov [Formation of information and professional competence of future marketers]: autoref. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Velikiy Novgorod, 24 p.
- Buchel'nikov V.V. 2009. Razvitie informatsionnoy kompetentnosti prepodavatelya gumanitarnykh distsiplin v kontekste kompetentnostnogo podkhoda [Development of information competence of a teacher of humanities in the context of a competency-based approach]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 10: 91–92.
- Vyazankova V.V., Medvedev A.M. 2017. Didakticheskoe soprovozhdenie formirovaniya infor-matsionnoy kompetentnosti bakalavrov tekhnicheskikh napravleniy podgotovki [Didactic support for the formation of information competence of bachelors of technical areas of training]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 3: 294–304.
- Valeeva N.Sh., Samoylova N.I. 2006. Informatsionnaya kompetentsiya kak osnova professional'noy kompetentnosti sovremennogo inzhenera [Information Competence as a Basis for the Professional Competence of a Modern Engineer]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2: 295–300.
- Gurina R.V. 2008. Kak izmerit' professional'nuyu kompetentnost' [How to measure professional competence]? *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 10: 82–89.
- Didenko A.A. 2010. Formirovanie informatsionno-professional'noy kompetentnosti [Formation of information and professional competence]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 3(42): 21–24.
- Zav'yalov A.N. 2005. Formirovanie informatsionnoy kompetentnosti studentov v oblasti komp'yuternykh tekhnologiy (na primere srednego professional'nogo obrazovaniya) [Formirovanie informatsionnoy

- kompetentnosti studentov v oblasti komp'yuternykh tekhnologiy (na primere srednego professional'nogo obrazovaniya): autoref. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Tyumen, 24 p.
- Zeer E.F., Stepanova L.N. 2018. Portfolio as an instrumental means of self-evaluation of educational and professional achievements of students. *The Education and Science Journal*, 20(6): 139–157 (in Russia). DOI: [10.17853/1994-5639-2018-6-139-157](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-6-139-157)
- Ionova O.N. 2006. Informatsionnaya kompetentnost' vzroslykh v kontekste dopolnitel'nogo obrazovaniya [Information competence of adults in the context of additional education]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 39: 84–85
- Istomina I.M. 2015. Formirovanie informatsionno-professional'noy kompetentnosti budushchikh bakalavrov v usloviyakh tekhnicheskogo vuza. [Formation of information and professional competence of future bachelors in a technical university]: autoref. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Makhachkala, 23 p.
- Kazakova E.I., Tarkhanova I.Yu. 2018. Assessment of students' universal competences when mastering educational programs. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 5: 127–135 (in Russia). DOI: [10.24411/1813-145X-2018-10164](https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10164)
- Kamaeva T.S. 2018. Developing future middle-ranking economists' skills of mastering methods and tools of handling economic information. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2: 79–90 (in Russia). DOI: [10.25588/CSPU.2018.02.08](https://doi.org/10.25588/CSPU.2018.02.08)
- Karpechenko A.S. 2011. Informatsionnaya kompetentnost' kak bazovaya sostavlyayushchaya professional'noy kompetentnosti [Information competence as a basic component of professional competence]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, 21-2: 149–155.
- Kornilova N.L., Salkutsan S.V., Bolsunovskaya M.V., Gorelova A.E., Vasil'ev D.A. 2018. Some aspects of plm-systems for creating digital factories in the garment industry. Proceedings of higher education institutions. *Textile industry technology*, 4(376): 103–106.
- Klimenko E.I. 2015. Informatsionno-kommunikativnaya kompetentsiya – klyuchevoe ponyatie sovremennogo obrazovaniya [Information and communication competence is a key concept of modern education]. *Young Scientist*, 22-9(102): 816–818.
- Kuz'mina N.V., Pautova L.E., Zharinova E.N. 2020. Akmeologicheskie osnovy formirovaniya professional'noy kompetentnosti prepodavatelya [Acmeological foundations for the formation of professional competence of a teacher]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, 9(1): 4–12. DOI: [10.18500/2304-9790-2020-9-1-4-12](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-1-4-12)
- Krasovskiy R.M. 2012. Information and analytical competence as a component of the manager's professional readiness. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2(2): 193–198 (in Russia).
- Kruglyakova G.V. 2015. Formation of information and communicative competence of students by means of co-operative training activity. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2(18): 122–129.
- L'vov L.V. 2013. Obrazovatel'no-professional'nye sreda i prostranstvo: teoreticheskie osnovy proektirovaniya [Educational and professional environment and space: theoretical foundations of design]. In: *Lichnost' v professional'no-obrazovatel'nom prostranstve* [Personality in the professional and educational space]. Proceedings of the XII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Yekaterinburg, November 21, 2013. Ed. D.P. Zavodchikov. Ekaterinburg, Publ. Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet: 77–81.
- Maslov E.A., Khaminova A.A. 2016. Implementation of new technologies of virtual and augmented reality in the creative industries: trends and problems. *Humanitarian Informatics*, 10: 35–46 (in Russia). DOI: [10.17223/23046082/10/4](https://doi.org/10.17223/23046082/10/4)
- Miroshnikova V.M. 2016. Portfolio graduate designer as a form of self-successful. *Mir nauki*, 4(5): 60.
- Morkovina, E.F. 2005. Razvitie informatsionnoy kompetentnosti studenta v obrazovatel'nom prostranstve [Development of student information competence in the educational space]: autoref. dis. ... candidate of pedagogical sciences. Orenburg, 22 p.
- Nikul'cheva O.S., Tikhomirov S.G., Khaustov I.A., Nazina L.I. 2018. Assessment of Competence and Readiness of Graduates to Solve Professional Problems. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*, 3(69): 155–165. DOI: [10.17277/voprosy.2018.03](https://doi.org/10.17277/voprosy.2018.03)
- Noskova O.E. 2016. Application software programs as formation tools of the information competence of bachelors majored in agri-engineering while studying general technical disciplines. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 4(38): 65–70 (in Russia).

- Noskova O.E. 2020. Structural and content model of information and technical competence of the bachelor – agricultural engineer. *Informatics and education*, 6(315): 44–51 (in Russia). DOI: [10.32517/0234-0453-2020-35-6-44-51](https://doi.org/10.32517/0234-0453-2020-35-6-44-51)
- Ovchinnikova N.N. 2008. The status of the problem of formation information-professional competence of prospective engineers. *Bulletin of the South Ural state university. Series: Education, healthcare service, physical education*, 29(129): 139–144 (in Russia).
- Pankova T.V. 2013. Sushchnost', sodержanie i struktura informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti studenta vuza [Essence, content and structure of information and communication competence of a university student.]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, 3: 3091–3095.
- Petrov P.K. Sabitova N.G. 2015. Model of formation of information and communication competence at undergraduate university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2–1: 454.
- Pozdnyakova T.Yu. 2011. The pedagogical conditions of effective training of student of art design specializing in the sphere of computer graphics. *Omsk Scientific Bulletin*, 5(101): 206–209 (in Russia).
- Rybalko T.G. 2008. The development of linguistic and information competence as a linguistic and educational innovation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6: 11–18 (in Russia).
- Trinitatskaya O.G., Zakharova L.G., Tereshchenko O.Yu. 2019. Modern information technologies as a means of developing professional competence of pedagogical personnel in the system of continuous education. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 7(1): 50 (in Russia).
- Yakovenko N.V., Komov I.V. 2016. Informational and analytical competence as a part of professional education for environmental engineers in educational institutes. *Proceedings of voronezh state university. Series: Geography. Geoecology*, 1: 75–79.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.06.2023

Received June 21, 2023

Поступила после рецензирования 21.08.2023

Revised August 21, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ноздрачева Татьяна Михайловна, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры дизайна и индустрии моды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

Tatyana M. Nozdracheva, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Design and Fashion Industry, Southwestern State University, Kursk, Russia.

Щеглова Татьяна Михайловна, кандидат педагогических наук, преподаватель отделения дизайна и сферы услуг, Старооскольский техникум технологий и дизайна, г. Старый Оскол, Россия.

Tatyana M. Shcheglova, Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer at the Department of Design and Services, Starooskol College of Technology and Design, Stary Oskol, Russia.

УДК 371.113
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-474-485

Проблемы подготовки членов школьных управляющих советов

Шкуров А.Ю.

Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева,
Россия, 430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А
achkurov@list.ru

Аннотация. Механизмы реализации модели государственно-общественного управления образовательными организациями активно интересуют российскую научно-педагогическую общественность последнее десятилетие. Структурным элементом этой модели является управляющий совет образовательной организации. Цель работы: выявить теоретические и практические проблемы подготовки членов управляющего совета школы для повышения качества функционирования этой важной структуры государственно-общественного управления образованием. На основе анализа уставов школ и других локальных актов рассматриваются правила создания, структура, функции, состав управляющих советов. Экспертный опрос и анкетирование показали проблему недостаточного уровня подготовки и мотивированности к деятельности членов управляющих советов. Результатом исследования стал вариант программы и формы организации повышения квалификации членов управляющих советов.

Ключевые слова: государственно-общественное управление, управление образованием, школьное самоуправление, управляющий совет школы, повышение квалификации, мотивация

Для цитирования: Шкуров А.Ю. 2023. Проблемы подготовки членов школьных управляющих советов. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 474–485. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-474-485

The School Governing Council's Members Training' Problems

Alexey Y. Shkurov

Evseviev Mordovian State Pedagogical University
11A Studentskaya St, Saransk, Republic of Mordovia 430007, Russia
achkurov@list.ru

Abstract. The mechanisms of implementation of the model of state-public management of educational organizations are interested for Russian scientists all last decade. The structural element of this model is the governing council of an educational organization. Based on the analysis of school charters and other local acts, the rules of creation, structure, functions, and composition of Governing Councils are considered. An expert survey and a questionnaire revealed the problem of a low level of training and motivation for the activities of members of the governing boards. A variant of the program and the form of organization of professional development of members of the governing councils is proposed.

Keywords: public administration of education, school self-government, governing council, professional development, motivation

For citation: Shkurov A.Yu. 2023. The School Governing Council's Members Training' Problems. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 474–485 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-474-485

Введение

Социальная активность гражданского общества – положительная тенденция современной России. Увеличение влияния роли и веса представителей общественности в регулировании и разрешении проблем образования, начиная от качества питания в школьной столовой и до утверждения программы развития школы, становится положительной тенденцией последнего десятилетия: отношения государства и общества продолжают меняться. Принципы государственно-общественного управления сформулированы федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ (ст. 89 «Управление образованием») ¹. Само понятие государственно-общественного управления образованием в нём рассматривается в качестве особого типа государственно-общественного взаимодействия, который сочетает деятельность самих работников образовательного учреждения, обучающихся, их родителей либо законных представителей, а также общественности. Эта идея реализуется в системе отечественного образования более 10 лет. Хотя исторически это не абсолютно новое явление, так как в XIX – начале XX века в Российской империи существовали попечительские советы при гимназиях и реальных училищах, епархиальные училищные советы, занимавшиеся выделением стипендий лучшим ученикам, проблемами поддержки педагогов, то есть больше благотворительностью, – оказать серьёзное влияние на государственную образовательную политику: например, предложить ввести новую учебную дисциплину попечительским советом, было практически невозможно [Реморенко, 2018]. В научных статьях последних лет широко цитируется фраза П.Ф. Каптерева ², понимавшего отсутствие нужных полномочий у общества. Он писал о «физическом присутствии» государства в системе образования, поэтому об автономии и самоуправлении в школе, сторонником которой был П.Ф. Каптерев, речи идти не могло.

Сегодня вновь есть потребность в углублении процессов самоуправления в образовательных учреждениях, что обусловлено и государственной образовательной политикой, и социальным запросом. Усиление интереса к государственно-общественному управлению школой определяется общим процессом совершенствования как российского образования, так и системы непрерывного образования, что приводит к возникновению государственно-общественных структур, или государственно-общественного управления образованием (далее ГОУО) [Шкуров, 2023а]. Структуры ГОУО могут помочь принять быстрые и оптимальные решения. В общеобразовательной школе к таким структурам можно отнести профессиональное сообщество, ученическую самоорганизацию, которые считаются внутренними компонентами ГОУО. К внешним авторам относят родителей, членов общественных организаций, объединения бывших учеников школы, предпринимателей, различные фонды. Новую функцию в структуре ГОУО выполняют управляющие советы школ, так как они получают довольно широкие полномочия по уставу школы, а их состав может быть очень разным по уровню готовности к участию в управлении.

Тема государственно-общественного управления образованием активно обсуждалась последние десятилетия в иностранных научных публикациях. В зарубежной системе школьного управления всегда учитывалось влияние общественных организаций, инициативных родителей, различных объединений и фондов в управлении школой [Gamage, 1993; Martin et al., 2000; Gobby, Niesche, 2019; Leechman, 2019]. В 2013–2014 годах

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 2012. Принят Государственной Думой 21.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Одобрен Советом Федерации 26.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 26.07.2023)

² Каптерев П.Ф. 1982. Избранные педагогические сочинения. Под ред. А.М. Арсеньева. Москва, Педагогика, 704 с.

в европейских странах реализовывалась программа New Public Management (NPM) для улучшения качества школьного управления, чему посвящены статьи этого периода [Hangartner, Svaton, 2013; Møller, Skedsmo, 2013]. Модернизация школьного образования и роль школьных советов рассматривается в статье и монографии Эндрю Уилкинсона [Wilkins, 2015; Wilkins, 2016]. Автором отмечалась необходимость экспертного, то есть высококвалифицированного урегулирования вопросов управления школьным образованием, что достигается только за счёт специальной подготовки членов School Councils (школьных управляющих советов). В последние годы особую роль отводят родителям и их влиянию на школьное управление через школьные советы [Gerrard, Savage, 2022; Wei, Ni, 2023]. Многие зарубежные авторы исследуют весьма спорную роль участия школьников в управлении через School Councils и даже с юмором задают риторический вопрос: реальное влияние школьников на принятие решений – «миссия невыполнима»? [Leung et al., 2014; Cheng et al., 2020; Yuen et al., 2020].

В России много теоретических и практикоориентированных работ опубликовано в период с 2010 по 2015 год: это пособие московских специалистов по ГОУО в формате катехизиса [Косарецкий и др., 2015], интересная коллективная монография «Государственно-общественное управление, оценка деятельности школы – инновационные ресурсы развития системы образования» [Гришина и др., 2011], методические рекомендации по организации ГОУО в регионах¹. Другие исследования этого периода анализировали различные стороны реформы государственно-общественного управления школой [Фиофанова, Шимутина, 2015а; Сеппянен, 2016], а также промежуточные результаты [Фиофанова, Шимутина, 2015б]. Совсем немного научных работ по такой структуре ГОУО, как управляющий совет [Седельников, 2008; Загладина, 2021]. И хотя за последние 2–3 года количество научных публикаций по теме ГОУО выросло [Загладина, 2021; Рубцова и др., 2022; Салаватова, 2022], однако практических рекомендаций в подобных публикациях недостаточно, на наш взгляд.

Активность общества, желание реально участвовать в принятии решений, касающихся школьной жизни, и одновременно не всегда высокая управленческая компетентность членов управляющих советов компрометируют саму идею ГОУО.

Цель работы – выявить теоретические и практические проблемы функционирования такой важной структуры ГОУО, как управляющий совет школы, и предложить возможные варианты решения.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является процесс управления общеобразовательным учреждением. Предметом исследования стала подготовка членов управляющего совета школы. Основная идея исследования состоит в том, что эффективность ГОУО и конкретно деятельность управляющих советов в школе зависит от качества и уровня подготовки членов управляющего совета, их мотивированности к работе. Повысить уровень этой подготовки можно с помощью организации блочно-модульных программ подготовки членов управляющих советов в форме дистанционных курсов повышения квалификации. При проведении исследования использованы следующие методы: теоретические (анализ ключевых понятий; анализ нормативно-правовых документов, научно-педагогической литературы; анализ и обобщение педагогического опыта); эмпирические (анкетирование, метод экспертных оценок).

¹ Методические рекомендации по развитию государственно-общественного управления образованием в субъектах Российской Федерации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, и органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования Приложение к письму Минобрнауки России от 22.10.2015 N 08-1729 "О направлении методических рекомендаций". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188491/07a74ca736245ec02f39ea6146fc39fbc906f6d5/ (дата обращения: 27.07.2023).

В качестве источников базу исследования составили: федеральные и региональные законодательные, нормативно-правовые документы в области образования, в том числе уставы общеобразовательных школ и Положения об управляющем совете.

Достоверность результатов исследования обеспечена методологической обоснованностью исходных позиций; использованием комплекса теоретических и эмпирических методов, соответствующих предмету и задачам исследования; соблюдением норм и требований к проведению педагогических исследований; сочетанием количественного и качественного анализа данных, полученных в ходе изучения деятельности управляющих советов в практике ГОУО.

Результаты и их обсуждение

Закон «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция)¹ указывает, что управление образовательной организацией осуществляется на основе сочетания принципов единоначалия и коллегиальности (ч. 2, ст. 26). Органы школьного самоуправления закон определяет как коллегиальные органы управления.

В законе № 273-ФЗ также указывается, что управляющий совет – не обязательная структура, а создаётся на основании устава школы. Если общее собрание (конференция) педагогических работников либо педагогический совет являются обязательными структурами, то управляющий совет создается в соответствии с уставом школы (ч. 4, ст. 26). Все вопросы создания и деятельности коллегиальных органов управления определяются уставом школы. Поэтому большинство школьных уставов было отредактировано в последние 3–5 лет – вносились изменения, связанные с появлением структур ГОУО.

Особое внимание уделим функциям управляющих советов в школах. История управляющих советов России начинается в 2003–2004 годах. Этот процесс проходил и в Пензенской области, где всегда была развита инновационная деятельность в образовании и были школы со статусом федеральной инновационной площадки. В 2007 году был разработан Закон Пензенской области «О государственном-общественном управлении в системе общего образования Пензенской области»². В ст. 3 давалось определение управляющего совета общеобразовательного учреждения – это «коллегиальный орган, состоящий из избранных, назначенных членов и имеющий управленческие полномочия по решению и согласованию значимых вопросов функционирования и развития образовательного учреждения».

Кто входит в управляющий совет школы и в чём заключаются его функции? Главное отличие управляющего совета от других органов самоуправления в том, что его решения по вопросам, отнесенным к его ведению уставом образовательной организации, носят обязательный характер. Цель создания управляющих советов в школах – привлечение к стратегическому управлению школой как можно больше заинтересованных людей. Это активные родители и учителя, школьники разных возрастов, а также общественность.

Так, при анализе типовых уставов общеобразовательных школ г. Пензы отметим, что в них декларируется управление школой в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, правовыми актами Пензенской области, муниципальными правовыми актами и уставом конкретного образовательного учреждения. Управление любой образовательной организацией осуществляется на принципах единоначалия и коллегиальности. К коллегиальным органам управления школой текст устава относит

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 2012. Принят Государственной Думой 21.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Одобрен Советом Федерации 26.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 26.07.2023)

² Закон Пензенской области «О государственном-общественном управлении в системе общего образования Пензенской области» от 4 сентября 2007 г. №1351-ЗПО. 2007. Принят Законодательным Собранием Пензенской области 31.08.2007. URL: <https://www.zspo.ru/legislative/acts/4107/> (дата обращения: 28.07.2023)

общее собрание работников школы, педагогический совет, а также управляющий совет. Устав отмечает, что в школе могут создаваться и действовать другие органы управления и самоуправления, и порядок их формирования, компетенция и порядок организации деятельности определяются соответствующими положениями.

В системе общего образования г. Пензы управляющие советы стали возникать с 2009 года, но в основном – последние пять лет. Устав характеризует управляющий совет как представительный коллегиальный орган ГОУО, который призван решать вопросы функционирования и развития школы, а также учитывать мнения обучающихся, родителей и работников педколлектива по основным вопросам, связанным с управлением школой. Также члены управляющего совета в соответствии с уставом получают право на высказывание мнения по локальным нормативным актам, которые затрагивают их права и законные интересы.

Более глубоким этапом включения управляющего совета в систему управления школой является придание ему полномочий органа планирования и реализации стратегии. Можно рекомендовать перенимать опыт работы успешно и давно работающих управляющих советов, а также обучать новых членов управляющих советов необходимым знаниям [Бычков, Положенцева, 2015].

На сегодняшний момент предпринят ряд попыток разработать циклограмму деятельности управляющего совета школы [Шишов, 2016]. Её анализ ещё раз показывает сложность вопросов, которыми должны заниматься члены совета – не профессиональные управленцы, а «волонтеры», различающиеся по профилю образования, по возрасту и просто жизненному опыту [Шимутина, 2012].

Мы считаем, что для эффективного участия в процессе государственно-общественного управления школой члены управляющего совета должны обладать как определенными профессиональными сведениями в управленческой сфере (знание законодательства, основ образовательного менеджмента, основ экономики и др.), так и ценностно-личностными качествами (умением работать в команде, активностью, дисциплинированностью, высокой мотивацией к данному виду деятельности). Это необходимо учесть при организации управляющего совета, так как его численность в среднем может достигать 10–17 человек.

Для подтверждения этой гипотезы в течение 2022–2023 учебного года была изучена работа школьных управляющих советов г. Пензы, проведены экспертные опросы среди директоров школ, специалистов городского Управления образования и анкетирование среди различных групп членов управляющих советов (педагоги, родители, учащиеся). Результаты опросов и анкет представлены далее.

С целью выявления проблем функционирования вновь создающихся и уже работающих управляющих советов был проведен опрос в форме формализованного интервью среди директоров школ Пензы (опрашивались очно, всего 10 чел.). Стаж работы руководителем у опрошенных от 5 лет (3 чел.) до 12 лет (7 чел.). Управляющий совет школы создан и функционирует в этих школах не менее двух лет (от 2 до 8 лет). По результатам опроса в пользу создания управляющего совета школы высказались все опрошенные. Однако вопрос «Насколько эффективны заседания управляющего совета школы в полном составе» разделил мнение. Большинство директоров школ (8 человек, 80 %) отметили, что на практике часто возникают вопросы, требующие оперативного решения либо постоянных обсуждений и консультаций специалистов. На вопрос «Как решается эта проблема?» опрошенные ответили, что в большинстве школ (9 человек, 90 %) принято «Положение о комиссиях и комитетах управляющего совета образовательной организации»; для оптимизации работы управляющего совета из его членов создаются рабочие группы, комитеты либо комиссии по конкретной проблеме. Вопрос «Насколько соответствует профессиональная и личностная подготовка членов управляющего совета решению вопросов, которые возникали в течение последнего учебного года?» получил однозначный

ответ: 100 % опрошенных заявили о потенциальной возможности улучшить работу управляющего совета за счет целенаправленной подготовки его членов после избрания в состав совета.

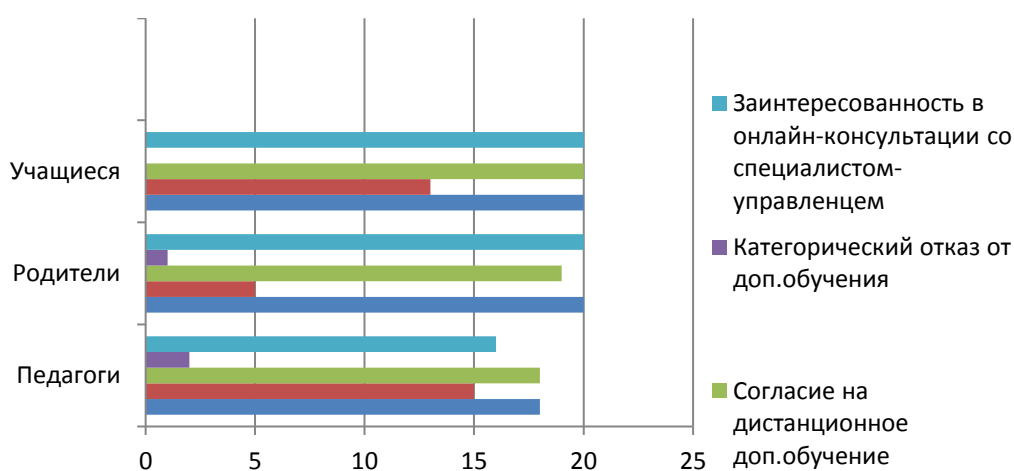
Все руководители образовательных учреждений критикуют (особенно в 1-й год создания управляющего совета в школе) недостаточную компетентность членов совета по ряду обсуждаемых проблем, чрезмерную эмоциональность заседаний совета и даже недисциплинированность некоторых взрослых членов совета, отказывающихся после избрания посещать заседания управляющего совета, ссылаясь на занятость. На вопрос: «Нужны ли специальные курсы по подготовке членов управляющих советов и кто их должен организовать?» все 10 директоров высказались положительно, отметив, что лучшей формой занятий могут быть дистанционные встречи участников управляющих советов из разных школ, обмен опытом. В качестве организатора курсов они видят городское Управление образования.

В качестве экспертного мнения были учтены результаты фокусированного интервью, проведенного со специалистами Управления образования (6 человек), курирующих работу школ, где управляющие советы созданы более двух лет назад. Были заданы вопросы о работе управляющих советов в школах города, их функциях, активности членов, результативности деятельности. Все специалисты высказываются за создание этого органа самоуправления, положительно оценивают его работу в школах, где управляющие советы уже есть. Эксперты отмечали высокую активность членов управляющих советов во время общих встреч как положительный момент. Также было замечено, что в таких школах, во-первых, резко повышалась эффективность финансово-экономической деятельности организации (например, появлялись дополнительные средства на приобретение современного музыкального, спортивного оборудования), а во-вторых, действительно создавались оптимальные условия и формы организации образовательного процесса, повышался контроль соблюдения требований к условиям обучения, воспитания школьников [Асирян, Кураколов, 2021]. Среди негативных моментов эксперты отметили недостаточный уровень компетентности родителей – членов управляющих советов по ряду вопросов (эксперты объясняют это объективными факторами, например, незнанием законодательства в сфере образования), а также стремление некоторых директоров школ оказывать давление на членов управляющих советов при принятии решений. Все эксперты посчитали, что недостаточная компетентность части членов управляющих советов компенсируется высокой мотивацией. На вопрос «Нужны ли специальные курсы по подготовке членов управляющих советов и кто их должен организовать?» эксперты единогласно ответили, что курсы нужны и что они должны проводиться централизованно Министерством просвещения РФ в дистанционной форме.

Анкетирование членов управляющих советов образовательных организаций выявило следующие проблемы. С помощью анкеты были опрошены члены 10 управляющих советов, по 6 представителей из каждой школы, из них 2 педагога, 2 родителя, 2 школьника, всего 60 человек. На момент анкетирования опыт работы в совете у каждого был менее 1 года. Педагогические работники – члены школьных управляющих советов воспринимали свое избрание как дополнительную нагрузку и не были мотивированы к деятельности и проявлению новых инициатив, хотя хорошо ориентировались в проблемах школы и знали профильное законодательство. Родители, избранные в управляющий совет, жаловались на непонимание юридических формулировок в образовательном законодательстве, но были готовы обучаться, имели достаточно высокую мотивацию к участию. Также некоторые родители – члены советов отмечали авторитарное поведение директоров школы на заседаниях совета [Шкуров, 2023б]. Самыми активными и высокомотивированными членами управляющих советов оказались, согласно анкете, школьники, но они искренне признавались, что не понимают многих вопросов, обсуждаемых на заседаниях «взрослыми», и поэтому не могут высказать своё мнение [Кириленко, 2018].

На вопрос «Готовы ли Вы дополнительно обучиться, чтобы стать более квалифицированным членом управляющего совета в своем образовательном учреждении?» 78 % опрошенных (в основном родители и ученики) ответили положительно. Однако 90 % ответивших на вопросы анкеты категорично заявили, что обучение предпочтительнее организовать в дистанционном формате, что подтверждает общую тенденцию [Мукабенов, 2021]. И 100 % опрошенных высказались за возможность получить онлайн-консультацию специалиста по вопросам, рассматриваемым на управляющем совете.

На представленном рисунке видно, что большинство членов управляющих советов, отвечавших на вопросы анкеты, согласны обучаться дополнительно для повышения своих знаний и улучшения работы совета (58 из 60 опрошенных, 97,5 %). Лишь 2 человека из группы педагогов ответили категорическим отказом (2,5 %). Основная масса опрошенных во всех трех группах предпочитают дистанционный формат такого обучения и выражают желание онлайн-поддержки от специалиста-управленца.

Готовность членов управляющих советов к дополнительному обучению для повышения квалификации (по группам)
Readiness of Governing Board Members for Additional Training to Improve their Qualifications (By Groups)

Становится очевидным, что для эффективного функционирования управляющих советов в образовательных учреждениях необходима специальная подготовка их членов, и большинство из них это осознает.

Перспективным направлением, на взгляд автора, является разработка и реализация блочно-модульных программ подготовки членов управляющих советов. Практически ни в одном регионе РФ таких программ нет, и органы управления образованием могли бы взять на себя эту функцию. Образовательные программы должны включать следующие модули:

- 1) теоретическое изучение основ законодательства РФ, особенно в сфере образования;
- 2) изучение практического опыта работы управляющих советов как в своём регионе, так и за его пределами;
- 3) психологическая подготовка членов управляющих советов к работе в разновозрастном коллективе, формирование мотивации на достижение успеха.

Обучение может происходить как в виде краткосрочных курсов переподготовки специалистов, так и в рамках университетских программ по государственному управлению, как это делается в Канаде или Нидерландах, например [Алферов, 2020]. Формат дистанционного обучения вполне применим в данном случае. В ряде российских регионов есть тематические сайты по вопросам ГОУО, где описываются лучшие практики, в том числе и опыт работы управляющих советов.

Заключение

Необходимость государственно-общественного управления школой неоспорима и поддерживается всеми участниками образовательного процесса. Так, это подтверждается успешным опытом работы управляющих советов общеобразовательных школ и массовым созданием новых советов в школах в последние годы [Феклин, 2023].

На основании анализа уставов и других локальных актов образовательных учреждений, экспертных оценок специалистов региональных органов Управления образованием, опросов среди самих избранных членов управляющих советов, а также личного профессионального опыта автора сделан вывод, что для большей эффективности функционирования необходима дополнительная специальная подготовка членов советов в виде специальных курсов.

Для решения проблем эффективного функционирования управляющего совета образовательной организации с точки зрения автора, необходимо:

- 1) четкое обозначение функций и полномочий управляющего совета в уставе образовательного учреждения;
- 2) специальная образовательная подготовка всех членов управляющего совета к выполнению своих функций через систему дополнительного образования по блочно-модульным программам по определённым темам;
- 3) форма проведения такой подготовки предпочтительно дистанционная;
- 4) формирование у членов управляющего совета личностного смысла, мотивированности к активному участию в работе органов самоуправления образовательной организации.

С учётом российского и зарубежного опыта осуществлять такую подготовку можно как в форме очного, так и дистанционного обучения. Востребованными со стороны членов управляющих советов могут стать регулярные, на постоянной основе онлайн-консультации специалистов, хорошо ориентирующихся в основных вопросах ГОУО. Также эффективным методом обучения и информирования станет тематический интернет-сайт с лучшими практиками работы управляющих советов в регионах. Ведущую роль в организации системы такой подготовки общественных структур самоуправления школой должны взять на себя государственные органы образования.

Качественное функционирование управляющих советов невозможно без личностной вовлеченности, высокой стрессоустойчивости и мотивированности к работе всех членов совета, что достигается также в рамках специальной, продуманной психологической подготовки, осуществлять которую необходимо системно. Это может стать еще одним направлением в совершенствовании подготовки членов управляющих советов школы.

Список литературы

- Алферов А.Н. 2020. История формирования государственно-общественного управления в российском образовании и обзор международных практик, участия в нем участников образовательных отношений. *Библиотечка для учреждений дополнительного образования детей*, 1: 4–12.
- Асириян М.А., Кураколов М.А. 2021. Управляющие советы и их роль в развитии инициативного бюджетирования в системе образования России. *Педагогика*, 85(6): 38–41.
- Бычков М.А., Положенцева И.В. 2015. Механизмы реализации модели государственно-общественного управления системой подготовки и повышения квалификации педагогических работников. *Стандарты и мониторинг в образовании*, 3(3): 61–64. DOI: [10.12737/11854](https://doi.org/10.12737/11854)
- Гришина И.В., Конасова Н.Ю., Волков В.Н., Кураченкова И.Х., Сизова М.Б., Шаляпина Т.А., Юдина Н.А., Кавалерчик Т.Л. 2011. Государственно-общественное управление, оценка деятельности школы – инновационные ресурсы развития системы образования. Под ред. И.В. Гришиной, Н.Ю. Конасовой. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 180 с.

- Загладина Х.Т. 2021. Смогут ли Управляющие советы помочь вернуть воспитание в школу? *ВНЕшкольник*, 4(202): 5–7.
- Кириленко Н.П. 2018. Самоуправление как фактор развития гражданской идентичности школьников. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 7-4(25): 127–130.
- Косарецкий С.Г., Седельников А.А., Мерцалова Т.А., Шимутина Е.Н., Моисеев А.М. 2015. Государственно-общественное управление образовательным учреждением в вопросах и ответах. Москва, Московский многопрофильный техникум им. Л.Б. Красина, 106 с.
- Мукабенов А.Э. 2021. Мессенджеры, социальные сети и сайт школы как средства оптимизации ведения диалога между субъектами образовательного процесса. В кн.: Педагогическая наука и современное образование. Доклады секционных заседаний VIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню российской науки (Санкт-Петербург, 10–11 февраля 2021 года). Под ред. А.Ю. Аксеновой. Санкт-Петербург, Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: 164–167.
- Реморенко И.М. 2018. Теоретические основы взаимодействия гражданского общества и государства в истории педагогической мысли. *Философия образования*, 3(76): 91–99. DOI: [10.15372/PHE20180309](https://doi.org/10.15372/PHE20180309)
- Рубцова О.В., Алферов А.Н., Рубцова В.А., Вишняков А.И. 2022. Взаимодействие управляющего совета образовательной организации с органами государственно-муниципального управления. *Библиотечка для учреждений дополнительного образования детей*, 4: 28–33.
- Салаватова А.М. 2022. Государственно-общественное управление образовательной организацией. *Образовательный вестник Сознание*, 24(3): 25–31. DOI: [10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-3-25-31](https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-3-25-31)
- Седельников А.А. 2008. Управляющий совет гражданское участие в управлении образованием. Москва, Чистые пруды, 32 с.
- Сепьянен Т.П. 2016. Поддержка инициатив граждан: условия эффективности взаимодействия муниципалитета и общественности. *Журнал руководителя управления образованием*, 2: 48–52.
- Феклин С.И. 2023. Актуальные проблемы деятельности управляющих советов в городе Москве. В кн.: Актуальные проблемы образовательного права. Сборник научных статей XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 2 июня 2023 года). Под ред. Н.М. Ладнушкиной. Москва, Издательство "Саратовский источник" (Саратов): 66–71.
- Фиофанова О.А., Шимутина Е.Н. 2015а. Анализ реформы государственно-общественного управления образованием. *Педагогика*, 9: 17–25.
- Фиофанова О.А., Шимутина Е.Н. 2015б. Государственно-общественное управление образованием: результаты и перспективы. *Народное образование*, 8(1451): 14–19.
- Шимутина Е.Н. 2012. Подготовка членов управляющих советов к деятельности в органах государственно-общественного управления в системе общего образования. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 26 с.
- Шишов С.Е. 2016. Роль государственно-общественного управления образованием в модернизации системы повышения квалификации педагогических кадров. *Стандарты и мониторинг в образовании*, 4(1): 3–7. DOI: [10.12737/17980](https://doi.org/10.12737/17980)
- Шкуров А.Ю. 2023а. Государственно-общественное управление школой: что это значит, веяние времени или реалии современности? *Наукосфера*, 1 (1): 210–215.
- Шкуров А.Ю. 2023б. Государственно-общественное или общественно-государственное управление образовательными организациями: вариация слов или синонимы. *Инновационные научные исследования*, 1–1(25): 74–85. DOI: [10.5281/zenodo.7559081](https://doi.org/10.5281/zenodo.7559081)
- Cheng E.S.K., Leung Y.W., Yuen W.W. and Tang H.H.H. 2020. A model for promoting student participation in school governance. *International Journal of Educational Management*, 34(4): 737–749. DOI: [10.1108/IJEM-06-2019-0186](https://doi.org/10.1108/IJEM-06-2019-0186)
- Gamage D.T. 1993. A review of community participation in school governance: An emerging culture in Australian education. *British Journal of Educational Studies*, 41(2): 134–149. DOI: [10.1080/00071005.1993.9973956](https://doi.org/10.1080/00071005.1993.9973956)
- Gerrard J., Savage G.C. 2022. The governing parent-citizen: dividing and valorising parent labour through school governance. *Journal of Education Policy*, 37(5): 744–761. DOI: [10.1080/02680939.2021.1877357](https://doi.org/10.1080/02680939.2021.1877357)

- Gobby B., Niesche R. 2019. Community empowerment? School autonomy, school boards and depoliticising governance. *Australian Educational Researcher*, 46: 565–582. DOI: [10.1007/s13384-019-00303-9](https://doi.org/10.1007/s13384-019-00303-9)
- Hangartner J., Svaton C.J. 2013. From autonomy to quality management: NPM impacts on school governance in Switzerland. *Journal of Educational Administration and History*, 45(4): 354–369. DOI: [10.1080/00220620.2013.822352](https://doi.org/10.1080/00220620.2013.822352)
- Leechman G., McCulla N., Field L. 2019. Local school governance and school leadership: practices, processes and pillars. *International Journal of Educational Management*, 33(7): 1641–1652. DOI: [10.1108/IJEM-12-2018-0401](https://doi.org/10.1108/IJEM-12-2018-0401)
- Leung W., Yuen T., Cheng E.C.K., Chow J.K.F. 2014. Is student participation in school governance a “Mission impossible”? *Journal of Social Science Education*, 13(4): 26–40. DOI: [10.2390/jsse-v13-i4-1363](https://doi.org/10.2390/jsse-v13-i4-1363)
- Martin J., McKeon P., Nixon, J., Ranson S. 2000. Community-active management and governance of schools in England and Wales. In: *The governance of schooling: Comparative studies of devolved management*. Eds. M.A. Arnott, Ch. D. Raab. London, Routledge: 119–137.
- Møller J., Skedsmo G. 2013. Modernising education: New Public Management reform in the Norwegian education system. *Journal of Educational Administration and History*, 45(4): 336–353. DOI: [10.1080/00220620.2013.822353](https://doi.org/10.1080/00220620.2013.822353)
- Wilkins A. 2015. Professionalizing school governance: the disciplinary effects of school autonomy and inspection on the changing role of school governors. *Journal of Education Policy*, 30(2): 182–200. DOI: [10.1080/02680939.2014.941414](https://doi.org/10.1080/02680939.2014.941414)
- Wilkins A. 2016. *Modernising school governance: Corporate planning and expert handling in state education*. Routledge, 188 p.
- Wei F., Ni Y. 2023. Parent councils, parent involvement, and parent satisfaction: Evidence from rural schools in China. *Educational Management Administration & Leadership*, 51(1): 198–218. DOI: [10.1177/1741143220968166](https://doi.org/10.1177/1741143220968166)
- Yuen T.W.W., Cheng C.K.E., Guo C., Leung Y.W. 2020. The civic mission of schools and students’ participation in school governance. *Asian Education and Development Studies*, 9(2): 229–241. DOI: [10.1108/AEDS-06-2019-0095](https://doi.org/10.1108/AEDS-06-2019-0095)

References

- Alferov A.N. 2020. Istoriya formirovaniya gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya v rossiyskom obrazovanii i obzor mezhdunarodnykh praktik, uchastiya v nem uchastnikov obrazovatel'nykh otnosheniy [The history of the formation of public administration in Russian education and a review of international practices, participation in it of participants in educational relations]. *Bibliotekha dlya uchrezhdeniy dopolnitel'nogo obrazovaniya detey*, 1: 4–12.
- Asiryanyan M.A., Kurakolov M.A. 2021. Managing councils and their role in the development of proactive budgeting in the Russian education system. *Pedagogika*, 85 (6): 38–41.
- Bychkov M.A., Polozhentseva I.V. 2015. Implementation arrangements for the model of state and public management of the educators training and development system. *Standarty i monitoring v obrazovanii*, 3 (3): 61–64. DOI: [10.12737/11854](https://doi.org/10.12737/11854)
- Grishina I.V., Konasova N.Yu., Volkov V.N., Kurachenkova I.Kh., Sizova M.B., Shalyapina T.A., Yudina N.A., Kavalarchik T.L. 2011. Gosudarstvenno-obshchestvennoe upravlenie, otsenka deyatelnosti shkoly-innovatsionnye resursy razvitiya sistemy obrazovaniya [State public administration, evaluation of school performance - innovative resources for the development of the education system]. Eds. I.V. Grishina, N.Yu. Konasova. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 180 p.
- Zagladina Kh.T. 2021. Can governing councils help bring parenting back to school? *VNEshkol'nik*, 4 (202): 5–7.
- Kirilenko N.P. 2018. Self-government as a factor of development of civic identity of schoolchildren. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 7–4 (25): 127–130 (in Russian).
- Kosaretskiy S.G., Sedel'nikov A.A., Mertsalova T.A., Shimutina E.N., Moiseev A.M. 2015. Gosudarstvenno-obshchestvennoe upravlenie obrazovatel'nym uchrezhdeniem v voprosakh i otvetakh [Public management of an educational institution in questions and answers]. Moscow, Publ. Moskovskiy mnogoprofil'nyy tekhnikum im. L.B. Krasina, 106 p.

- Mukabenov A.E. 2021. Messendzhery, sotsial'nye seti i sayt shkoly kak sredstva optimizatsii vedeniya dialoga mezhdru sub"ektami obrazovatel'nogo protsessa [Messengers, social networks and the school website as a means of optimizing the dialogue between the subjects of the educational process]. In: Pedagogicheskaya nauka i sovremennoe obrazovanie [Pedagogical science and modern education]. Reports of section sessions of the VIII scientific and practical conference with international participation, dedicated to the Day of Russian Science (St. Petersburg, February 10–11, 2021). Eds. A.Yu. Aksenova. Sankt-Peterburg, Publ. Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena: 164–167.
- Remorenko I.M. 2018. Theoretical basis of an interaction between a society and the state of pedagogical thought. *Philosophy of Education*, 3(76): 91–99 (in Russian). DOI: [10.15372/PHE20180309](https://doi.org/10.15372/PHE20180309)
- Rubtsova O.V., Alferov A.N., Rubtsova V.A., Vishnyakov A.I. 2022. Vzaimodeystvie upravlyayushchego soveta obrazovatel'noy organizatsii s organami gosudarstvenno-munitsipal'nogo upravleniya [Interaction of the governing council of an educational organization with state and municipal authorities]. *Bibliotekha dlya uchrezhdeniy dopolnitel'nogo obrazovaniya detey*, 4: 28–33.
- Salavatova A.M. 2022. State-public management of educational organization. *Educational bulletin "Consciousness"*, 24(3): 25–31 (in Russian). DOI: [10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-3-25-31](https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-3-25-31)
- Sedel'nikov A.A. 2008. Upravlyayushchiy sovet grazhdanskoe uchastie v upravlenii obrazovaniem [Governing Council Citizen Participation in Educational Governance]. Moscow, Publ. Chistyey prudy, 32 p.
- Seppyanen T.P. 2016. Podderzhka initsiativ grazhdan: usloviya effektivnosti vzaimodeystviya munitsipal'nogo i obshchestvennogo [Support for citizens' initiatives: conditions for the effectiveness of interaction between the municipality and the public]. *Zhurnal rukovoditelya upravleniya obrazovaniem*, 2: 48–52.
- Feklin S.I. 2023. Aktual'nye problemy deyatel'nosti upravlyayushchikh sovetov v gorode Moskve [Actual problems of the activity of governing councils in the city of Moscow]. In: Aktual'nye problemy obrazovatel'nogo prava [Actual problems of educational law]. Collection of scientific articles of the XIV All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, June 2, 2023). Ed. N.M. Ladnushkina. Moscow, Publ. Saratovskiy istochnik" (Saratov): 66–71.
- Fiofanova O.A., Shimutina E.N., 2015a. Analysis of the reform in state and public management of education. *Pedagogika*, 9: 17–25.
- Fiofanova O.A., Shimutina E.N. 2015b. Gosudarstvenno-obshchestvennoe upravlenie obrazovaniem: rezul'taty i perspektivy [State-public management of education: results and prospects]. *Narodnoe obrazovanie*, 8(1451): 14–19.
- Shimutina E.N. 2012. Podgotovka chlenov upravlyayushchikh sovetov k deyatel'nosti v organakh gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya v sisteme obshchego obrazovaniya [Preparation of members of governing councils for activities in public administration bodies in the general education system]. Abstract dis. ... cand. ped. Sciences. Moscow, 26 p.
- Shishov S.E. 2016. The role of state and public administration of education in terms of modernization of the system of professional development of educators. *Standarty i monitoring v obrazovanii*, 4(1): 3–7. DOI: [10.12737/17980](https://doi.org/10.12737/17980)
- Shkurov A.Yu. 2023a. State-public school management: what does this mean, the dictates of time or the realities of modernity? *Naukosfera*, 1(1): 210–215 (in Russian).
- Shkurov A.Yu. 2023 b. State-public or public-state management of educational organizations: variation of words or synonyms. *Innovative Scientific Research*, 1-1 (25): 74–85 (in Russian).
- Cheng E.C.K., Leung Y.W., Yuen W.W. and Tang H.H.H. 2020. A model for promoting student participation in school governance. *International Journal of Educational Management*, 34(4): 737–749. DOI: [10.1108/IJEM-06-2019-0186](https://doi.org/10.1108/IJEM-06-2019-0186)
- Gamage D.T. 1993. A review of community participation in school governance: An emerging culture in Australian education. *British Journal of Educational Studies*, 41(2): 134–149. DOI: [10.1080/00071005.1993.9973956](https://doi.org/10.1080/00071005.1993.9973956)
- Gerrard J., Savage G.C. 2022. The governing parent-citizen: dividing and valorising parent labour through school governance. *Journal of Education Policy*, 37(5): 744–761. DOI: [10.1080/02680939.2021.1877357](https://doi.org/10.1080/02680939.2021.1877357)
- Gobby B., Niesche R. 2019. Community empowerment? School autonomy, school boards and depoliticising governance. *Australian Educational Researcher*, 46: 565–582. DOI: [10.1007/s13384-019-00303-9](https://doi.org/10.1007/s13384-019-00303-9)

- Hangartner J., Svaton C.J. 2013. From autonomy to quality management: NPM impacts on school governance in Switzerland. *Journal of Educational Administration and History*, 45(4): 354–369. DOI: [10.1080/00220620.2013.822352](https://doi.org/10.1080/00220620.2013.822352)
- Leechman G., McCulla N., Field L. 2019. Local school governance and school leadership: practices, processes and pillars. *International Journal of Educational Management*, 33(7): 1641–1652. DOI: [10.1108/IJEM-12-2018-0401](https://doi.org/10.1108/IJEM-12-2018-0401)
- Leung W., Yuen T., Cheng E.C.K., Chow J.K.F. 2014. Is student participation in school governance a “Mission impossible”? *Journal of Social Science Education*, 13(4): 26–40. DOI: [10.2390/jsse-v13-i4-1363](https://doi.org/10.2390/jsse-v13-i4-1363)
- Martin J., McKeon P., Nixon, J., Ranson S. 2000. Community-active management and governance of schools in England and Wales. In: *The governance of schooling: Comparative studies of devolved management*. Eds. M.A. Arnott, Ch. D. Raab. London, Routledge: 119–137.
- Møller J., Skedsmo G. 2013. Modernising education: New Public Management reform in the Norwegian education system. *Journal of Educational Administration and History*, 45(4): 336–353. DOI: [10.1080/00220620.2013.822353](https://doi.org/10.1080/00220620.2013.822353)
- Wilkins A. 2015. Professionalizing school governance: the disciplinary effects of school autonomy and inspection on the changing role of school governors. *Journal of Education Policy*, 30(2): 182–200. DOI: [10.1080/02680939.2014.941414](https://doi.org/10.1080/02680939.2014.941414)
- Wilkins A. 2016. *Modernising school governance: Corporate planning and expert handling in state education*. Routledge, 188 p.
- Wei F., Ni Y. 2023. Parent councils, parent involvement, and parent satisfaction: Evidence from rural schools in China. *Educational Management Administration & Leadership*, 51(1): 198–218. DOI: [10.1177/1741143220968166](https://doi.org/10.1177/1741143220968166)
- Yuen T.W.W., Cheng C.K.E., Guo C., Leung Y.W. 2020. The civic mission of schools and students’ participation in school governance. *Asian Education and Development Studies*, 9(2): 229–241. DOI: [10.1108/AEDS-06-2019-0095](https://doi.org/10.1108/AEDS-06-2019-0095)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.05.2023

Received May 24, 2023

Поступила после рецензирования 21.08.2023

Revised August 21, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шкуров Алексей Юрьевич, докторант кафедры педагогики, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, Республика Мордовия, г. Саранск, Россия.

Alexey Yu. Shkurov, doctoral student of the Department of Pedagogy, Evseviev Mordovian State Pedagogical University, Republic of Mordovia, Saransk, Russia.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81.37

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-486-504

Признаки идентификатора категории и способы его трансформации

Гогичев Ч.Г.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Россия, 115054, г. Москва, пер. Стремянный, 36
chgo@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются признаки когнитивных категорий. Целью работы является исследование структуры идентификатора категории и связанных с ним каузальных признаков. Новизна исследования определяется необходимостью типологии признаков и их функционирования в рамках концептуальной системы. Основные результаты выражаются в определении основ субкатегоризации. Функционирование категории и ее признаков происходит на двух уровнях категоризации – А и Б. На уровне А представлен идентификатор первого типа и его α -признаки. При трансформации конкретного образа происходит апелляция к первичной концептуальной системе. На уровне Б представлен идентификатор второго типа, в состав которого входят основания для интерпретации исходного объекта, и его α -признаки. Функционирование такого идентификатора основано на концептуальной системе третьего уровня и связано с демонстрацией оснований для вывода. Интерпретация на основе указанных концептов третьего уровня происходит на основе конструкции «субъект – отношение – объект» с обращением к специальным категориям-маякам. Трансформация Sub-Id1-Mod предполагает модификацию категории на основе изменения одного из параметров первичной концептуальной системы, допускающей изменения только в рамках одного вида, т.е. внутривидовой рекатегоризации. Трансформация Sub-Id2-Mod представляет собой формирование субидентификатора уровня Б наравне с исходным.

Ключевые слова: идентификатор категории, трансформации, уровни категоризации, типы признаков

Для цитирования: Гогичев Ч.Г. 2023. Признаки идентификатора категории и способы его трансформации. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 486–504. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-486-504

The Category Identifier and Ways of its Transformation

Chermen G. Gogichev

Plekhanov Russian Economic University,
36 Stremyanny Lane, Moscow 115054, Russia
chgo@mail.ru

Abstract. The article looks at the functioning of the category and its features that occurs at two levels of categorization – A and B. The aim of the work is to study the structure of the category identifier and related causal features. The main results include the definition of the basics of subcategorization. The

transformation of Sub-Id1-Mod involves modification of a category based on a change in one of the parameters of the primary conceptual system, which allows changes only within one species, i.e. intraspecific recategorization. With respect to the first type of identifier, the Sub- α -Mod transformation affects only the properties of intercategory interaction. The transformation of Sub-Id2-Mod is the formation of a level B subidentifier on a par with the original one. The units on the basis of which the subidentifier is formed are the result of the correlation of the initial category with cognitive beacons within the framework of the "subject – relation – object" structure. The results of the work can be implemented in the process of cognition modeling.

Keywords: category identifier, category transformations, categorization levels, feature types

For citation: Gogichev Ch.G. 2023. The Category Identifier and Ways of its Transformation. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 486–504 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-486-504

Введение

Функционирование концептуальной системы основано на отражении в сознании комплекса признаков внеязыковых объектов. Это постоянный процесс, предполагающий не только распознавание и идентификацию различных объектов, но и их соотнесение с теми элементами концептуальной системы, которые позволяют модифицировать исходное представление об объекте в зависимости от точки зрения человека или некоторой общности на мир. Таким образом, концептуальная система включает не только категории, но и различные инструменты категоризации, находящие свое представление и в языке. Указанные процессы можно проследить на уровне признаков категорий, различающихся по способу своего представления и функциям.

Категорию нельзя рассматривать как застывшую форму. В структуре категории прослеживаются различные слои, отражающие этап идентификации, а затем и осознания некоторой реалии, ее места в различных когнитивных структурах. В ходе процесса рекатегоризации она развивается, трансформируется, принимая самые различные формы как в пределах своего вида, так и выходя за эти пределы.

Сущность категории, отражающей некоторый внеязыковой объект, заключается прежде всего в формировании ядра. В данном сегменте заключается основа идентификации внеязыкового объекта в рамках данной категории. Это могут быть некоторые образы, о характеристиках которых писали исследователи [Телия, 1996] После трансформации, идентификационная основа категории может быть представлена различными признаками, отражающими особенности соответствующих когнитивных координат, например, в случае абстракций *справедливость*, *бескорыстие* и т.д. Когнитивная координата представляет собой множество взаимосвязанных составных частей. Базовой единицей может являться некоторый концепт, предполагающий реализацию в данной культуре и языке. Он также связан с другими когнитивными единицами, например, категориями-маяками.

Идентификатор категории и связанные с ним признаки функционируют на двух уровнях концептуальной системы – А и Б. На уровне А представлено прежде всего идентификационное ядро визуально распознаваемой категории – частные характеристики, служащие для опознавания объекта в результате зрительного восприятия, например, руки, ноги, ветви или хвост. На уровне Б происходит осознание объекта в терминах абстрактных характеристик – *бедность*, *богатство*, *зло*, *добро* и т.д. Основной когнитивной операцией на первом этапе является прямое соотнесение существующей образной категоризационной «заготовки» и внеязыкового объекта. Если объект имеет, например, признаки «четыре ноги, хвост, уши соответствующей формы», а также характеристики, отличающие его от других четвероногих, например, от собаки или лисы, т. е. соответствует образу «волк», то он категоризируется соответствующим образом.

Фиксация различных проявлений объекта, множеств, в которые входит данная категория, может происходить посредством активации каузальных связей идентификатора с соответствующим блоком знаний. Эту область можно обозначить как знание об обозначаемом [Телия, 1996], сформированное также конкретно (уровень А) или абстрактно (уровень Б). Мы рассматриваем данные характеристики как каузальные признаки второго этапа категоризации или реальные признаки α -типа (медведь любит мед (уровень А), лиса хитра (уровень Б). Потенциальные признаки β -типа выражают отношение объекта к различным представлениям, когнитивным координатам, релевантным для категоризации объекта. Реализация потенциальных связей категории, ее β -признаков приводит к формированию нового идентификатора, с которым связаны уже другие постидентификационные α -признаки. Довольно часто активирование такого блока и является целью сообщения об идентификации объекта [Гогичев, 2022].

Идентификация – *Это же Иван!* – может, например, обозначать – «он обязательно придет вовремя». Таким образом происходит указание на то, что объект относится к некоторой субординатной категории. В нашем примере объект «Иван» относится к субкатегории «обязательные люди».

Это высказывание основано на обращении к уровню категоризации Б (концепт *обязательность*), на котором объект может быть представлен в виде отношения к абстрактным конструкциям, выработанным в данной культуре. Анализируемое высказывание предполагает обращение к конструкции «субъект – отношение – объект (время)», с фиксацией отношения в виде «внимательное отношение (к времени)».

Таким образом, основой идентификации в семантике уровня А является *наблюдение*. Уровень категоризации Б предполагает, главным образом, *интерпретацию* наблюдаемого объекта в результате соотнесения соответствующей категории с когнитивными координатами. А-семантике этот способ познания присущ в небольшой степени.

Признаки категории обладают различной способностью взаимодействия с когнитивными структурами, определяющими их модификации. Категория, участвующая в некотором когнитивном процессе, представлена в ходе этого процесса не полностью, а некоторым своим фрагментом, частью признаков. Высказывание уровня А может представлять собой указание на категоризационно нерелевантный признак:

– *Петя потерял шапку.*

В этом случае предикат «потерять шапку» обозначает однократное событие и не приводит к рекатегоризации объекта «Петя», поскольку подобное может произойти с каждым человеком по самым разным причинам. Однако, если собеседник хочет маркировать этот признак как категоризационно релевантный, то он употребляет маркеры «всегда, обычно», переводя категоризацию на уровень Б. При этом определяется знак элемента «отношение» в структуре «субъект – отношение – объект» с фиксацией различных проявлений объекта:

– *Да он всегда что-нибудь теряет.*

В таком случае рассматриваемый признак постоянно присущ объекту «Петя» и приводит к рекатегоризации «рассеянный человек, растяпа» на основании соответствующей модификации потенциального признака «человек может быть невнимателен, рассеян».

Нужно отметить, что проводимая исследователями работа, хотя и затрагивает различные типы признаков категории (напр., показатель *cue validity* у Э. Рош), но степень разработанности проблемы пока далека от полноты. Признаки категорий исследуются с точки зрения релевантности для данной категории, например, наличие крыльев для птиц является более обязательным, чем, например, черного оперения.

Целью нашей работы является исследование признаков категорий с точки зрения их реализации на различных уровнях категоризации, способов взаимодействия с когнитивными структурами, определяющими трансформации категории и развитие

концептуальной системы. То есть мы предполагаем изучать не только структуру категорий, но и способы их рекатегоризации.

В рамках нашей работы мы собираемся выяснить семантические особенности различных типов признаков, их функции и способ реализации в ходе процессов идентификации и рекатегоризации, т. е. трансформации существующей категории.

Под рекатегоризацией мы подразумеваем трансформацию категории под влиянием когнитивных конструкций-стимулов для категоризации нового объекта действительности. Такая трансформация обусловлена необходимостью включения представления об объекте в уже существующие когнитивные структуры и процедуры. В нашей работе мы будем рассматривать субординатную рекатегоризацию.

Необходимо обозначить особенности рекатегоризации с базового уровня на субординатный. На базовом уровне фокус категории «автомобиль» находится на общих, идентификационных признаках. Возможна актуализация посткатегоризационных α -признаков «средство передвижения». Базовый уровень предназначен для идентификации объекта.

При переходе на субординатный уровень категория «мерседес» сфокусирована на признаках «комфорт, престиж» и т. д. То есть фокус идентификации перемещается и выражает, прежде всего, ценность объекта.

Как средство передвижения для человека, «автомобиль» включен в структуру «субъект – отношение – объект» в позиции «объект», позиция «отношение» имеет знак «владение» – человек владеет автомобилем. Субкатегоризация происходит на уровне А в значении «автолюбитель (владелец автомобиля)». В случае замещения позиции реципиентной категории элементом «мерседес» субкатегоризация переходит на уровень Б, с выделением указанных выше признаков. В данном случае активируется категориальный признак класса «богатство», включающего такие компоненты как «дом на Рублевке/за границей, яхта» и т. д. Таким образом, можно утверждать, что, оказываясь в реципиентной позиции категория актуализирует не собственное значение, а категориальное (показатель богатства).

Для описания особенностей признаков категорий обратимся к уровням категоризации и их характеристикам.

Типология признаков. Виды трансформаций на уровнях А и Б

Формирование категории, способы ее дальнейшей трансформации являются основой функционирования языковых единиц, представляющих соответствующие когнитивные структуры и процедуры их преобразований. Функционирование категории и ее признаков происходит на двух уровнях категоризации – А и Б. На уровне А представлены признаки, отражающие конкретные характеристики некоторого явления, а на уровне Б – абстрактные смыслы, структурирующие данные признаки.

Стимулами рекатегоризации и ее инструментами являются единицы разных типов. При трансформации образа происходит апелляция к первичной концептуальной системе. Актуализация α -признаков происходит на основании обращения к вторичной концептуальной системе. При реализации потенциальных признаков функционирует концептуальная система третьего уровня.

Характеристики А-семантики. Идентификация

На уровне категоризации А, функционируют, главным образом, идентификационные признаки А-типа и связанные с ними α -признаки. Соотношение этих признаков заключается в категоризации объекта (идентификационные признаки) и его позиционировании в окружающем мире на основе проявлений самого объекта (α -признаки). Например, категория «собака» соотносится с признаком «лаять» (собака лает). Такие конструкции мы относим к *абсолютным*. Подобные признаки основаны на

конструкции «субъект – его проявление». Артефакты, например, лист бумаги, после этапа категоризации определяется по параметру НАЗНАЧЕНИЕ (на ней пишут). Уровень А – это восприятие мира таким, каким он предстает перед человеком, категоризация объектов и их свойств.

Принципиальной характеристикой признаков уровня А, прежде всего, идентификационного блока, является непосредственный переход от визуального восприятия к категоризации, без вмешательства отношения человека к этому миру. Восприятие объекта, конечно, обусловлено особенностями мышления человека («не все признаки перешагивают порог сознания» – В.И. Абаев [1995, с. 25], и первичная концептуальная система, на основании которой формируется базовый образ, обладает определенной структурой, включающей в себя отражение типичных характеристик объекта, которые, как правило, не предполагают интерпретацию.

Объект может восприниматься в рамках концепта ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ. Указанный концепт выражается через такие параметры как ЭЛЕМЕНТЫ – конечности, зубы, уши, их ФОРМА – острый нос, пушистый хвост (одушевленные предметы), вертикальных и горизонтальных поверхностей (растения – ствол, листья), а также ЦВЕТ, ВКУС, НАЗНАЧЕНИЕ (питье, еда) – это непосредственное наблюдение:

– *Вы уверены, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? Очень он мне нужен – разве у хороших женщин должен быть характер? Главное – это глаза, зубы, ручки и ножки – (я прибавил бы еще – сердце, – но ваша кухня очень уж затаскала это слово)*» [Романтическая переписка..., 2013–2023].

Концепт ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ и его различные проявления мы относим к первичной концептуальной системе.

Наблюдение за объектом и формирование идентификационного образа происходит на уровне объективных проявлений. Информация о способе взаимодействия объекта с миром формируется на первом этапе также на уровне А, поскольку фиксируется взаимодействие конкретных объектов – пчелы собирают мед, волки собираются в стаи. Такую информацию мы обозначаем как α -признаки, имеющие *относительный* характер. Как правило, такие признаки основаны на конструкции «субъект – отношение – объект».

При категоризации подобная информация актуализируется в режиме выводного знания «если это медведь, значит он любит мед». *Сущность каузальной связи в рассматриваемом случае можно определить, как переход «от частного к частному», не предполагающий рекатегоризации.*

Идентификация подобного вида, которую мы в дальнейшем будем обозначать как **идентификацию первого типа** представляет собой реакцию на требования структуры ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ в терминах реальных признаков объекта. **Идентификация первого типа предполагает соотнесение объекта виде его частей с идентификационной основой категории – образом как целым.**

Работа по исследованию особенностей восприятия на основе данной структуры проводилась в рамках теории гештальта Ch. von Ehrenfels, M. Wertheimer [Wertheimer, 1925; Ehrenfels, 1988] и другими исследователями. В их известных работах выявлен процесс соотнесения частей объекта с целым как основой восприятия. Здесь мы приведем некоторые свои иллюстрации:

– *Снимаю шубу, и вешаю на крючок. меховая шапка помещается туда же. Совокупность двух этих одежд дает на стене фигуру домового или лешаго* [Гнедич, 1894].

Образ содержащийся, в идентификаторе первого типа, предлагает целостную структуру, категоризационное основание для частей воспринимаемого объекта.

Способы рекатегоризации. Трансформация Sub-Id1-Mod

Рассматриваемые признаки могут подвергаться трансформациям различной степени и характера. Прежде всего, рассмотрим субординатные модификации идентификатора первого типа, которые мы обозначаем как Sub-Id1-Mod. Сущностью данного процесса

является реализация модификационного потенциала параметра **первичной концептуальной системы, допускающей изменения только в рамках одного вида, т. е. внутривидовой рекатегоризации**. Например, категория «чай» допускает видоизменения на основе параметра ВНЕШНИЙ ВИД – черный чай, зеленый или красный. Кроме того, возможны модификации на основе комбинации параметров ВНЕШНИЙ ВИД/ВКУС – крепкий или жидкий чай.

Категория «журнальный столик» является результатом процесса рекатегоризации рассматриваемого типа Sub-Id1-Mod. – трансформации идентификационного блока категории «стол» в виде модификации параметра РАЗМЕР. При этом идентификационный образ содержит уменьшенную разновидность исходного объекта. Трансформация Sub-Id1-Mod. приводит также к изменению позиционирования объекта. Объект базовой категории «стол» используется для следующих целей:

«Стол – предмет обихода, мебельное изделие, имеющее приподнятую горизонтальную или наклонную поверхность, предназначенную для размещения на ней предметов и (или) для выполнения работ, принятия пищи, игр, рисования, обучения и другой деятельности»¹.

Объект «журнальный столик» выходит из множеств «кухонная мебель» или «обстановка рабочего кабинета» и входит во множество «предметы декора» и «место временного размещения некоторых предметов».

«Журнальный столик, преддиванный, чайный — небольшой низкий столик, который обычно располагают перед диваном или группой кресел в гостиной, холле, для украшения интерьера и временного размещения книг, журналов, газет, еды и напитков.

Согласно ГОСТу, журнальные столики используются для формирования зоны отдыха, но они также могут применяться и для приема посетителей. Иногда такой стол используют для организации небольшой столовой зоны, так как столик позволяет разместить на нем посуду и столовые приборы, хотя заниженная высота, небольшая площадь и расположение пользователей в креслах или на диванах вокруг столика ограничивают его функциональность как предмета столовой мебели. На таких столиках обычно сервируют кофе, чай, легкие закуски с вином.

В первое время изделия называли чайными или кофейными столиками, позже, когда стали популярны газеты, на них стали располагать прессу — так постепенно появилось название «журнальный столик». Распространение журнальных столиков повлияло на книжный дизайн и книжный рынок: специально для гостей, ожидающих хозяев за кофейным столиком, были придуманы так называемые «книжки для кофейных столиков» (англ. coffee table book) — богато иллюстрированные книги альбомного формата в твёрдой обложке, как правило развлекательно-светского содержания»².

«Журнальный столик используется не только для хранения вещей, но и служит декором помещения»³.

Согласно приведенным описаниям, функциональность объекта «стол» довольно широкая. В составе субординатной категории «журнальный столик» она видоизменяется в сторону сужения – на нем размещаются печатные издания или некоторые виды еды и напитков. Кроме того, если «стол» базовой категории может использоваться как предмет декора только потенциально, то журнальный столик получает этот признак в состав реальных характеристик.

Поскольку речь идет об образе, к нему применяются абстракции концептуальной системы первичного этапа – РАЗМЕР, ВНЕШНИЙ ВИД.

¹ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. — М. : Русский язык, 1984.

² Там же.

³ Журнальный столик в интерьере — 130 фото современных идей применения изящных столов в дизайне. 2023. Студия дизайна "ARNIKA". URL: <https://indizajn.ru/zhurnalnyj-stolik-v-interere/> (дата обращения: 27.06.2022).

Свойства α -признаков. Каузативные цепи. Модификация Sub- α -Mod

Включение объекта в состав некоторой категории предполагает «наложение» на представление об этом объекте признаков, характеризующих отношение данного объекта к некоторым элементам окружающего мира. Таким образом, на втором этапе категоризации привлекаются признаки, которые мы обозначаем как **каузальные**. Каузальными эти признаки называются потому, что они реализуются в рамках причинно-следственной связи исходного образа с элементами концептуальной структуры, характеризующими этот объект.

В качестве иллюстрации можно привести следующую последовательность: **если** это волк, **то** он – свиреп, кровожаден, следовательно, опасен. Здесь можно говорить даже о двойной каузации – **если ... то ...** следовательно. Суть подобных характеристик заключается в том, что они находятся вне первоначального круга признаков, формирующих образ. Их сущность можно определить, как «знание», в то время как сущность первоначального образа относится к «представлению» [Телия, 1996].

Категории артефактов, например, соотносятся с представлениями о способе употребления, функциональности. Категория «молоток» в идентификационной части содержит определенный образ, он изображается, например, на дорожных знаках. Указанный образ в модусе реальности соотнесен с элементами концептуальной системы «Инструмент» – молотком забивают гвозди (способ употребления). Такой инструмент как микроскоп, как известно, предназначен для визуального увеличения объектов (способ употребления).

С более сложной системой соотносятся естественные объекты, например, животные. Например, объект «лев» идентифицируется на основании соответствующего образа, являющегося проекцией первичной концептуальной системы. Далее, соотносясь с соответствующей областью **концептуальной системы второго уровня ЖИВОТНЫЕ/ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СЕМЕЙСТВА КОШАЧЬИХ**, он получает спецификацию по отношению к позициям «среда обитания» (саванна), «отношение к другим животным» (хищник, царь зверей), «отношение к человеку» (опасность). Спектр подобных отношений включает также и интерпретационные когнитивные координаты **ОПАСНОСТЬ/БЕЗОПАСНОСТЬ, ПОЛЕЗНОСТЬ/БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА**.

В данном случае можно говорить о том, что трансформация Sub- α -Mod и посткатегоризационный вывод может совершаться в двух направлениях – характеристика объективных проявлений объекта и интерпретативная генерализация. Фиксация объективных характеристик происходит по линейной схеме (лев живет в саванне). Категория-партнер, в данном случае, взаимодействует с исходной структурой непосредственно на уровне А-семантики.

При интерпретативной генерализации на первый план выступает человеческая точка зрения на мир: волк – агрессивные животные/агрессивные лесные звери – опасные животные. Кролик, помимо характеристик поведения различного рода, попадает в интерпретационную категорию «вредные вещи» по признакам: «кролики много едят и быстро размножаются, они стали причиной гибели многих коренных животных Австралии и Новой Зеландии. Животные объедают кору деревьев, это приводит к эрозии почвы, образованию оврагов и обвалов»¹.

АГРЕССИВНОСТЬ и **ВРЕДНОСТЬ** – элементы третьей, интерпретативной концептуальной структуры. В таких случаях происходит интерпретация компонентов и переход на уровень Б:

¹ 10 опасных животных, которых мы напрасно считаем милыми и беззащитными. ADME. Режим доступа: <https://www.adme.ru/zhizn-zhivotnye/10-zhivotnyh-nastolko-milyh-naskolko-i-opasnyh-2269315/> (дата обращения: 27.06.2022)

– *В этом ресторане невкусная еда.*

В данном случае задействована структура «субъект – отношение (не/производит) – объект (качество продукции)». В результате модификации компонента «объект» (еда невысокого качества) и соответствующего потенциального признака категории «ресторан» объект переходит в оценочный класс «плохой ресторан». Оценка «плохой» на уровне Б представляет собой отражение несоответствия продукта объекта норме. Для ресторана это качество еды, для телевизора – качество изображения. При этом статус элементов рассматриваемой формы различен: второй и третий компоненты служат для определения первого, его отношения к разным ресурсам.

Актуализация интерпретационной стратегии Sub- α -Mod предполагает рекатегоризацию с привлечением когнитивных координат третьего уровня. Их функциональная часть находится на уровне Б, представляя собой интерпретативную генерализацию разных видов (свирепые вещи, полезные вещи). Манифестация подобных структур может быть разной – свирепым может быть и человек, и волк. Злым в русском языковом сознании может быть и человек, и лук. Стратегия рекатегоризации α -признаков (Sub- α -Mod.) может быть определена как *переход частного в общее*.

Признаки межкатегориального взаимодействия

В состав идентификационного блока первого типа и α -сегмента могут входить признаки, формирующиеся на принципиально другой основе, а именно на интерпретации. Некоторые каузативные α -признаки являются интерпретативными, например, лань быстро бежит, черепаха передвигается медленно. Указанные характеристики предполагают соотнесение объекта с эталоном скорости передвижения, которым служит скорость передвижения человека. Скорость меньше эталона категоризуется как «медленно», а быстрее эталона – как «быстро». Подобные характеристики используются для сравнительных характеристик других объектов – бежит как лань, ползет как черепаха.

Признаки «лиса живет в лесу», «лиса – хищница» являются знанием об объекте, организованном по параметрам концептуальной системы второго уровня, характеризуемой позициями МЕСТО ОБИТАНИЯ, ХАРАКТЕР ПИТАНИЯ, СРЕДНИЙ ВЕС, ВЕЛИЧИНА и т.д. Однако эта категория содержит также интерпретативный признак «лиса хитра». Так же как и характеристика «скорость передвижения», хитрость является элементом концептуальной системы третьего уровня, о которой мы поговорим ниже.

Рассматриваемый признак используется при трансформации на третьем уровне категоризации, поскольку исходная единица «лиса» использована для актуализации признака «хитрость» уровня Б:

– *Марья Ивановна – лиса.*

При этом происходит переход *от частного к общему*, т.е. отдельный признак становится наименованием класса «хитрые вещи». Объект «Марья Ивановна» включается в интерпретативную категорию «лиса». Или:

– *Петр Иванович часто ходит в библиотеку.*

Здесь обобщение с уровня А на уровень Б происходит в виде «Петр Иванович – интеллигентный человек», поскольку категория «библиотека» как «источник знаний» является категорией-маяком концепта ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.

Еще одним примером могут служить проявления параметра РАЗМЕР. Они предполагают соотнесение с эталоном – размером человека. Объект может категоризоваться как большой, небольшой или маленький, но это уже опосредованная или интерпретационная идентификация. Например, элемент «большой размер», характеризующий образ «медведь» переносится в русском языке на категорию «человек»:

– *Ходил он вразвалку, словно настоящий медведь, но несмотря на такую внешность он был очень мягким человеком, всегда готовым... Он был почти так же широк в плечах, как настоящий медведь, но как любой человек уступал зверю в росте [Верт, 2020].*

– *Мужик смотрелся настоящим медведем – центнер веса, волосатое тело, мышцы перекачываются...* [Макеев, 2013].

Подобные признаки, включающие элементы интерпретационной концептуальной системы третьего уровня, могут использоваться для межвидовой рекатегоризации других объектов.

Указанные признаки активируются при межкатегориальном взаимодействии, при сопоставлении категорий в структуре, в которой на первой позиции расположена некая определяемая категория, а на второй – категория, в состав которой входит рассматриваемый тип признака. В предикатной ситуации релевантен только тот признак, который связан с интерпретационной концептуальной системой третьего уровня, поэтому он активируется и входит в состав определяемой категории, формируя его идентификационное ядро [Гогичев, 2022].

Формальные характеристики α -признаков идентификатора типа А

Нужно отметить принципиальные свойства признаков, отражающих различные проявления объекта. Сравним три высказывания на основе конструкции «субъект – отношение – объект»:

- *Медведь любит мед.*
- *Миша любит мед.*
- *Миша уронил мед.*

В процессе категоризации каузальная связь «медведь – мед» проявляется как однонаправленная, поскольку допускает вывод только от субъекта к объекту – если это медведь, значит он любит мед. Связь «медведь – мед» имеет постоянный характер, относящийся ко всем членам категории «медведь» и не выделяет объект в процессе категоризации, т.е. содержание элемента «субъект» в виде «медведь» в данном случае не предполагает рекатегоризации объекта. Категория «мед» входит во множество «обычная пища медведей», а, например, торты не входят в категорию «обычная пища медведей» по очевидным причинам.

В структуре «Миша – мед» каузальная связь также однонаправленная, но в ее фокусе находится вся конструкция, а вывод находится за ее пределами – если Миша любит мед, значит он сладкоежка (ср. невозможность связи «если это Миша, значит он любит мед»).

В структуре *Миша любит мед* компонент «мед» уровня А, имеющий категориальное значение «сладкие вещи» на основе когнитивной координаты ВКУС (ср. также *конфеты, булочки, торты*) активирует указанную опцию, предполагающую отнесение субъекта к соответствующей категории «сладкоежка». Инструмент категоризации «мед» претерпевает трансформацию по принципу «от частного к общему».

Содержание компонента «отношение» также имеет большое значение, поскольку смена значения «пристрастие» на значение, например, «нерасторопность» (*Миша уронил мед*) нейтрализует интерпретационное значение инструмента категоризации «мед» и объект рекатегоризации не подвергается. В этом случае категория «мед» теряет вкусовые признаки и рассматривается как любой другой предмет, который можно держать в руках.

Можно привести еще один пример – район Рублевского шоссе в Москве имеет интерпретационное Б-значение БОГАТСТВО (место проживания состоятельных людей). Если о человеке известно, что он живет на Рублевском шоссе или отдыхает в Куршавеле, то происходит рекатегоризация «состоятельный человек». Если же у обозначения локации такой маркер отсутствует, то рекатегоризации не происходит, ср. *рассеянный с улицы Бассейной*. Здесь реализуется двунаправленная связь (в отличие от однонаправленной *медведь любит мед*). Двунаправленной она называется потому, что имеет соответствующий категоризационный потенциал – если богатый человек, значит живет на Рублевке или в

другом подобном месте или если живет на Рублевке или в другом подобном месте, значит – богатый человек.

Однонаправленная связь «медведь любит мед» допускает категоризационный вывод только в одну сторону: если медведь, значит любит мед, ср. *если любит мед, значит медведь. Категоризация здесь также проходит по принципу «от частного к частному».

Если путь «мед – сладость» предполагает выделение одного признака, органично присущего всем членам категории (конфеты, торты, шоколад), то обобщение «место проживания состоятельных людей» является человеческой интерпретацией объекта и категорией-маяком для когнитивной координаты 3-го уровня СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

На основании сказанного можно утверждать, что на уровне А представлены ядра категорий в виде идентификатора первого типа и его связи с тремя видами когнитивных координат, выраженные каузальными α -признаками. Идентификационный блок выражен, прежде всего, объективными признаками объекта на основе координаты ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ. Это признаки, требующие прямой реализации, соотнесения. Некоторые характеристики подобных идентификаторов сформированы на основе соотнесения с эталоном соответствующего качества. Модификация Sub-Id1-Mod представляет собой отражение модификационного потенциала первичной концептуальной системы.

После категоризации объекта фиксируется его отнесенность в рамках различных концептуальных структур в виде α и β -признаков. В одной из них представлены признаки, отражающие позиционирование объекта в окружающем мире – *лев обитает в саванне* – концептуальная система второго уровня. В другой выражаются характеристики интерпретативной концептуальной системы. В третьей концептуальной системе волк включен в класс «опасные вещи», а собака «полезные вещи», муха и комар входят в класс «беззащитные вещи».

Признаки α -типа связаны, преимущественно, со второй концептуальной системой, отражающей позиционирование объекта в окружающем мире. В обеих семантических областях могут находиться признаки, связанные с третьей концептуальной системой. У категории «медведь» интерпретационный признак, служащий для межкатегориального взаимодействия (крупное телосложение), находится в идентификационной зоне, а у класса «осел» – в зоне альфа-признаков (осел глуп/упрям).

Трасформация Sub- α -Mod представляет собой реализацию интерпретативной стратегии рекатегоризации на основе α -признаков межкатегориального взаимодействия.

Признаки категории α -типа подразделяются на однонаправленные и двунаправленные. Их функционирование зависит от значения компонентов структуры «субъект – отношение – объект». В зависимости от их значений инструмент категоризации (компонент «объект») может реализоваться на уровне А или на уровне Б, представляя когнитивные координаты разных уровней.

Семантика уровня Б и β -признаки. Рекатегоризация идентификатора второго типа

Под β -признаками мы подразумеваем потенциальные характеристики категории. В отличие от реальных признаков типа *птицы летают* потенциальные характеристики не имеют фиксированной связи с исходной категорией – птица **может быть** водоплавающей. Их базовой характеристикой является *интерпретация*. Идентификационный образ, реализованный на уровне А, не является результатом интерпретации – глаза, руки или ноги идентифицируются однозначно. Если объект «нога» очевидно относится к одушевленному предмету, а его субординатные модификации «куриная нога» или «собачья нога» имеют явное указание на то целое, элементом которого они являются, то категоризация «самостоятельный человек» является результатом обработки исходной информации на основе соответствующих когнитивных инструментов. В результате формируется

идентификатор второго типа, в состав которого входят основания для интерпретации исходного объекта. Функционирование такого идентификатора связано с демонстрацией оснований для вывода. В ходе указанного процесса определяется к какой категории будет относиться объект в результате рекатегоризации.

Интерпретация объекта или явления предполагает, прежде всего, формирование представления об объекте на основе мнения говорящего, его позиции и взгляда на мир. Из этого, в свою очередь, вытекает непригодность подобных суждений для идентификации, сравните: *Благородный человек шел по улице. Однозначная идентификация в данном случае затруднена:

– *До последнего вздоха. Свои сказки и притчи для детей В.А. Сухомлинский всегда писал на украинском языке. Поэтому сегодня есть повод представить его махровым «западнцем». Одни считали его «деревенщиком», чья педагогика опирается на поэтику национальной, народной стихии, мощными корнями вращается в жизнь и почву. Другие видели прогрессивного интеллигента с вполне сциентистским мировоззрением. (В своей школьной библиотеке Сухомлинский следил за тем, чтобы там были все новинки научно-популярной литературы и технические журналы.) Как и почему эти абсолютно разные мировоззренческие векторы уживались в сознании этого неординарного человека? [Острова утопии..., 2015]*

– *Одни считали его узурпатором и диктатором, другие отцом нации [Канунников, 2004].*

– *Одни считали его самым целесообразным, другие – наиболее далеким от здравого смысла видом человеческого жилья [Овчинников, 2014].*

Суждения «отец нации, прогрессивный интеллигент» и т.д. содержат интерпретацию в чистом виде и поэтому оспариваются.

Интерпретативная категоризация основана на концептуальной системе третьего уровня, включающего когнитивные модификаторы типа ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ, РАЗНООБРАЗИЕ. При интерпретационной субкатегоризации субординатный идентификатор не может выполнять свою функцию непосредственно по причине невозможности визуальной идентификации объекта (напр., «честный человек»). Здесь важно «не сказать, а показать» (по выражению автора «Данте, который видел Бога»).

Для того, чтобы достичь цели коммуникации, необходимо «спустить» суждение на уровень А, придав ему наглядность – ЛЮБОВЬ (Б) – ходить каждый день с цветами (А), СКУПОСТЬ – снега зимой не выпросишь (А), ЗДОРОВЬЕ (Б) – делать гимнастику каждое утро (А), ЖАДНОСТЬ/БЕДНОСТЬ (Б) – считать каждую копейку (А), БЕДНОСТЬ (Б) – ходить в обносках (А), БОГАТСТВО (Б) – купаться в золоте (А) и т.д. Таким образом концепты как целое объединяют части, которые конкретно выражают их признаки.

Приведенные единицы концептуальной системы третьего уровня расположены на уровне Б как абстракции, они привносятся в мир человеком. Подобные единицы могут быть сформированы на основе классификации некоторых внеязыковых объектов. Например, некоторые животные (такие как чихуахуа, хомяк или кот) являются для человека домашними питомцами, что позволяет объединить их в соответствующий класс «домашние питомцы».

Интерпретация на основе указанных концептов третьего уровня происходит на основе конструкции «субъект – отношение – объект» с обращением к специальным категориям-маякам (снег, гимнастика, копейка и т.д.), релевантным в данной культуре. Эта конструкция находит свое воплощение в составе β-семантики исходных категорий. **Признаки β-типа представляют собой потенциальные отношения категорий к классам-маякам в рамках реализации некоторого концепта и подвержены трансформации по интерпретативной траектории.**

Подобную стратегию можно назвать «сделать зрительно ненаблюдаемое доступным». Концепт ЖЕСТОКОСТЬ требует формирования отношения к категории «беззащитные

вещи» (мухи не обидит). Фиксация категории «высокий/низкий объект» происходит на основе фиксации отношения к эталону высоты, несмотря на визуальную различимость признаков.

Категория «человек болтливый» может быть обозначена в общем виде как отношение к категории «язык» (язык как помело):

– Баба – она и есть баба, у нее ведь язык как помело [Володарский, 2005].

– У ты, Булдаков, язык как помело, и за это ты пойдешь дрова пилить [Астафьев, 1994].

– Болтушка ты, вот кто, – сказал Коля. – У тебя язык как помело. И больше я с тобой дружить не хочу [Пивоварова, 2010].

При рекатегоризации «человек – благородный человек» может быть использовано несколько путей:

– Он умеет прощать ближних.

– Он держит слово.

В рамках структуры «субъект (человек) – отношение (прощение) – объект (окружающим)» потенциальные β -признаки исходной категории «человек» (может прощать ближних/держит слово) переходят в модус реальности в рамках категории «благородный человек» на основе обращения к категориям-маякам концепта БЛАГОРОДСТВО – слово, ближние. Благородный человек всегда следует своему слову – этот признак существует в виде идентификационного признака финальной категории. Таким образом, интерпретативная рекатегоризация предполагает переход β -признаков исходной категории в состав идентификационных признаков субкатегории [Гогичев, 2022].

Еще одним примером является трансформация категории «собака» – то, что для «собаки» является потенциальной характеристикой, т.е. β -признаком, который не может участвовать в каузальной цепи (*если собака, значит кусается), для «злой собаки» является α -признаком, актуализируемым в процессе получения выводного знания (если злая собака, значит кусается). Таким образом, известная надпись на воротах является рекатегоризацией с целью актуализации необходимого выводного знания. Зафиксированный признак становится вторым полноценным идентификатором наряду с общим образом «человек». При этом происходит трансформация «от частного (быть великодушным) к общему (благородный человек)».

Признаки типа «высокий, низкий» основаны на фиксации отношения объекта к норме, эталоном которой является средний рост человека. На уровне Б эта конструкция выглядит как «категория – отношение – норма». Элемент «отношение» может быть квалифицирован как «немного выше/ниже» или «намного выше/ниже». Также еда имеет в своей семантике β -признак «не/соответствие вкусовым пристрастиям человека (индивидуальной норме)», здесь общей нормы нет, ср. *тот, кто слаще морковки ничего не ел...* Вообще признаки типа вкусный, невкусный, далекий, недалекий, пресный, серый, не/приемлемый (в переносном значении) представляют индивидуальную, субъективную норму. Они являются результатом соотнесения объекта с нормой, объективной или субъективной.

Если *Петя ни одной юбки не пропустит/вечно все забывает* – фиксация такого признака на уровне А приводит к трансформации. Указанный признак получает интерпретацию РАСПУЩЕННОСТЬ/РАССЕЯННОСТЬ, на основе структуры «субъект – отношение – объект», в которой элементы «отношение» и «объект» маркируются соответствующим образом, вследствие чего вся структура получает вид идентификационного признака финальной категории «бабник»/«растяпа» и элемент «субъект» (Петя) переходит в указанные категории.

Некоторые когнитивные модификаторы, например, концепт ДРУЖБА, реализуются в составе структуры «субъект – отношение – субъект». В этом случае первый компонент «субъект» определяет требования к заполнению второго компонента «субъект». Компонент

«мужчина» в этом положении требует исключения компонента «женщина» в позиции второго субъекта и наоборот. Исключение происходит на основе интерактивного (рождающегося при взаимодействии компонентов) признака компонента «женщина» – сексуальная привлекательность для мужчины.

Для модификации может быть задействована и структура «субъект – отношение – субъект», где категоризирующей единицей является элемент «отношение». Если указанная структура имеет вид «столкновение интересов», она реализуется в виде градуированных значений «некоторое недопонимание, ссора, острый конфликт» в зависимости от значения элемента «отношение». Близкой по реализации является структура «обида» (субъект – отношение – субъект). Причем данное отношение накладывает ограничения на замещение элемента «субъект», предполагающий равные позиции участников таких отношений. Ср., *солдат ребенка не обидит, женщин обижать нельзя.*

Рассматриваемые структуры могут осложняться дополнительными регуляторами, выработанными в данной культуре. В рассмотренной выше структуре КОНФЛИКТ задействуются ограничения на субъект как культурного (слабых обижать нельзя), так и практического характера (он слишком силен, нельзя с ним связываться). Соотношение сил сторон имеет важное значение: конфликт предполагает равенство сил, неравенство имеет два вида – один субъект сильнее другого, тогда он может не вступать в конфликт по причине отсутствия практического значения (мало чести), субъект слабее другого, тогда возникает реакция (он слишком силен, нельзя с ним связываться).

В результате, мы выделяем аспект «соотношение сил» в модификаторе КОНФЛИКТ, имеющий представленные значения и соответствующие ограничения на позиции «субъект» и возможные сценарии действий.

Интерпретативная рекатегоризация, обращенная к концептуальной системе третьего уровня, призвана определять значения позиций структуры «субъект – отношение – объект/субъект». При этом изменение значения одной позиций предполагает переход определяемого объекта в другую категорию. На ход рекатегоризации влияют также и регуляторы, характерные для данной культуры.

Трансформация Sub-Id2-Mod. Структура идентификатора

Процессы интерпретационной рекатегоризации, рассмотренные выше приводят к трансформации типа Sub-Id2-Mod, в рамках которой происходит реформирование идентификационных признаков исходного класса, формирование идентификатора финальной категории на основе β -признаков исходной категории в модусе реальности и его α -признаков.

Исходя из проведенного анализа можно утверждать, что субкатегоризация Sub-Id1-Mod имеет целью модификацию идентификатора (*журнальный столик*), а при Sub-Id2-Mod происходит **формирование второго идентификатора** – субидентификатора (*благородный человек*), действующего на фоне первого, на основе фиксации отношения объекта к категориям-маякам или эталонам. Здесь на фоне первого идентификатора «человек» формируется второй – «благородный». Выше мы обозначили этот процесс как переход потенциальных β -признаков исходной категории в статус реальных идентификаторов в составе финальной категории. Рекатегоризация происходит на основании конструкций типа «субъект – отношение – объект/субъект», концептов ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, ОБЩЕЕ – ЧАСТНОЕ, МЕСТО ВОЗНИКНОВЕНИЯ (некоторого процесса) и др.

Механизмы указанного процесса могут быть различными. Если рекатегоризация происходит на уровне Б, проявляется эффект иерархического передвижения значения категории. Категория-маяк задействует свое интерпретационное значение, например, соотнесение классов «автомобиль» или «компьютер» с классом-маяком «ведро» включает их в класс «примитивность, низкое качество, плохо пригодно для использования», поскольку абстрактная Б-семантика категории «ведро» сформирована на основании именно этих признаков. А-семантика слова «ведро» несовместима с определяемыми классами

«автомобиль» или «компьютер». Несопоставимость А-семантики порождает взаимодействие на Б-уровне.

На уровне Б «ведро» активирует значение «простые вещи с ограниченной функциональностью», а сопоставление представителя этого класса с А-семантикой исходной категории порождает включение исходного объекта в указанный класс и его рекатегоризацию. При этом исходный объект реализует одну из своих потенциальных связей – «может быть ограничена функциональность», которая реализована в идентификаторе финальной категории «простые вещи с ограниченной функциональностью». В исходной категории, обладающей соответствующей потенциальной характеристикой в виде β-признака «может быть примитивным, плохо пригодным для использования», потенциальное отношение «может быть...» меняется на реальное и объект переходит в соответствующую категорию «примитивный компьютер/автомобиль».

Привлечение представителя релевантного класса-маяка позволяет актуализировать весь спектр признаков и отношений, а также включенность в оценочный класс «ненужные вещи». Таким образом, осуществляется фиксация отношения «категория – отношение – норма», где элемент «отношение» может иметь вид положительный или отрицательный.

Подобный процесс рекатегоризации может происходить также и с потерей исходного идентификатора и наличием только субидентификатора. Например, категория «кухня» представлена на уровне А во фрейме «жилое помещение» в качестве его части, предназначенной для приготовления пищи. В составе этого множества категория имеет целый ряд признаков – помещение для приготовления пищи.

*«Для помещения, которое называется кухней, характерно наличие мест для хранения продуктов и кухонных принадлежностей (шкафы), для хранения продуктов при пониженной температуре – холодильника; а также мест для первичной и последующих обработок (мойка, разделочные столы) и термообработки продуктов (кухонная плита, духовка, СВЧ-печь), мест для размещения готовых блюд и их употребления. Кухня считается **летней**, если она используется только в тёплое время года, и **общей** если она используется многими семьями (жителями) в коммунальных квартирах, общежитиях и тому подобное».*

В целом рассматриваемое множество формируется на основе концепта ЦЕЛОЕ – ЧАСТИ, предназначенные для выполнения разных задач. Категория относится к уровню А.

В дальнейшем происходит рекатегоризация, представляющая собой модификацию компонента, обозначающего предназначение объекта – функция «приготовление пищи» заменяется на «место создания идей» (Sub-Id2-Mod). Кухня остается в виде места, где готовятся идеи, т.е. происходит трансформация «место, где готовится еда – место, где готовятся идеи». В ходе данного процесса конкретная категория должна соответствовать абстрактному процессу, поэтому она абстрагируется, лишаясь признаков, привязывающих его к конкретному, к уровню А. Подобно тому, как ракета, в ходе полета, сбрасывает ступени, категория, переходя на уровень Б, лишается идентификационного блока уровня А и непосредственно связанных с ним знаний – например, кухня может быть общей или летней.

Таким образом, на уровне Б эта категория представлена как, креативная часть некоторого процесса. При этом исходный идентификатор теряется полностью, поскольку идеи могут рождаться в самых разнообразных местах, например, *политическая кухня*:

– *В сущности здесь была маленькая политическая кухня, где в неформальной обстановке, с искренним энтузиазмом обкатывались идеи и формулировки, которые потом ложились на стол Бориса Николаевича в виде проектов его выступлений* [Костиков, 1997].

– *В Новочеркасске уже образовалась «политическая кухня», в чад у которой наезжие деятели сводили старые счеты, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершающихся на Дону событий* [Деникин, 1921].

На уровне Б, на котором могут быть представлены только абстракции, наиболее общие признаки, элемент «кухня» закономерно теряет конкретность в виде признаков шкафы, плита, мойка и т. д. Это позволяет ей стать частью такого абстрактного формирования как «политический процесс». Общий абстрактный процесс ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ имеет здесь вид «место зарождения, создания чего-либо», ср. также – *здесь зародилась Победа, в этом возрасте сформировались черты характера* и т.д.

Категория «кухня» на уровне Б представляет собой множество, характеризующееся такими позициями как «субъект» создания чего-либо (наезжие деятели), объект приложения усилий (идеи и формулировки), условия (в неформальной обстановке, атмосфера взаимной отчужденности и непонимания), в которых проходит данная деятельность.

Таким образом, преобразование Sub-Id2-Mod представляет собой формирование субидентификатора уровня Б наравне с исходным. Признаки, на основании которых формируется субидентификатор, представляют собой результат соотнесения исходной категории с когнитивными маяками и фиксации знака элемента «отношение». В результате такого соотнесения элементы со сходным знаком формируют идентификатор интерпретационной субкатегории.

Интерпретационная субкатегория уровня Б может образоваться и в ходе трансформации типа Sub-Id2-Mod на основе когнитивной координаты ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ с полным отсутствием А-идентификатора.

Характеристики α-признаков идентификатора второго типа

Поскольку идентификатор второго типа всегда ориентирован на категоризационный уровень Б, α-признаки или каузальные признаки идентификатора этого типа предполагают интерпретацию и обращение концептуальной системе третьего уровня. Каузальные признаки уровня Б имеют различный характер. Финализация может затрагивать характеристику позиции «субъект» в структуре «субъект – отношение – объект», ср. категоризацию «стреляный воробей (опытный человек)»:

– *Оно прохладное и ароматное. Виташа стреляный воробей. Он знает, где получше... Вы ее крутите получше, ручку-то...* [Окуджава, 1962].

– *Нет уж, простите, я теперь стреляный воробей, я больше не попадусь* [Аксенов, 1961].

– *Вы же стреляный воробей и должны понимать, что раз я здесь с пистолетом в руке, значит, вы на чем-то прокололись* [Милованов, 2000].

Здесь в виде постидентификационных признаков фиксируются признаки базового концепта ОПЫТ – «субъект знает то, что лучше/избегает нежелательных ситуации/знает причины явлений».

Во втором случае финализация предполагает различные способы взаимодействия с объектом:

– *Ну, меня не проведешь, я стреляный воробей* [Каралис, 1999].

– *А здесь меня на мякине не проведешь, стреляный воробей* [Медведев, 1977].

Финализация может касаться элементов «отношение» и «объект», в этом случае происходит «точная настройка» категоризации:

– *В отношении наемного работника к любому хозяину, мелкому, среднему или крупному, судя по многим опросам, доминирует подозрительное недоверие и убежденность, что «он своего не упустит», что думает не столько о людях, сколько о собственной прибыли* [Ясин, 2013].

– *Разумеется, Федор тут же позвонил следователю Баглаеву, а уж Ахмедыч своего не упустит, вопьется в этого Ламзина как клещ, хватка у него знатная* [Маринина, 2014].

Здесь единица «своего не упустит» получает измерения в элементах «отношение» (поиск выгоды), «ресурс» (ценность, степень ценности) и выделяет общее значение «хитрый, ушлый человек», значение «получать выгоду, добиваться своего, невзирая ни на что».

Таким образом элемент «субъект» (человек) получает конкретную форму (изворотливый, ловкий, хитрый и др.) в результате выяснения отношения к другим двум компонентам.

Финализация может происходить при отсутствии указания на конкретную характеристику, в этом случае подразумевается вся совокупность возможных конкретных ситуаций:

– *И уж если волею судеб, их дорожки пересеклись, то Маша своего не упустит* [Александрова, 2012].

– *Первая пара синхронно думала о второй, о том, что Дядя Тена своего не упустит* [Носов, 2005].

Рассмотренные примеры демонстрируют, что выводы из интерпретационной категоризации имеют, прежде всего, обобщенный характер. В результате трансформации Sub- α -Mod они могут быть в дальнейшем привязаны к конкретной ситуации или же оставаться в изначальном виде. Таким образом, разница между типами каузальной связи А-идентификатор – α -признаки и Б-идентификатор – α -признаки, заключается в том, что первый тип тяготеет к конкретному А-уровню, а второй – к абстрактному уровню Б.

Заключение

Функционирование категории и ее признаков происходит на двух уровнях категоризации – А и Б. На уровне А представлены признаки, отражающие характеристики концептуальной системы первого и второго уровней, а на уровне Б – абстрактные смыслы, сформированные на основании концептуальной системы третьего уровня. В целом, на уровне А представлен идентификатор первого типа и его α -признаки. При трансформации конкретного образа происходит апелляция к первичной концептуальной системе.

Принципиальной характеристикой признаков уровня А, прежде всего, идентификационного блока, является непосредственный переход от визуального восприятия к категоризации, без вмешательства отношения человека к этому миру. Идентификация подобного вида, которую мы в дальнейшем будем обозначать как **идентификацию первого типа**.

Актуализация α -признаков, связанных с данным типом идентификатора, происходит на основании обращения к вторичной концептуальной системе. При реализации потенциальных признаков функционирует концептуальная система третьего уровня.

В состав идентификационного блока первого типа и α -сегмента могут входить признаки межкатегориального взаимодействия, формирующиеся на принципиально другой основе, а именно на интерпретации. Подобные признаки, включающие элементы интерпретационной концептуальной системы третьего уровня, могут использоваться для межвидовой рекатегоризации.

Идентификация первого типа предполагает соотнесение объекта виде его частей с идентификационной основой категории – образом как целым.

На уровне Б представлен **идентификатор второго типа**, в состав которого входят основания для интерпретации исходного объекта, и его α -признаки. Функционирование такого идентификатора основано на концептуальной системе третьего уровня и связано с демонстрацией оснований для вывода. Интерпретация на основе указанных концептов третьего уровня происходит на основе конструкции «субъект – отношение – объект» с обращением к специальным категориям-маякам.

При интерпретационной субкатегоризации субординатный идентификатор лишается возможности визуального распознавания, поэтому суждение формируется на уровне А. Зафиксированный признак становится вторым полноценным идентификатором наряду с общим образом.

Прямая категоризация предполагает один идентификатор, в результате его субординатной трансформации Sub-Id1-Mod происходит модификация образа по некоторым параметрам. идентификатор не удваивается, образ-идентификатор модифицируется в одном из элементов, кроме того сужаются рамки функциональности.

При интерпретационной субкатегоризации субординатная категория предполагает два идентификатора, из которых один базовый, а второй – субординатный. Интерпретативный идентификатор субординатного уровня функционирует одновременно с базовым, но играет определяющую роль на этапе рекатегоризации.

Типы трансформаций. Трансформации рассмотренных типов признаков разделяются на три типа – Sub-Id1-Mod, Sub- α -Mod, Sub-Id2-Mod. Трансформация Sub-Id1-Mod предполагает модификацию категории на основе изменения одного из параметров первичной концептуальной системы, допускающей изменения только в рамках одного вида, т.е. внутривидовой рекатегоризации.

Трансформация Sub- α -Mod включает преобразования α -признаков, связанных с идентификатором. В отношении идентификатора первого типа трансформация Sub- α -Mod затрагивает только признаки межкатегориального взаимодействия.

Трансформация Sub-Id2-Mod представляет собой формирование субидентификатора уровня Б наравне с исходным. Признаки, на основании которых формируется субидентификатор, являются результатом соотношения исходной категории с когнитивными маяками в рамках структуры «субъект – отношение – объект». Подобный процесс рекатегоризации может происходить также и с потерей исходного идентификатора и наличием только субидентификатора. Трансформация категории с идентификатором второго типа Sub- α -Mod включает реализацию интерпретативной стратегии конкретного представления признака или способов взаимодействия с объектом.

Интерпретативная рекатегоризация, обращенная к концептуальной системе третьего уровня, призвана определять значения позиций структуры «субъект – отношение – объект/субъект». При этом изменение значения одной позиции предполагает переход определяемого объекта в другую категорию. На ход рекатегоризации влияют также и регуляторы, характерные для данной культуры.

Исходя из проведенного анализа можно утверждать, что субкатегоризация Sub-Id1-Mod имеет целью модификацию идентификатора, а при Sub-Id2-Mod происходит **формирование второго идентификатора** – субидентификатора. α -признаки или каузальные признаки идентификатора этого типа предполагают интерпретацию и обращение концептуальной системе третьего уровня.

Признаки категории α -типа подразделяются на однонаправленные и двунаправленные. Их функционирование зависит от значения компонентов структуры «субъект – отношение – объект». В зависимости от их значений инструмент категоризации (компонент «объект») может реализоваться на уровне А или на уровне Б, представляя когнитивные координаты разных уровней.

Способы трансформаций. Категории иерархической трансформации. При употреблении наименования категории в речи происходит обращение к разным уровням категоризации. инструменты категоризации делятся на два типа по способу воздействия на исходную категорию – элементы, активизирующие свое категориальное значение уровня Б или структуры, использующие свое прямое значение на уровне А. Если рекатегоризация происходит на уровне Б, категория задействует свое интерпретационное значение, А-семантика в этом случае несовместима с определяемым классом.

Категории линейной трансформации. Категории могут участвовать в процедуре рекатегоризации в составе линейной структуры. Статус элементов категоризационной конструкции «субъект – отношение – объект» следующий – второй и третий компоненты служат для определения первого, его отношения к разным ресурсам. Категория-партнер, в данном случае, воздействует на исходную структуру непосредственно, на уровне А-семантики.

Список источников

- Аксенов В. 1961. Звездный билет. «Юность», 6–7.
- Александрова Н. 2012. Последний ученик да Винчи. Москва, ЛитРес, 300 с.
- Астафьев В. 1994. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма. М., Вече, 512 с.
- Верг А. 2020. Зверь, Москва, ЛитРес, 300 с.
- Володарский Э. 2005. Дневник самоубийцы. Москва, Вагриус, 368 с.
- Гнедич П. 1894. Из записок несчастного пассажира. Библиотека максима Мащкова. URL: http://az.lib.ru/g/gnedich_p_p/text_1894_iz_zapisok_olderfo.shtml (дата обращения: 29.06.2022)
- Деникин А.И. 1921. Очерки русской смуты. В 5-ти т. Т.2: Борьба Генерала Корнилова. Париж, Я. Поволоцкий и К°, 347 с.
- Канунников С. 2004. Пять корон Хуана Фанхио. За рулем в Дзен, 1 апреля 2004 г. URL: https://www.zr.ru/content/articles/10262-pat_koron_khuana_fankhio/ (дата обращения: 29.06.2022)
- Каралис Д. 1999. Автопортрет. СПб., Геликон Плюс, 376 с.
- Костиков В. 1997. Роман с президентом. Москва, Вагриус, 368 с.
- Макеев А. 2013. Смертельный архив. Москва, ЛитРес, 260 с.
- Маринина А. 2014. Ангелы на льду не выживают. Т. 1. Москва, ЛитРес, 290 с.
- Медведев Ю. 1977. Чертова дюжина «оскаров». Техника-молодежи, 2: 38–44.
- Милованов М. 2000. Естественный отбор.
- Носов С.А. 2005. Грачи улетели. Под ред. С. Коровина. Москва, Лимбус-Пресс, 256 с.
- Овчинников В.В. 2014. Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. М., Молодая гвардия, 221 с.
- Окуджава Б. 1962. Новенький как с иголки. Аудиокниги Клуб. URL: <https://akniga.org/okudzhavabulat-novenkiy-kak-s-igolochki> (дата обращения: 29.06.2022)
- Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е). 2015. Под ред. П. Сафронова, М. Майофиса, И. Кукулин. М., Новое литературное обозрение, 720 с.
- Пивоварова И. 2010. О чем думает моя голова. Под ред. Н.Н. Родионовой. Москва, Махаон, 240 с.
- Романтическая переписка Пушкина. 2013-2023. Культура РФ. URL: <https://www.culture.ru/materials/177835/romanticheskaya-perepiska-pushkina?ysclid=16f6bwqmkh160551222> (дата обращения: 29.06.2022)
- Ясин Е. 2013. Из порочного круга. Беседа с проф. Высшей шк. экономики. Записала И. Прусс. Знание – сила, 1: 37–44.

Список литературы

- Абаев В.И. 1995. Избранные труды. В 4-х т. Т.2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, Ир, 721 с.
- Арутюнова Н.Д. 1998. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 895 с.
- Гогичев Ч.Г. 2022. О семантической основе трансформаций категорий. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 5: 3–11. DOI: [10.20339/PhS.5-22.003](https://doi.org/10.20339/PhS.5-22.003)
- Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 288 с.
- Ehrenfels Ch. 1988. Über „Gestaltqualitäten“. In: *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. Jg. 14. Hg. R. Avenarius. Leipzig, O.R. Reisland: 249–292.
- Wertheimer M. 1925. Über Gestalttheorie. *Philosophische Zeitschrift für Forschung und Aussprache*, 1: 39–60.

References

- Abaev V.I. 1995. Izbrannyye trudy [Selected works]. In: 4 volumes. Vol. 2. Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie [General and comparative linguistics]. Vladikavkaz, Publ. Ir, 721 p.
- Arutyunova N.D. 1998. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. M., Publ. Yazyki russkoy kul'tury, 895 p.
- Gogichev Ch.G. 2022. Semantic properties underlying category transformations. *Philological sciences. Scientific essays of higher education*, 5: 3–11. DOI: [10.20339/PhS.5-22.003](https://doi.org/10.20339/PhS.5-22.003)
- Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M., Publ. Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 288 p.

- Ehrenfels Ch. 1988. Über „Gestaltqualitäten“ [On “Gestaltqualities”]. In: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 14. Hg. R. Avenarius. Leipzig, Publ. O.R. Reisland: 249–292.
Wertheimer M. 1925. Über Gestalttheorie [On Gestalt theory]. *Philosophische Zeitschrift für Forschung und Aussprache*, 1: 39–60.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.02.2023

Received February 03, 2023

Поступила после рецензирования 28.08.2023

Revised August 28, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гогичев Чермен Герсанович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия.

Chermen G. Gogichev, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages No. 2, Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia.

УДК 81.1

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-505-514

Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography

¹ Lyudmila M. Buzinova, ² Tatiana G. Voloshina, ³ Tatiana V. Parnikova,
⁴ Olga O. Chernova

¹ Moscow International University,
17 Leningradsky Av., Moscow 125040, Russia

² Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

³ Gorin Belgorod State Agrarian University,
1 Vavilova St, Maysky, Belgorod Region 308503, Russia

⁴ Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russia

tatianavoloshina@rambler.ru; rluda@mail.ru; t-parnikova@mail.ru; chernovao@yandex.ru

Abstract. Cinema is one of the youngest forms of art, closely interrelated with social life. Created under the influence of certain social ideas and circumstances, and due to its accessibility and entertainment nature, it is able to have a serious impact on social groups. In modern science, the issues aimed at studying the peculiarities of ethnic stereotypes through cinematography have not been fully covered, so there is a need to study the specifics of the national character on the example of ethnic stereotypes by cinematographic means. The aim of the research work is to identify the specifics of auto and hetero stereotypes about Americans and Russians on the example of modern cinema in the USA and Russia. It is established that the specificity of ethnic stereotypes represented by modern films of the USA and Russia depends on the culture of the society, the conditions of its development, the depth of contacts between ethnic groups in the process of historical development. The national character is formed with the help of stereotypes describing ethnicity, stressing the most important characteristics distinguishing one culture from another. Despite the long-term intercultural interaction, films representing modern life in the USA and Russia reflect positive auto stereotypes and negative hetero stereotypes, which is dictated by the desire for the superiority of their own culture.

Keywords: cross cultural communication, ethnic stereotypes, auto stereotypes, hetero stereotypes, films, the USA, Russia

For citation: Buzinova L.M., Voloshina T.G., Parnikova T.V., Chernova O.O. 2023. Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 505–514. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-505-514

Этнические стереотипы в современном кинематографе

¹ Бузинова Л.М., ² Волошина Т.Г., ³ Парникова Т.В., ⁴ Чернова О.О.

¹ Московский международный университет,
Россия, 125040, Москва, Ленинградский проспект, 17

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

³ Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,
Россия, 308503, Белгородская область, Белгородский район, поселок Майский, улица Вавилова, 1

⁴ Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46

tatianavoloshina@rambler.ru; rluda@mail.ru; t-parnikova@mail.ru; chernovao@yandex.ru

Аннотация. Кинематограф представляет собой один из наиболее молодых видов искусства, тесно взаимосвязанный с жизнью общества. Создаваемый под воздействием определенных социальных

идей и обстоятельств, он, в силу доступности и развлекательного характера, способен оказывать серьезное влияние на социальные группы. В современной науке вопросы, направленные на изучение особенностей этнических стереотипов посредством кинематографа, не были в полной мере освещены, поэтому возникает необходимость изучения специфики национального характера на примере этностереотипов кинематографическими средствами. Целью исследования является выявление специфики авто и гетеростереотипов об американцах и русских на примере современного кинематографа США и России. Установлено, что специфика этнических стереотипов, репрезентируемых современными фильмами США и России, зависит от культуры общества, условий его развития, глубины контактов между этническими группами в процессе исторического развития. Национальный характер формируется с помощью стереотипов, описывающих этническую принадлежность, выделяя наиболее важные характеристики, отличающие одну культуру от другой. Несмотря на продолжительное межкультурное взаимодействие, фильмы, репрезентирующие современную жизнь в США и России, отражают положительные автостереотипы и отрицательные гетеростереотипы, что продиктовано стремлением к превосходству собственной культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этнические стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, американские кинофильмы, русские кинофильмы

Для цитирования: Buzinova L.M., Voloshina T.G., Parnikova T.V., Chernova O.O. 2023. Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 505–514. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-505-514

Introduction

Stereotypes arise in a national group through the contact of cultures of any specific peoples. Any nation has its own characteristics that help to distinguish ethnic cultures among themselves. In this process of differentiation, there is a tendency for ethnic stereotypes to appear. Ethnic stereotypes are a kind of ethnic group image or idea undertaken by the group itself or by other ethnic group. Judgments about the original human images of some ethnic group to another is the basis for the ethnic stereotypes concept in modern linguistics.

The role of ethnic stereotype is still the subject of arguments in works by many modern linguists. Ethnic stereotypes in modern mass media have been analyzed in works by M. Appel and S. Weber [Appel, Weber, 2021] and M. Arai, M. Gartell, M. Rödin, G. Özcan [Arai et al., 2021]. Courses of ethnic stereotypes are the question to be discussed by A. Schmalor, B. Cheung, S. Heine [Schmalor et al., 2021]. Gender ethnic stereotypes are analyzed in works by D. Grigoryev, S. Fiske, A. Batkhina [Grigoryev et al., 2019]. Ethnic stereotypes in different cultures have been examined in researches by H. Kil, R. Noels, D. Lascano, O. Schweickart [Kil et al., 2019]; A. Kroon, D. Trilling, T. Raats [Kroon et al., 2021]. Ethnic media stereotypes and humor construction among friends is the subject in works by S. Sierra [Sierra, 2019].

Some linguists pay attention to the ethnic stereotypes revealed through films, this question has been analyzed by E. Cuelenaere, G. Willems and S. Joye [Cuelenaere et al., 2019]; stereotypes revealed in animated films have been studied by A. Lindgren [Lindgren, 2020]. Still in modern linguistics there are many aspects of ethnic stereotypes to be analyzed, and the question of different ethnic groups' stereotypes representation in the period of language contacts is one of them.

The scientific problem lies in the constant changing reality of language and cultural contacts, on the one hand, and in the basic cultural identity as the unchangeable component making the ground of the certain national character, on the other hand. Therefore, there's a need for linguistic and cultural analysis of traditional qualities of national character and qualities acquired in the conditions of transforming reality.

The perspective of the problem is seen in the research identifying main features of ethnic mentality in the era of adaptation to modern reality peculiarities.

Particular ethnic group representatives have their own mental and psychological qualities, certain types of communication among different peoples arise on the basis of ethnic stereotypes.

The content of ethnic stereotypes also depends on the specifics of society and culture, the conditions of their development, as well as on the depth of contacts between ethnic groups in the process of historical and cultural development. The national character is formed through stereotypes that form and describe ethnicity, stressing the most important characteristics and properties that distinguish cultures. Acting as a kind of ideal ethnic model, the national image is made through the influence of one's own behaviour pattern and the expectations of others.

The relevance of the research lies in the fact that the problem of ethnic stereotypes role in the perception of national character is becoming increasingly important in modern realities conditions. The object of the research work is ethnic stereotypes and ethnic linguistics ideas due to ethnic stereotypes. The subject of research lies in the specific functioning ideas of ethnic stereotypes due to the national character understanding.

The research work is aimed at analyzing the role of ethnic stereotypes while studying American and Russian national character depending on the language and culture perception. The purpose of the study determined the range of its tasks which are: to consider the theoretical aspects of ethnic stereotypes and ethnic linguistics; to analyze the role of ethnic stereotypes on the example of American and Russian national character; to compare American and Russian languages and cultures and reveal similarities and dissimilarities based on the example of ethnic stereotypes.

Methods

Our research highlights general scientific methods and methods of linguistic research. General scientific methods include generalization, abstraction, formalization, analysis, synthesis. In our research work generalization, analysis, synthesis are used to register and describe linguistic facts, their theoretical generalization based on methodological provisions.

Methodology of linguistic methods include descriptive method. The research procedures contained in the descriptive method help to identify the units of language and the system relations, as well as to investigate not only their qualitative, but also their quantitative properties. The comparative method of research is based on synchrony which helps to establish both the distinctive features of languages and the characteristics inherent in each language separately. The purpose of comparative language research is to consistently identify contrasts and differences between different languages. This method is a set of procedures for comparing English and Russian languages and cultures in order to identify similarities and differences.

Results and discussion

Ethnic stereotype are a socially conditioned image of one's own ethnic community, also defined as autostereotypes, or an idea of other ethnic communities, defined as heterostereotypes.

Stereotypes appear due to a person's desire for thoughts economy: the reduction of abstract concepts to concrete images, simplification, concretization, description of a large group of people as a single, united by common characteristics. These stereotypes arise due to the efforts of people's thinking economy, that is, the reduction of theoretical concepts to general images, simplification and description of a specific large group of people as a whole and held together by common features. Ethnic stereotypes come from the process of direct contacts, as well as from the process of communication informal forms such as jokes, sayings, films, music, etc., it is between peoples with the participation of prejudices rooted in historical tradition.

The results of numerous researches proved that any ethnic group can be fundamentally different from its existing stereotypes. A stereotype is a kind of indicator of the nation identity, and it should be treated more carefully. Sympathy or dislike for the people of a country based on a stereotype leads to contradictory and sometimes false stereotypes about them. An ethnic stereotype is a kind of projective test that is applied to the entire ethnic group, and the creator of the stereotype idea shows his personal psychological characteristics which can't be true.

As already mentioned, there are two types of ethnic stereotypes which are auto- and hetero stereotypes. Auto stereotype is the judgments, assessments and opinions of representatives belonging to specific ethnic communities. Most often, auto stereotypes include a lot of positive reviews. Hetero stereotypes are a set of value judgments of certain ethnic communities representatives in relation to other ethnic groups. Unlike the first type, hetero stereotypes of people can be completely different in nature. This is influenced by the historical experience of the interaction of these groups.

Factors influencing the formation of hetero stereotypes are: features of human socialization; the image of the country, political relations between countries; the level of knowledge and technological development; the image of the nation; the basic communication experience and interaction with other groups; the image of current politicians. These types of stereotypes are not autonomous units at all, but interconnected components in the structure of the individual or group consciousness development. The difference between these phenomena shows the degree of mutual understanding and psychological identity between ethnic groups. Stereotypes about one's own people are always more diverse and complicated due to the lack of information in the hetero stereotypes ideas of other people in relation to this ethnic group and detailed knowledge that strengthens auto stereotypes. Auto stereotypes are images of their ethnic group most of which are characteristics of the cultural acceptance of their subordinates. Hetero stereotypes usually represent an area of negative qualities that are unpleasant and undesirable in their culture, and therefore, in fact, denied.

Ethnic stereotypes may have positive and negative emotional effects. Hetero stereotypes are often divided into stereotypes of contempt, envy, admiration, etc. According to the criteria of evaluation of emotions there are two types of stereotypes - positive and negative. Positive stereotypes are some kind of approving statements, judgments and assessments of the whole people or its certain characteristics. The negative stereotype consists in the statement that the ethnic group has certain negative features and characteristics. The number of positive auto stereotypes usually exceeds the number of negative ones, but the latter still exist, and their number may increase during certain periods of the ethnic groups existence.

Different types of stereotypes can also be distinguished by subject or volume. There are stereotypes regarding gender (as social groups or categories), professions and any other groups. Modal ethno stereotypes are formed on the basis of the assumption that the modal personality of an ethnos exists. Stereotypes about modal (or basic) personality characteristics are called modal ethno stereotypes. They can also be called the main features of ethnic (racial) characteristics and, therefore, can also be attributed to the main ethnic stereotypes. Modal ethno stereotypes are divided into two groups: modal auto stereotypes and modal hetero stereotypes.

Characteristics of ethnic stereotypes are: they can be false and can serve as the basis for new even more incorrect stereotypes; they may not be absolutely true, but may be based on ideas close to reality; they do not reflect reality, but represent a simplified and distorted label of reality; they are extremely stable, but still changeable.

Ethno stereotypes structure has four components which are; the content – traits or characteristics related to any social or ethnic groups; the uniformity while people to some extent agree that a given group really has the characteristics attributed to it; the intensity - the degree of prejudice against ethnic groups. This characteristic of the stereotype is determined by ranking the characteristics attributed to the group; the orientation which indicates the perception of a stereotypical object: positive or negative. It is determined by the ratio of positive and negative characteristics of the stereotype. This concept shows that stereotypes should be understood as social attitudes.

The functions of ethno stereotypes include: psychological function – to simplify and systematize information, to preserve and protect personal value; socio-psychological function – the desire to minimize differences between countries and the desire to maximize differences between different ethnic groups, to correct the functions of stereotypes in order to correct our attitude towards representatives of any group; social function – identification function, broadcast function.

Ethnic stereotypes in the language and culture of the USA and Russia based on the example of cinematographic modern art

Features of ethnic stereotypes of Russia: on the example of films

Modern cinema contributes to the formation of ways to overcome ethnic stereotypes. The authors present and consider relevant problems of interethnic relations through the prism of films. Although cinema is a part of public over a hundred years it still has a high degree of importance in shaping the consciousness of viewers' worldview. Cinema makes public opinion, views on ethno stereotypes, and helps to overcome them as well, and Russian cinema was no exception. Let's analyse examples of such stereotypes based on movies and cartoons of the 20th-21st century:

Andrey Kravchuk's drama "The Italian", released in 2005, tells about a small orphanage worker who wants to adopt a childless Italian couple. This film illustrates the importance concept of mother, Motherland, Fatherland, honour and loyalty. The Italian couple appears in the film sporadically as an image of well-being, prosperity and partly oblivion of the Motherland. It should be mentioned that Italian families are leaders in the adoption of children from Russia.

Reproaches from the Italians also deserved some attention in Soviet cartoons – "Robbery by Italians" (1978), revealing the episode by the author Efim Hamburg, as well as the images of two charming, from the point of view of the Soviet viewer, bandits in the animated series by David Cherkassky "The Adventures of Captain Vrungel" (1976–1979). These works are perceived by modern Italians as their caricature where they are shown in an extremely unfavourable image: petty, fussy, prone to adventures and crime".

The film by Boris Rostov and Alexander Samokhvalov "We are from the Future 2" (2010) shows moments where Ukrainians are directly exposed as cowardly. This is a vivid, illustrative example of disrespect and hatred for people of Ukrainian nationality. Probably the brightest Russian film on ethno stereotypes is the legendary work of Alexey Balabanov "Brother-2" (2000). This film shows a huge number of stereotypes for each nationality indicated in the film. Basically, these are negative hetero stereotypes in relation to Americans, Ukrainians, and many other nationalities. Russian auto stereotypes are also shown in the film from the good side (the main character, Danila Bagrov, is a guy of Russian nationality, he is presented as a smart, brave, strong, honest, and cold-blooded person in relation to enemies). In general, the film is completely saturated with the propaganda of excessive patriotism, but it will never get worse from this. The film contributes to the destruction of old myths about Russia and contributes to the construction of a new myth in which we see a warrior capable of making serious decisions on his own. In the film, the reflective intellectuals of classical Russian literature were replaced by an active, capable of making decisions independently, a young hero from among "little people" who protects national interests not by word, but by deeds.

Also, an example can be attributed to the advertising of "Golden Barrel beer". In this advertisement, the main character is a brewer from Germany who dreams of visiting Russia. In this case, the choice of the nationality of the protagonist is due, on the one hand, to Russian hetero stereotypes about Germans. In this way, the authors decided to emphasize the quality of their product. This hero, on the other hand, in addition to his stereotypical external features, is also distinguished by some qualities that Russian people usually characterize German nationality.

Features of ethnic stereotypes of the USA: on the example of films

The culture of the USA can be confidently called a set of stereotypes. Americans are among the first who introduced television into everyday life. Since the beginning of the twentieth century, they began to shoot dozens and hundreds of films and cartoons, many of which, secretly or on the surface, have various types of stereotypes, including ethnic ones. Not much has changed since those times as even nowadays ethno stereotypes appear in their film work. Let's take as an example the mention of Russia in the US cinema.

Unlike Russian media mentioning the USA depends on the events taking place almost half of all American films mention events taking place in Russia. In Hollywood interest to Russia is actual nowadays. These stereotypes in the modern world can be called eternal. The most popular stereotypes are about the peculiarities of the Russian climate (strong frosty winter). Russian roulette, reflecting historical realities to a greater extent, remain in the associative range of Americans to this day as well, stereotypes generated by the era of confrontation between the United States and the USSR, the “Cold War”, all these aspects are still largely determined to represent Russians on the screen.

Quite often, Russians are a very religious people in the view of Americans’ ethno stereotype. This idea is also reflected in movies. In the film “The Red Sparrow” by Francis Lawrence, the main character is presented as a typical Russian – before going on stage, the heroine crosses herself and makes a three-fold bow to the ground. In this way they show their vision that the Russian people are deeply religious and superstitious, that everyone has a cross on their body, and everyone regularly goes to church.

In 1998, Walter Hill's cult film “Red Heat” with Arnold Schwarzenegger in the title role was released. He plays a Soviet policeman, KGB agent Ivan Danko. Here, the Russians, by the example of the main character, are shown as hard-headed, gloomy, obsessed with their goal people, they are ready for everything to reach their goal.

Russian people are often portrayed as villains in movies, for example, in the movie “Rocky 4” by Sylvester Stallone, the boxer Ivan Drago is such a cult villain. In this film he embodies the whole spirit of the Soviet Union, and Russia in particular. The real man is a mountain, emotionless, mysterious and deadly dangerous.

Also, do not forget about the favourite thing of Russians, according to Americans – alcoholism. Residents of the United States believe that no Russian person, regardless of profession and rank, will not live a week without a bottle of vodka. Thus, they show stereotypical thinking about our moral weakness and confusion. In cinema, such an example can be observed in the film “RED” by Robert Schwentke. In the film one of the main characters in the plot comes to the Russian Embassy to the head of counterintelligence. The charming and not at all stupid boss seats the hero at the table and, first of all, opens a two-liter bottle, after which they drink without even wincing.

Also, Russians are often shown as not even having any concepts about discipline and skill. If there is a Russian mechanic in the film, his whole job is to hit a broken thing with a wrench. As an example, you can take a Russian mechanic on the international space station from the movie “Armageddon” released in 1998. He is shown as an eternally drunk and having no basic professional skills.

On the contrary, American filmmakers almost always label their ethnicity as the ideal one. Watching an American movie, TV series or cartoon, you can often notice that their nation is the most well-coordinated system worldwide. People on the streets are always dressed fashionably, their behaviour is absolutely predictable, and they will never make any mistake.

One of the main features that distinguish Hollywood cinema from the cinema of other countries is the so-called superpower of the main character. Any American citizen, if he is the main character, has a number of traits and characteristics inherent only in superheroes. An example is the movie “Indiana Jones and the Temple of the Crystal Skull” where the main character, who is essentially an ordinary archaeologist, has the skills of all activities, ranging from martial arts and shooting, ending with hacking and magnificent eloquence. He easily captures the hearts of women and the destinies of enemies on the way to the realization of his goal. In this film, there are also Russians, in the role of special forces, again Russians are illustrated as stupid machines to carry out orders. Thus, American authors present auto stereotypes as the truth, elevating the American nation above all others.

Based on the above, we can say with full confidence that stereotypes in cinema have always been and will always be, this is an eternal problem. Without relying on any facts, directors and screenwriters use ethnic stereotypes for their own purposes, whether positive or negative.

One must stress, the analyses of USA and Russian films proved that the most productive are positive auto stereotypes and negative hetero stereotypes. This is not surprising as we live in a time when people cannot know the full truth about a foreign nation. Even after the invention of the Internet when everyone can literally find information about anything in a minute, including about other ethnic groups, still there are many false stereotypes.

The analysis showed Russians in films openly show Americans (and other ethnic groups) as a greedy people who have no concepts of altruism, selflessness and kindness. Auto stereotypes are usually of a positive nature, showing how perfect everything is in society, and how gracefully we handle life situations.

The Americans, in turn, are doing the same thing, only in the opposite direction. Everyone except the Americans themselves are fools and barbarians who have remained far beyond the development that the American ethnos has reached. First of all, this concerns the Russian nation, which is for them the apogee of evil and cynicism. Summing up, in modern realities cinema has reached the peak of its influence on the consciousness of the people. And ethnic stereotypes, even the most harmless ones, can greatly upset the bearers of these stereotypes. The authors present these stereotypes as an educational function within their country, develop extreme patriotism and hostility to other ethnic groups. After all, it does not matter how many years have the United States and Russia been on friendly terms, still the nations are extremely negative towards each other. This is a big problem, and it requires a lot of attention as the more people learn negative stereotypes and begin to believe them, the more aggression grows. This technique has been used by the authors of cinema for decades. Cinema is indeed a kind of information weapon of modern states.

In conclusion, the subject of the research work is relevant today, since ethnic stereotypes are one of the most important components of the national character. Based on the research work a number of logical conclusions can be mentioned:

–Ethnic stereotypes can be viewed from two points of view:

ethno stereotypes are a certain image or a number of characteristics typical for one ethnic group or the image of representatives of other communities in the perspective of this ethnic group.

ethno stereotypes as a cultural representation are is a kind of mental image or verbal shell. In this sense, stereotypes can be both processes and results of communication. Everything that concerns ideas about the culture of ethnic groups in this case can act as stereotypes.

–The conformity of the individual to group representations is one of the main sources of ethno stereotypes:

that is why basically a person shares existing, ready-made stereotypes in his group, and does not create them. An individual is always forced to adapt to the world around him, and therefore he accepts and assimilates a system of ethnic stereotypes. In this vein, stereotypes teach people the concept of “friend – foe” and make different opinions about other ethnic groups in future.

–The concepts of ethno stereotype and national character are, in fact, identical:

These concepts are formed under the influence of the historical and cultural environment of the ethnos. National character is a generic concept that includes an ethnic stereotype as part of one whole, and this is the only difference.

–Ethno stereotypes are almost always perceived and formed by individuals throughout life:

From an early age a person trusts people who are authoritative for him, they are parents, educators, teachers. Growing up, he begins to draw this information from the media, cinema, music, etc.

–Ethno stereotypes can be used to theoretically strengthen nationalism:

Thus, ethno stereotypes can be created intentionally in order to form new prejudices and prejudices against another nation, thereby leading to interethnic conflicts. They often make an

unfair attitude towards any ethnic group. And this, in turn, leads to such results as violence, discrimination and violation of the rights of another ethnic group.

– Ethno stereotypes are quite a frequent phenomenon in cinema:

Cinema nowadays is one of the most popular ways to get new information. A special tool for reflecting stereotypes is the language of cinema. It is understood as a system of expressive means that perform the function of semantic expression of such stereotypes. Most often, filmmakers use positive auto stereotypes and negative hetero stereotypes. Thus, the authors subconsciously install in the viewer excessive patriotism and “oblique views” towards representatives of other people.

Conclusions

Ethnic stereotypes represent a certain number of characteristic features peculiar to a particular ethnic group, or the image of other communities’ representatives about this ethnic group. Reflecting a certain kind of the mental image stereotypes affects the interlocutor attitude in cross cultural communication. The correspondence of an individual to group representations is one of the main sources of ethno stereotypes. An individual is always forced to adapt to the surrounding world, and therefore he accepts and assimilates a system of ethnic stereotypes. Stereotypes teach people the concept of “friend – foe” and make different opinions about other ethnic groups. Modern cinema reflects a person's life in the cross cultural space, representing the features of numerous “foreign” cultures, creating a certain image. Often such an image is based on a stereotypical idea of a particular ethnic group or people. Despite the fact that modern society is becoming more conscious and tolerant, stereotypes represented by means of cinema remain relevant. Stereotypes, divided into auto and hetero stereotypes, are often associated with gender, nationality, profession and other characteristics of the characters.

The research work has proved that Russian films have revealed such auto stereotypes of Russians as patriotism, love to family members, while the hetero stereotypic idea of Russians in US films includes passion to drunkenness, stupidity, insensitivity, laziness. Such ideas demonstrate stereotypical thinking about Russian moral weakness and indecision. Auto stereotypes represented by US films include the desire to be successful in life, patriotism, independence, while ambitiousness, unscrupulousness, careerism are key in the list of hetero stereotypes about Americans in Russian films. Despite the long period of historical interaction between Russian and American cultures, the stereotype representation of each other is still based on a negative stereotypical representation.

The practical results of the research work prove

Speaking about the prospects for further research, it should be noted that modern cinema has unlimited possibilities to reflect the peculiarities of modern multicultural society. We believe the idea of gender stereotypes representation by means of cinematography in modern Russian and American films is of great interest taking into consideration the different attitude towards this peculiar question.

References

- Appel M., Weber S. 2021. Do mass mediated stereotypes harm members of negatively stereotyped groups? A meta-analytical review on media-generated stereotype threat and stereotype lift. *Communication Research*, 48(2): 151–179. DOI: [10.1177/0093650217715543](https://doi.org/10.1177/0093650217715543)
- Arai M., Gartell M., Rödin M., Özcan G. 2021. Ethnic stereotypes and entry into labor market programs. *ILR Review*, 74(2): 293–320. DOI: [10.1177/0019793919899937](https://doi.org/10.1177/0019793919899937)
- Cave S., Dihal K. 2020. The whiteness of AI. *Philosophy & Technology*, 33: 685–703. DOI: [10.1007/s13347-020-00415-6](https://doi.org/10.1007/s13347-020-00415-6)

- Cuelenaere E., Willems G., Joye S. 2019. Remaking identities and stereotypes: How film remakes transform and reinforce nationality, disability, and gender. *European Journal of Cultural Studies*, 22(5–6): 613–629. DOI: [10.1177/1367549418821850](https://doi.org/10.1177/1367549418821850)
- Grigoryev D., Fiske S., Batkhina A. 2019. Mapping Ethnic Stereotypes and Their Antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers Psychology*, 10. DOI: [10.3389/fpsyg.2019.01643](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643).
- Kil H., Noels R., Lascano D., Schweickart O. 2019. English Canadians' cultural stereotypes of ethnic minority groups: Implications of stereotype content for acculturation ideologies and immigration attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 70: 104–118. DOI: [10.1016/j.ijintrel.2019.03.005](https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.03.005)
- Kroon A., Trilling D., Raats T. 2021. Guilty by association: Using word embeddings to measure ethnic stereotypes in news coverage. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 98 (2): 451–477. DOI: [10.1177/1077699020932304](https://doi.org/10.1177/1077699020932304)
- Lindgren A. 2020. An Animated Stereotypes: Analysis of Disney's Contemporary Portrayals of Race and Ethnicity. Pro graduavhandling i engelska språket och litteraturen Handledare: Jason Finch. Fakulteten för humaniora, psykologi och teologi Åbo Akademi. Available at: <https://www.doria.fi/handle/10024/177138> (accessed: March 3, 2023).
- Schmalor A., Cheung B., Heine S. 2021. Exploring people's thoughts about the causes of ethnic stereotypes. *PLoS One*, 16 (1):e0245517. DOI: [10.1371/journal.pone.0245517](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0245517)
- Sierra S. 2019. Linguistic and ethnic media stereotypes in everyday talk: Humor and identity construction among friends. *Journal of Pragmatics*, 152: 186–199. DOI: [10.1016/j.pragma.2018.09.007](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.09.007)
- Thielemann N. 2020. Allusive talk—Playing on indirect intertextual references in Russian conversation. *Journal of Pragmatics*, 155: 123–134. DOI: [10.1016/j.pragma.2019.10.012](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.10.012)
- Ward L., Grower P. 2020. Media and the development of gender role stereotypes. *Annual Review of Developmental Psychology*, 2: 177–199. DOI: [10.1146/annurev-devpsych-051120-010630](https://doi.org/10.1146/annurev-devpsych-051120-010630)
- Yosso T. 2020. Critical race media literacy for these urgent times. *International Journal of Multicultural Education*, 2(22): 5–13. DOI: [10.18251/ijme.v22i2.2685](https://doi.org/10.18251/ijme.v22i2.2685)
- Yu Y., Hao Y., Dhillon P. 2022. Unpacking gender stereotypes in film dialogue. In: Social Informatics. Proceedings 13th International Conference (October 19–21, 2022). Eds. F. Hopfgartner, K. Jaidka, P. Mayr, J. Jose, J. Breitsohl. Glasgow, UK: 398–405. DOI: [10.1007/978-3-031-19097-1_26](https://doi.org/10.1007/978-3-031-19097-1_26)

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Поступила в редакцию 21.07.2023

Received July 21, 2023

Поступила после рецензирования 21.08.2023

Revised August 21, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Lyudmila M. Buzinova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross cultural communication, Moscow International University, Moscow, Russia.

Бузинова Людмила Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский международный университет, г. Москва, Россия.

Tatiana G. Voloshina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Second Foreign Language, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Tatiana V. Parnikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Gorin Belgorod State Agrarian University, Belgorod, Russia.

Парникова Татьяна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, г. Белгород, Россия.

Olga O. Chernova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

Чернова Ольга Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-515-522

Идиостилевая специфика публицистического текста (на материале периодических изданий НИУ «БелГУ»)

Жигулина Т.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
zhigu.tatyana@yandex.ru

Аннотация. Сложность природы публицистического стиля обуславливается несколькими факторами: разнообразием задач, стоящими перед автором, ситуацией общения и окружающей действительностью. В современных изданиях представлены многочисленные публикации по данной проблематике, однако практически отсутствуют исследования по комплексному рассмотрению идиостилевого пространства публицистических текстов в рамках коммуникативно-деятельностного подхода. Цель исследования – выявить специфику идиостилевого пространства публицистических текстов НИУ «БелГУ». Для изучения проблемы был проведен количественный анализ регулятивных средств (заголовков). С помощью интерпретации имплицитных смыслов определены особенности смыслового развертывания публицистического текста. Проведенное исследование позволило выявить регулятивные средства и стилистические маркеры и сделать вывод о функциональных особенностях публицистического стиля периодических изданий НИУ «БелГУ». Наряду с информационной и воздействующей функцией нами выделена популяризаторская функция. Результаты исследования выявляют новые возможности изучения экстралингвистических факторов и имплицитных структур публицистических текстов, с помощью которых порождаются специфические языковые особенности текста периодических изданий.

Ключевые слова: идиостиль, идиостилевое своеобразие, публицистический текст, регулятивные средства, функции публицистического стиля

Для цитирования: Жигулина Т.С. 2023. Идиостилевая специфика публицистического текста (на материале периодических изданий НИУ «БелГУ»). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 515–522. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-515-522

Idiostyle Specifics of a Journalistic Text (Based on the Material of the Newspaper NRU "BelSU")

Tatiana S. Zhigulina

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
zhigu.tatyana@yandex.ru

Abstract. The complexity of the nature of the journalistic style is determined by several factors: the variety of tasks facing the author, the communication situation and the surrounding reality. Modern publications present numerous publications on this issue, but there is practically no research on a comprehensive consideration of the idiostyle space of journalistic texts within the framework of the communicative-activity approach. The purpose of the study is to identify the specificity of the idiostyle space of journalistic texts of the National Research University "BelSU". To study the problem, a quantitative analysis of regulatory means (headings) was carried out. Using the interpretation of implicit meanings, the features of the semantic development of a journalistic text are determined. The conducted research made it possible to identify regulatory means and stylistic markers and draw a conclusion about the functional features of the journalistic style of periodicals of the National Research University "BelSU". Along with the informational and influencing function, we have highlighted the popularization function. The results of the study reveal

new opportunities for studying extralinguistic factors and implicit structures of journalistic texts, with the help of which specific linguistic features of the text of periodicals are generated.

Keywords: idiosyle, idiosyncrasy, journalistic text, regulatory means, functions of journalistic style

For citation: Zhigulina T.S. 2023. Idiostyle Specifics of a Journalistic Text (Based on the Material of the Newspaper NRU "BelSU"). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 515–522 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-515-522

Введение

Особенностью публицистических текстов является их обусловленность экстралингвистическими факторами. Научный интерес к индивидуальному стилю берет свое начало с середины XX века. Основоположником данной лингвистической категории является В.В. Виноградов, считавший ключевыми языковые средства создания образов художественных произведений. Л.Г. Кайда определила лингвокреативную природу публицистического текста, основным признаком которого является оценочность, представляющая «социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям» [Кайда, 2007, с. 58]. Г.Я. Солганика считал социальную оценочность основной «специфической чертой газетно-публицистического стиля, которая проявляется на всех уровнях языка» [Солганик, 2003, с. 37]. Н.И. Клушина выделила информационный и собственно-публицистический подстили публицистического стиля [Клушина, 2010, с. 3]. Н.С. Болотнова рассматривала в качестве идиостиля «индивидуально-авторские особенности мировидения и текстовой действительности, отраженные в тексте как форме» [Болотнова, 2009, с. 36].

Целью проведенного исследования является выявление специфики идиостилевого пространства публицистических текстов НИУ «БелГУ» при помощи анализа регулятивных средств.

Объекты и методы исследования

Объектом данного исследования являются тексты периодических изданий НИУ «БелГУ» («Учительская смена», «Будни» и «Вести БелГУ») с 1986 по 1989 г. и с 2000 по 2023 г. Предмет исследования – виды заголовков текстов периодических изданий НИУ.

Коммуникативно-стилистический подход к рассмотрению идиостиля предполагает выявление индивидуально-авторских смыслов и анализ «средств и способов регулятивности текста» [Болотнова, 2009, с. 36]. В рамках коммуникативно-стилистического подхода к исследованию коммуникативных и культурно обусловленных особенностей идиостилевой специфики публицистического текста нами используются следующие методы: контекстуального анализа – для выявления взаимосвязи целого текста и его отдельных частей; описательный, реализация которого осуществляется приемами наблюдения, интерпретации и обобщения – для исследования воздействующего потенциала регулятивных структур.

Результаты исследования и их обсуждение

Идиостилевая специфика публицистического текста нами понимается как комплекс языковых, стилистических и коннотативных средств, характерных для вузовской периодической печати, которая выявляет своеобразие образовательных, воспитательных и ценностных универсалий. Рассмотрение регулятивности текста является одним из направлений коммуникативной стилистики, Е.В. Сидоров выделяет следующие функции текста, связанные с регулятивностью: информативность, структурность, интегративность.

В публицистическом тексте информационная функция «направлена на оперативное сообщение о событиях и фактах» [Кожина, 1983, с. 307], по мнению Т.М. Дридзе, под

информативностью следует понимать «способность служить источником информации» [Дридзе, 1980, с. 38]. Например: «В НИУ "БелГУ" – новый руководитель» (2023). Информативность представлена лаконичным предложением, а отсутствие сказуемого придает новости речевую выразительность.

Структурность текста носит всеобъемлющий характер и соотносится с его «общей целевой программой» [Болотнова, 2003, с. 15]. По мнению Т.М. Дридзе, «реализация информационно-целевого анализа» состоит из двух компонентов: внешнего анализа текста (при учетывании авторства, времени написания и публикации, географической принадлежности, источника информации) и «анализа макроструктуры» [Дридзе, 1984, с. 2]. Автор выделяет 4 порядка предикаций: 1) коммуникативные намерения автора возможны благодаря 2) аргументации, которые подкрепляются 3) иллюстрациями и 4) второстепенными элементами в виде описания фона или атмосферы.

Приведем пример. Коммуникативные намерения автора обозначены в заголовке «Смело берись за дело». Аргументацией намерения служит контекст: «*Этот год для всех нас – особенный: год 70-летия Великого Октября, XX съезда ВЛКСМ, активной перестройки вузовской жизни. А для вас, первокурсники – это еще и год поступления в БГПИ*» [Учительская смена, 3 июня, 1987, № 21(93), с. 2]. Для успешной реализации воздействия на адресата автор прогнозирует потенциально положительные для читателя будущие события в форме пожелания и акцентирует внимание с помощью сообщения о востребованности адресата: *Впереди у вас самая счастливая пора – студенческая. Пусть она принесет вам радость общения с новыми людьми, сознание творческих сил, удовлетворение от честно выполненной работы. Стране нужны ваши молодые, нерастраченные по пустякам силы, инициатива, боевой дух, самостоятельность.* В качестве второстепенных элементов адресант оставляет за читателем право выбора того направления, в котором он должен проявить свою активность: *Вы сможете проверить себя на прочность и в трудовой, и в общественно-политической деятельности.* Наконец, автор повторно сообщает о своих коммуникативных намерениях, но эмоционально: *Только не проходите мимо! Горите сами и зажигайте других* [там же]. Таким образом, структурность текста проявляется еще в одной особенности – кольцевой композиции.

Интегративность выполняет объединяющую функцию частей текста «в целях достижения целостности» [Кожина, 2003]. В качестве «категории текста, обеспечивающей последовательное осмысление» рассматривает интегративность И.Р. Гальперин [Гальперин, 1981, с. 124], М.М. Бахтин отмечает, что интерпретация воли и интенций говорящего фокусирует «целое высказывание, его объем и границы» [Бахтин, 1979, с. 58]. Продолжает данную мысль Т.М. Дридзе, подчеркивая роль замысла в объединении всех элементов текста «в единую целостную структуру» [Дридзе, 1984, с. 37]. В связи с этим следует отметить, что в публицистическом тексте интегративность связана с интенциональными установками автора. Например, средством интеграции в текстах газеты «Учительская смена» служат заголовки сообщения, в которых обозначены темы того или иного номера.

По мнению Н.С. Болотновой, идиостиль отражается «в целевой направленности текста» [Болотнова, 2009, с. 36], регулятивность которого «имеет прагматическую основу и соотносится с модальностью, эмотивностью, экспрессивностью, прагматичностью» [Болотнова, 2009, с. 161]. Под прагматичностью нами понимается способность реализации информационной и воздействующей функции публицистического текста, обусловленной интенцией автора и его коммуникативной стратегией. Н.С. Болотнова рассматривает регулятивные средства с учетом их дифференциации и подчеркивает, что «выбор регулятивных средств и структур определяется авторским замыслом» [Болотнова, 2011, с. 34].

Заголовки статей в текстах периодических изданий НИУ «БелГУ» обладают регулятивным потенциалом. И.Р. Гальперин отмечает: «Заголовок – это компресси-

рованное, нераскрытое содержание текста» [Гальперин, 1981, с. 133]. Н.С. Болотнова под заголовком понимает «регулятивное средство, находящееся в сильной позиции текста, значимое для мотивации адресата, определяющее его познавательную деятельность» [Болотнова, 2021, с. 8].

Проведенное исследование выявило, что заголовки эксплицитного плана используются для передачи фактической и статистической информации и имеют черты официально-делового стиля.

Заголовки с имплицитным значением встречаются в каждом выпуске университетской газеты. Анализ 360 названий статей показал, что преобладают названия с высоким прагматическим эффектом и только треть рассматриваемых заголовков обладает исключительно информативной функцией.

По нашему мнению, эксплицитность и имплицитность регулятивных структур соотносится с информационной и воздействующей функцией публицистического текста. Обратим внимание, что информационная функция «постепенно оттесняется воздействующей» [Кожина, 2011, с. 343].

Продемонстрируем выявленные приемы и примеры:

1) использование прецедентных текстов (как в первоначальном варианте, так и трансформированном: «*Этот день мы приближали, как могли*» (дословно используется строка из патриотической песни) [Вести БелГУ, 2020, № 4, с. 4]; «*Я прививки не боюсь*» (строка из стихотворения С.В. Михалкова) [Будни, 2004, № 9, с. 6]; «*Горим ли мы свободой?*» (трансформируется строка из стихотворения А.С. Пушкина «пока свободой горим») [Учительская смена, 3 июля, 1988, № 25 (113), с. 2];

2) употребление эллиптических предложений: «*Делу перестройки – партийную работу*» [Учительская смена, 4 апреля, 1987, № 19(91), с. 2]. «*Подготовку учителей – на новый уровень современных требований*» [Учительская смена, 17 января, 1987, № 16(87), с. 2]. «*С учителя – спрос особый*» [Учительская смена, 4 февраля, 1987, № 17(95), с. 2]. «*От личного рекорда – к общей победе*» [Учительская смена, 5 марта, 1987, № 18(94), 2];

3) введение риторических вопросов и восклицаний: «*Чем живешь, студенчество? Берегите мир!*» [Учительская смена, 3 августа, 1987, № 22(98), с. 2];

4) введение ассоциативных образов: «*В сосновом бору, у речки*» (о прохождении летней практики студентами педагогических направлений) [Учительская смена, 3 июля, 1988, № 25(115), с. 1]; «*Революция, молодость, дружба*» [Учительская смена, 3 июня, 1988, № 24(114), с. 2];

5) использование анафоры: «*Время итогов – время начал*» [Учительская смена, 4 апреля, 1987, № 19(96), 1 с.]. «*Нет оружию! Нет войне!*» [Учительская смена, 1987, 3 августа, № 22(100), с. 3];

6) имитация личного участия (в таких примерах подразумевается местоимение, используется с целью популяризации чего-либо): «*Участвуем в перестройке*» [Учительская смена, 1987, 4 сентября, № 15(101), с. 2];

7) языковая игра: «*Стрессия близко*» [Будни, 2009, 24 апреля, № 3(595), с. 6];

8) использование метафор и метонимий: «*Растить коммунистов*» [Учительская смена, 6 июля, 1987, № 21(99), с. 2]. «*Для НИУ «БелГУ» никогда не заходит солнце*» [Вести БелГУ, 7 сентября, 2017, № 7(49), с. 5];

9) призыв к действиям: «*Активнее беритесь за дело*» [Учительская смена, 6 июля, 1987, № 21(99), с. 3].

Среди заголовков, выполняющих информативную функцию, выделяются: названия-сообщения и названия-повествования, которые составляют 20 % от общего числа анализируемых заголовков. Среди заглавий с имплицитным значением доминируют названия-цитаты и названия-намёки: «*Я бы в медики пошел*» [Будни, 27 сентября, 2004, № 8(547), с. 7]. «*Что поможет нам выжить?*» [Учительская смена, 22 мая, 1989, № 4(120), с. 2].

Следует отметить, что для функционирования регулятивной функции заголовков представляется значимым наличие фотографий, которые выполняют различные функции:

1) сопровождение текстовой информации (например, статья «Важное событие» сопровождается изображением прошедшей конференции).

2) интерпретация содержания статьи. Такие изображения, на первый взгляд, не связаны напрямую с названием, но при соотнесении заголовка и фотографии читателю становится понятна тема статьи («БелГУ в паутине» сопровождается изображением компьютерного класса).

Важную роль в достижении воздействия на потенциального читателя статьи играют анонсы. Как правило, статьи с анонсами оформляются заголовками, выделенными крупным, иногда цветным или жирным шрифтом. Зачастую именно в анонсах автор использует экспрессивную и эмотивную лексику с целью привлечения внимания читателей: «*Посвящение первокурсников*» [Учительская смена, 1 сентября, 1985, № 13, с. 1]; «*Ученый совет обсуждает перспективы развития науки*» [Будни, 4 июня, 2007, № 6(577), с. 2].

Рассматривая характер заголовков, Д.И. Шабазова выделяет следующие номинации: «сообщение, резюме, цитата; лозунги, призывы, обращение; интрига и сенсация, игровой заголовок» [Шабазова, 2017, с. 152]. Нами зафиксированы заглавия, относящиеся к сообщениям: «*Консультирует правовое управление*» [Будни, 10 мая, 2004, № 5(544), с. 5]; цитатам «*Все флаги в гости будут к нам*» [Будни, 10 мая, 2004, № 5(544), с. 7]; лозунгам «*Комсомольцу – активную позицию*» [Учительская смена, 4 апреля, 1987, № 19(96), с. 2]; обращениям: «*Твой день, твой праздник, университет!*» [Вести БелГУ, 21 сентября, 2016, с. 1]; игровым заголовкам «*Знание и труд сталь создадут*» [Вести БелГУ, 28 августа, 2013, № 4, с. 3].

С помощью диаграмм представим в процентном соотношении выявленные виды заголовков в текстах университетской газеты разных эпох (рис. 1, 2). Отметим, что обращение как разновидность заглавий отличается функциональной направленностью: в текстах газеты «Учительская смена» XX столетия (1987–1989 гг.) нами не зафиксировано ни одного обращения к вузу, тогда как в текстах газет «Будни» и «Вести «БелГУ» такие заглавия являются частотными. На наш взгляд, это обуславливается экстралингвистическими факторами. С каждым десятилетием университет приумножает свои достижения, в 2010 году вузу присвоен статус Национального-исследовательского университета (в России насчитывается 12 университетов).

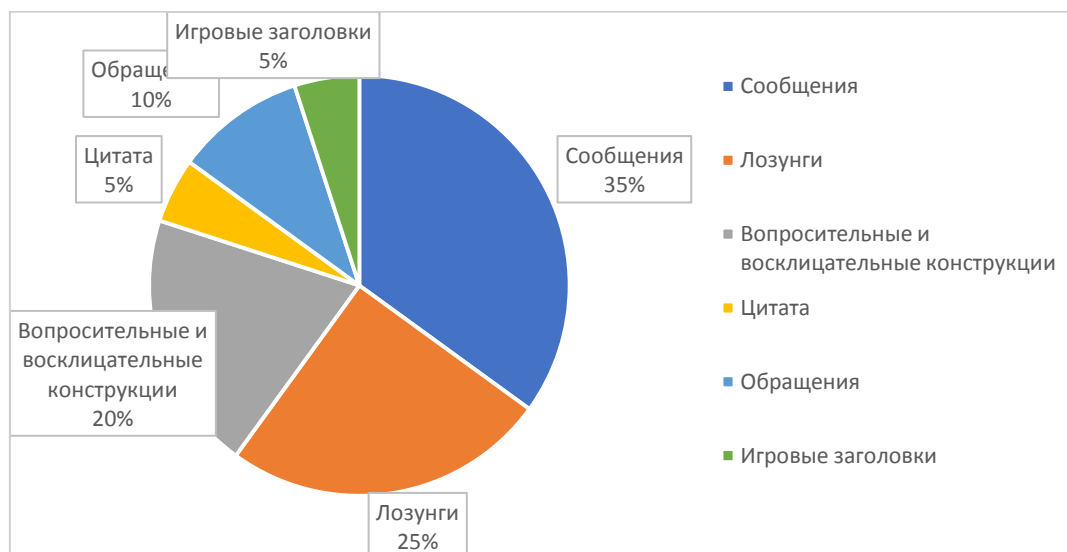

Рис. 1. Виды заголовков в текстах газеты «Учительская смена» (1987–1989 гг.)
Fig. 1. Types of headlines in the texts of the newspaper "Teacher's shift" (1987–1989)

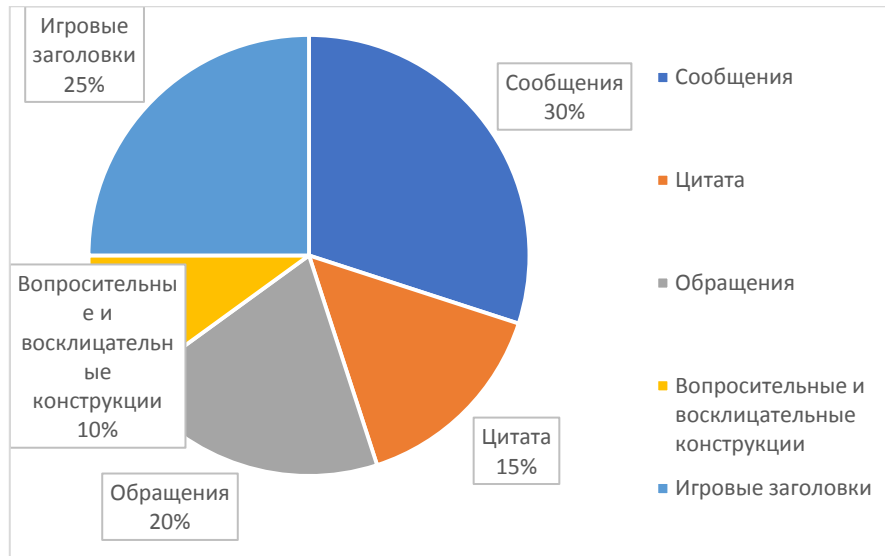

Рис. 2. Виды заголовков в текстах газеты «Будни» и «Вести «БелГУ» (2000–2023 гг.)
Fig. 2. Types of headlines in the texts of the newspaper "Weekdays" and "Vesti "BelGU" (2000–2023)

Прием персонификации, осуществляемый обращениями, подчеркивает статусность и исключительность НИУ «БелГУ»: «С юбилеем, университет!» [Вести БелГУ, 21 сентября, 2016, с. 1].

В текстах газеты «Учительская смена» XX века наиболее частотными являются такие виды заголовков, как сообщения, лозунги, вопросительные и восклицательные конструкции: «Горим ли мы свободой?» [Учительская смена, 3 июля, 1988, № 25(113), с. 2]; «Берегите мир!» [Учительская смена, 3 августа, 1987, № 22(98), 2 с.].

Рассмотрение регулятивных структур позволило выявить, что идиостилевая специфика периодических изданий характеризуется функцией передачи информативных и воздействующих смыслов и демонстрирует значимые для студентов, преподавателей и сотрудников функциональные средства, способствующие созданию ценностно-смысловых и культурно-образовательных универсалий, взаимодействие которых детерминировано многовекторностью коммуникативных и экспрессивных факторов.

Заключение

Проведенное исследование (всего проанализировано 4 887 текстов, для характеристики идиостилевого своеобразия регулятивных средств использовано 360 текстов) позволило прийти к следующему выводу: сообщения, игровые заголовки и обращения преобладают в текстах газет XXI века в силу того, что изменился характер воздействия на адресата. Адресант использует лишь те заголовки, которые способны заинтересовать потенциального читателя и побудить к прочтению статьи. Соответственно, комплекс регулятивных структур обеспечивает репрезентацию коммуникативно-прагматических интенций адресанта, направленных на воздействие адресата. Результаты исследования идиостилевого своеобразия вербализованных языковых средств в текстах периодических изданий НИУ «БелГУ» выявляют ментальные, культурные и образовательные ценности, демонстрирующие становление вуза как национального исследовательского университета и национально-образовательного центра. Успешная реализация целевой направленности и общности вузовского текста периодических изданий достигается с помощью языковых средств, являющихся экспликаторами исторической действительности, именно экстралингвистические факторы влияют на выбор регулятивных средств. Обладая информативной функцией, заголовки способствуют созданию

прагматического фона для читателя. Своеобразие публицистических текстов проявляется в возможности оперативного воздействия на идейно-политическую и социокультурную направленность адресата.

Результаты проведенного анализа вносят вклад в науку, поскольку впервые выделены и исследованы особенности регулятивных структур, эксплицирующих воздействующий потенциал, охарактеризованы регулятивные средства, обладающие прагматическим статусом и демонстрирующие динамику ценностно-смыслового пространства периодических изданий вуза.

Специфика идиостилевого пространства текстов периодических изданий демонстрируется в функционировании регулятивности как средства порождения интерпретационной деятельности адресата, при помощи которой отражается летопись вуза.

Список источников

- Болотнова Н.С. 2008. Коммуникативная стилистика текста. Словарь тезаурус. Томск, Изд-во Томского государственного педагогического университета, 384 с.
- Будни, 10 мая, 2004. № 5 (544). 8 с.
- Будни, 27 сентября, 2004. № 8 (547). 8 с.
- Будни, 4 июня, 2007. № 6 (577). 4 с.
- Будни, 24 апреля, 2009. № 3 (595). 6 с.
- Вести БелГУ, 28 августа, 2013, № 4. 8 с.
- Вести БелГУ, 21 сентября, 2016. 8 с.
- Вести БелГУ, 7 сентября, 2017. № 7 (49). 8 с.
- Вести БелГУ, 2020. № 4. 8 с.
- Вести БелГУ, 7 апреля, 2023, № 3 (111).
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва ; Наука : Флинта, 2003. 694 с.
- Учительская смена, 1 сентября, 1985. № 13. 4 с.
- Учительская смена, 17 января, 1987. № 16 (87). 4 с.
- Учительская смена, 4 февраля, 1987. № 17 (95). 4 с.
- Учительская смена, 5 марта, 1987. № 18 (94). 4 с.
- Учительская смена, 4 апреля, 1987. № 19 (96). 4 с.
- Учительская смена, 3 июня, 1987. № 21 (93). 4 с.
- Учительская смена, 6 июля, 1987. № 21 (99). 4 с.
- Учительская смена, 3 августа, 1987. № 22(98). 4 с.
- Учительская смена, 4 сентября, 1987. № 15 (101). 4 с.
- Учительская смена, 3 июля, 1988. № 25 (115). 4 с.
- Учительская смена, 3 июня, 1988. № 24 (114). 4 с.
- Учительская смена, 22 мая, 1989. № 4(120). 4 с.

Список литературы

- Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. М., Флинта, Наука, 445 с.
- Болотнова Н.С. 2007. Филологический анализ текста. М., Флинта, Наука, 520 с.
- Гальперин И.Р. 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М., 139 с.
- Дридзе Т.М. 1984. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 268 с.
- Кайда Л.Г. 2007. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию. М., Флинта, Наука, 208 с.
- Клушина Н. И. 2010. Стилль массовой коммуникации. М., 64 с.
- Кожина М.Н. 2011. Стилистика русского языка. М., Флинта, Наука, 464 с.
- Сидоров Е.В. 1982. Системная модель коммуникации и параметры текста в переводе. Лингвистические проблемы перевода. М., Моск. Ун-та, 53 с.
- Солганик Г.Я. 2003. О языке и стиле газеты. М., Изд-во МГУ, 268 с.

References

- Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M., Publ. Flinta, Nauka, 445 p.
- Bolotnova N.S. 2007. Filologicheskiy analiz teksta [Philological analysis of the text]. M., Publ. Flinta, Nauka, 520 p.
- Galperin I.R. 1981. Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. M., 139 p.
- Dridze T.M. 1984. Tekstovaya deyatelnost v strukture sotsialnoy kommunikatsii: Problemy semiosotsiopsikhologii [Textual activity in the structure of social communication: Problems of Semiosociopsychology]. M., 268 p.
- Kajda L.G. 2007. Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii – k dekodirovaniyu [Stylistic textual: ot teorii compositi-k dekodirovaniyu]. M., Publ. Flinta, Nauka, 208 p.
- Klushina N. I. 2010. Stil massovoy kommunikatsii [The style of mass communication]. M., 64 p.
- Kozhina M.N. 2011. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. M., Publ. Flinta, Nauka, 464 p.
- Sidorov E.V. 1982. Sistemnaya model kommunikatsii i parametry teksta v perevode. Lingvisticheskiye problemy perevoda [System model of communication and text parameters in translation. Linguistic problems of translation]. M., 53 p.
- Solganik G.YA. 2003. O yazyke i stile gazety [About the language of the newspaper]. M., Publ. MGU, 268 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.07.2023
Поступила после рецензирования 02.09.2023
Принята к публикации 10.09.2023

Received July 30, 2023
Revised September 2, 2023
Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жигулина Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana S. Zhigulina, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 81-23

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-523-530

Features of Bilingualism in the Era of Globalization: Theoretical Aspect

Svetlana A. Kosharnaya, Rashidi Karimullah

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
baghana@yandex.ru

Abstract. The problems of language contacts acquire a new perspective view in the period of Globalization, which is dictated by the influence of extra linguistic factors: demographic parameters, the social structure of society, cultural and linguistic features. Despite the numerous publications on this issue, still there is no single terminological apparatus on the analyzed problem in modern Linguistics. Due to the fact that this phenomenon has not been sufficiently studied, it is necessary to determine the dominant types of bilingualism and multilingualism in the conditions of intercultural interaction, as well as to identify factors affecting the degree of a bilingual in a multilingual environment adaptation process. The purpose of the research work is to determine the specifics of bilingualism phenomenon in the context of globalization and to identify its key characteristics. The research work has proved that English, representing a means of global communication and adapting to the conditions of recipient languages and cultures, acquires new characteristic features. Interference processes lead to linguistic transformations at the phonetic, lexical and grammatical levels of recipient languages. It is revealed that interference processes affect the lexical structure to a greater extent, which is manifested in the highly productive functioning of borrowings from the English language. The results of the research work have a new theoretical direction in the study of bilingualism problems in multicultural society.

Keywords: English, bilingualism, globalization, interference, communication

For citation: Kosharnaya S.A., Karimullah R. 2023. Features of Bilingualism in the Era of Globalization: Theoretical Aspect. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 523–530 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-523-530

Особенности билингвизма в эпоху глобализации: теоретический аспект

Кошарная С.А., Каримулла Рашиди

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85
baghana@yandex.ru

Аннотация. В эпоху глобализации вопросы изучения языковых контактов приобретают новый ракурс, что продиктовано влиянием экстралингвистических факторов: демографических параметров, социальной структурой общества, культурно-языковыми особенностями. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике в современной лингвистике отсутствует единый терминологический аппарат по исследуемому вопросу. В силу того, что данное явление недостаточно исследовано необходимо определить доминирующие типы билингвизма и мультилингвизма в условиях межкультурного взаимодействия, выявить факторы, влияющие на степень адаптации билингва в мультиязычной среде. Целью данного исследования является определение специфики феномена билингвизма в условиях глобализации и выявление его ключевых свойств. Доказано, что английский язык, представляя собой средство глобальной

коммуникации и адаптируясь к условиям лингвокультур-реципиентов, приобретает новые свойства. Интерференционные процессы приводят к лингвистическим трансформациям на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях языков-реципиентов. Выявлено, что в большей степени интерференционные процессы затрагивают лексический строй, что проявляется в высокопродуктивном функционировании заимствований из английского языка. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании проблем билингвизма в условиях мультикультурализма.

Ключевые слова: английский язык, билингвизм, глобализация, интерференция, коммуникация

Для цитирования: Kosharnaya S.A., Karimullah R. 2023. Features of Bilingualism in the Era of Globalization: Theoretical Aspect. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 523–530 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-523-530

Introduction

The idea of globalization is widely used to describe the significance of universal trends in the development of modern society, manifested in close interaction and rapprochement of countries and peoples in the spheres of international politics, economics, culture, science, art, and sports. The modern world is characterized by a powerful dynamic of changes in all spheres of life due to the introduction of the latest information and communication technologies, the spread of the Internet and the emergence of many new types of social communication, as well as mass communication and mass media. Globalization turned out to be the main stimulating factor of the intensive mixing of nationalities, cultures and languages. In the context of globalization, the language contacts of two or more languages in a single or adjacent language space are expanding and deepening, causing variability of linguistic units in phonetic, lexical, semantic, morphological, syntactic, stylistic levels influencing the structure, vocabulary, and functioning of a single language or group of languages. Therefore, the aspects of cross cultural communication are of great relevance and determine the perspective of modern linguistic research which requires additional research.

Linguistic globalization has become an integral part of modern society internationalization. It is a process of languages interpenetration in the conditions of one language world dominating. The emergence and development of an open universal information and communication space has created conditions for the intensive spread of bilingualism in most countries of the world. The idea of globalization is inextricably linked with the concept of a single language embracing the population of the globe. Currently, such unifying role is taken by the English language which is confidently leading as lingua franca, as a means of interethnic communication [Kachru et al., 2006]. Most of the works of the famous British linguist David Crystal [Crystal, 2003] are devoted to the description of the English language as a global one which performs a number of important communicative functions: the function of the main state language for residents of a large number of countries; the function of the official language used in government institutions, the legal system, advertising, the media, as well as in the education system, the function of priority when choosing a foreign language for education. According to D. Crystal, “the stable economic, political and military situation of the state contributes to the creation of conditions for the recognition of the country's language as global, from the point of view of its functioning in the world community, today the English language fully meets the specified requirements” [Crystal, 2003, p. 76]. Despite numerous publications there is no clearly formulated terminological apparatus in modern linguistics that defines the definition of bilingualism in modern society, and the types of bilingualism in the conditions of multicultural interaction are not fully identified yet.

The scientific problem lies in the contradiction between the current linguistic trends – the influence of globalization on the state of the languages in the world community and the need to preserve linguistic and cultural diversity. The prospects for solving the problem are connected with

the need to clarify the areas of English borrowings functioning as a means of global communication and the possibility of using analogues from autochthonous languages.

The purpose of the research work is to identify the theoretical concepts of bilingualism at the present stage of the world community development, taking into account the influence of extra linguistic factors and reveal its main types in the conditions of multicultural environment.

At present, the most powerful transformations are taking place in the life of the world community in all spheres (political, economic, cultural, linguistic). The mass media are an indicator of the changes taking place in society: television, radio, cinema, periodicals. In globalizing society, there is an orientation either to the Western way of life, or to assimilation with the American cultural fashion, or to a special type of worldview – cosmopolitanism. The English language is becoming international in science, business, diplomacy and is used in all types of QMS and mass media. Using English as the basis in computer technology and Internet is a must. The English language is also a must have language in Asia, Africa and Europe, where it is used for both professional and everyday communication in situations of intercultural interaction.

Methods

The object of research work is the multilingualism of the world community, the subject of research is the processes affecting the specifics of bilingualism in the era of Globalization. The research methodology includes an integrated approach and is based on the use of two groups of methods: general scientific methods which include generalization, analysis, synthesis; and highly specialized methods which include comparative analysis, distributive analysis, and the method of component analysis.

Results and discussion

It is also necessary to note the functioning of a global language is not native to many speakers, it functions in forms of a second language (ESL), as a lingua franca (ELF), as opposed to English as a native (ENL). The number of non-native English speakers using it daily significantly exceeds the number of its native speakers. As it is known, B. Kachru divided the world variants of the English language into three concentric circles: “the Inner Circle; the Outer Circle; the Expanding Circle” [Kachru et al., 2006].

On the territories of the former colonies of Great Britain (for example, India, Singapore, Hong Kong, South Africa, Nigeria, Kenya, Malaysia, the Caribbean), being subjected to the prolonged influence of indigenous languages, English has acquires a number of specific features that distinguish it from British English. As a result of these transformations due to local languages systems New variants of British English have been formulated which are called New Englishes.

Recently the term Global Englishes, proposed by Jennifer Jenkins [Jenkins, 2014, p. 34], has been used instead of the term World Englishes, which is used to denote a variety of territorial variants of the second and third circle round development of English. According to the scientist, this term more accurately defines the expanding range of those numerous variants of the English language spoken by non-native speakers in the context of global communication. In the linguistic literature, there are descriptions of special types of English used by native speakers of other languages – these are the so-called Denglish, Franglish, Runglish, Spanglish, Chinglish, Japanglish, Hinglish, Singlish and others.

The modern globalizing society is characterized by a tendency to expand the communicative capabilities of people in a situation of inevitability and necessity of close interlanguage and intercultural contacts. That is why, in the period of linguistic globalization the issues of bilingualism become especially relevant. Bilingualism takes place in connection with the need to overcome the language barrier in the conditions of language communication among various ethnic groups in a multinational state. Bilingualism considers speech acts in relation to the speech behavior of various people groups and is a complex scientific problem. The multidimensional nature and complexity of the bilingualism problem indicates the difficulty of formulating a

universal definition of bilingualism, taking into account the individual characteristics of bilingualism and character of the bilingual society linguistic life in various political, economic, cultural and historical conditions. Actually, the linguistic and psychological aspects are the most developed in science.

Linguistic science today gives understanding of bilingualism types variants based on different approaches to its manifestation (linguistic, psycho-linguistic, psychological, sociological, linguodidactics, cognitive, etc.). The founder of the theory of language contacts “is U. Weinreich who distinguished three main types of bilingualism – coordinate, mixed (compound) and subordinate” [Tönsing, Soto, 2020, p. 194]. The following dichotomies of bilingualism are most often discussed in the linguistic literature: natural and artificial, mass and individual, direct and indirect, receptive and productive, coordinate and subordinate, pure and mixed, child and adult, active and passive, normative and abnormal, balanced and dominant, spontaneous and natural, etc. [Tsimpli et al., 2020, p. 4].

Modern linguists note the great role of the speech portrait as a component of the speaker's appearance in the formation of a personality holistic image. Like a linguistic personality, a speech portrait can be individual and collective. The collective speech portrait allows to generalize the phenomena inherent in a certain circle of people united in national, age, social, professional terms. In modern linguistic bilingualism is classified in the sociolinguistic aspect, it is necessary to clearly define criteria that would have their own sociolinguistic status and suggests the following: the presence of two or more nations, nationalities and their representatives in a given territory or in a group; the presence of two languages that serve as a means of communication; the presence of various demographic and social groups; the need of mastering a second language by an individual, a group of people, a nation; the action direction of contacting languages in a particular bilingual community of people; the type of native speakers coverage of one nation by another type in the bilingualism conditions; the area of bilingualism; the degree of interference activity at different levels of language in urban and rural areas.

English as lingua franca and as the intermediary language of the globalization era represents a unique case of linguistic variability, primarily due to territorial (including regional) and social factors. «The continuous change of extra linguistic factors in the modern world in which languages come into contact with each other in complex multicultural circumstances leads to significant changes within the languages themselves and to the emergence of various hybrid forms of contacting languages (Russian English, Indian English, Singapore English, French English, etc.), having specific linguistic characteristics, especially vividly marked in the sounding form of speech at the phonetic level» [Baghana et al., 2018, p. 30].

Constant change is a universal characteristic of all languages of the world. Native speakers, «constantly communicating with each other, consolidate linguistic changes; The pace of economic development and the processes of globalization in its sphere causes replacement of native words in Russian, German, French and words of other languages with English terms, such as marketing, label, brand, shopping, manager, realtor, etc.» [Baghana et al., 2018, p. 34]. Language learning, as well as its teaching, is impossible without taking into account the factor of variability. Any modern language is a dynamic entity that manifests itself in the form of speech realities, and its nature is determined by a variety of internal and external factors.

The development of the XXI century requires a deep analysis of those language forms that are caused by active processes of speech creativity in conditions of close linguistic contacts of dominant languages with other languages functioning worldwide. Among the factors of linguistic variability the following points can be distinguished: sociolinguistic variability (conditions of social communication); textual variability (the degree of linguistic expression, the nature of discourse and the method of information transmission); stylistic variability (style and genre of communication); regional variability (differences and similarities of regional language varieties); territorial variability (language variants); gender variability (features of male and female speech and communication styles); variability caused by interference of contacting languages (lexical, grammatical, phonetic variability); individual variability.

The most significant factor of variability in the conditions of linguistic globalization is the actual language contact which generates the phenomena of language interference. All speech behavior of a bilingual which is an active object of the implementation of language contact is marked by interference. This phenomenon is comprehensively described in many works. Interference is the case of deviation norm form of any language following language contact. The problem of language contact was analysed mainly at the level of language borrowings, convergence, divergence. It should be mentioned that bilingualism as a living process occurs primarily not in language but in speech. In modern linguistics, there are many interpretations of the interference idea. Most often interference is understood as a process and result of language systems in bilingual speech interaction while one system dominates another one, generating the effect of influence in the secondary, acquired language system. The result of the contacting language systems interaction can be both negative and positive [Awonusi, 2002, p. 23].

Professor J. Baghana mentions, «interference is the language system influence of another language with the most influential power reflecting in lexical borrowings» [Baghana et al., 2018, p. 27]. Recognizing the fact that the processes of lexical borrowing are the most productive to interference phenomena the scientist believes that lexical borrowings, perhaps, are the only type of interference for which bilingualism is not necessary, borrowings are rapidly spreading in a monolingual community as well. Borrowing is an element of a foreign language (word, morpheme –syntactic construction, etc.) transferred from one language in another as a result of linguistic contacts, as well as the process of transition of elements of one language into another. Lexical borrowings are one of the most controversial issues of linguistic globalization discussed in linguistic works. The types of lexical borrowings are diverse. The reasons, sources and ways of borrowings penetration into another language are numerous. Borrowing is a process resulted in foreign language element functioning and is fixed in the language (first of all, a word or a full-valued morpheme). According to the general knowledge of linguists, the evolution of borrowings in the new language system occurs in accordance with the laws of the receiver language at the phonetic, graphic, grammatical and semantic levels. The appearance of a large number of borrowings from English can be considered as the result of intensive and extensive contacts in the light of global processes.

The activation of the language development process in the modern world is largely due to borrowings which is explained by a number of reasons: a large influx of borrowings is caused by the rapid growth of scientific and technological achievements; the universal nature of modern technology requires a more adequate transfer of the foreign term the meaning; wider familiarity with foreign languages, as well as the flow of translated information makes the exchange between the dictionaries of the contacting languages more intense and more diverse in form. One of the linguistic consequences of this process is the point of view change on Anglicisms: they are perceived, for example, in the Russian language no longer as alien words, not as exoticism, but as words subject to borrowing and assimilation. The influence of the English language to the Russian language has continued to increase dramatically in recent years, and the activity of the process of English and American borrowing is becoming extremely productive. At the beginning of the XXI century English borrowings are the part of socio-political vocabulary and of everyday and terminological vocabulary, for example, bike, killer, mass media, laptop, player, printer, top model, shaping, shop, etc. A characteristic feature of modern speech is that along with borrowed words, new concepts and realities arise, phenomena that are new in the life of Russian-speaking society require a new language to be analysed. Of particular interest is the language of computer periodicals. On the one hand, English words are more capacious and convenient to use compared to Russian equivalents and often using English words allows to avoid cumbersome descriptive translation, since it is not easy to find the appropriate equivalent in Russian.

On the other hand, this fact may be associated with an insufficient level of professionalism of translators or with an unwillingness to choose an equivalent, since it is much easier to take a ready-made word, i.e. to transliterate, transcribe or calculate. In many modern Russian-language

magazines, there is a frequent use of English words and phrases in the original English graphics [Chen, 2020, p. 980]. When analyzing bilingualism as a phenomenon, it is also necessary to separate the concept of diglossia considered in sociolinguistics in parallel which is the process while speakers of two or more varieties of the same language are used on some specific purpose. In parallel with bilingualism and diglossia, there is also an important concept of code switching idea which characterizes the situation of using several languages or subcodes by one social subject (a person or a group of people in the context of social interaction) [García, Kleifgen, 2020, p. 560]. The difference is that diglossia is characteristic of different spheres of communication, whereas code switching is only for one. Code switching is maximally separated from discourse whereas borrowing is a full-fledged component of it. Code switching is spontaneous whereas borrowing can be traced diachronically. Code mixing is quite close in its specificity to switching and occurs when components of different languages are used together [Gullifer, Titone, 2020, p. 287]. The phenomena of switching and mixing codes are situational and verbal, but they can become the basis for subsequent borrowings. There are five differences between mixing codes and borrowings: “borrowings are rarely full-fledged phrases, they are more often separate lexemes, mixing codes involves all levels of the language; borrowings are also manifested in the speech of monolinguals, while the mixing of codes is a phenomenon characteristic only for bilinguals; expressions subjected to borrowing usually have no equivalents in the borrowing language whereas the situation of duplication is typical for the codes; borrowings represent a limited set of expressions whereas code mixing involves the entire set of language tools; the largest number of borrowings are nouns, while the mixing of codes involves all parts of speech” [Ibraximova, 2023, p. 116].

Let us consider another aspect of language interaction that is most susceptible to interference in the language context, namely the phonetic aspect of speech.

Currently, in Russian society there is a strong desire of young people to learn foreign languages, not only English, but also Chinese, Arabic, Spanish, Italian, etc. Bilingualism is spreading rapidly in the world due to the mass migration of the population in the XXI century. One of the current trends in the humanitarian science of the period of globalization was children's bilingualism, which is based on the material of many language contacts. The number of countries involved in the educational children's bilingualism has increased significantly. In children's bilingualism education programme English is combined with Spanish, French, German, Swedish, Japanese, Russian, Chinese, Korean, Czech, Slovak, Turkish and other languages.

The spread of the English language in Russia contributes to a more effective entry of Russians into the world cultural space. It must be admitted that bilingualism is becoming a natural, rapidly spreading phenomenon of intercultural communication in modern society, which is impossible to resist and the consequences of which are still difficult to predict. Bilingualism is undoubtedly of great interest both for scientists and for all those who seek to master another language in order to carry out real speech communication with speakers of other cultures.

As an example one can cite the political bilingualism associated with language policy at the state level in those countries where two or three languages have official status, they are Canada, Switzerland, Belgium, Afghanistan, Iraq, Uganda, Morocco, etc. Multilingual countries most often choose one of two approaches to preserve bilingualism – personal or territorial. In the first case, the main focus is on ensuring individual human rights to speak a particular language, while the territorial approach assumes the preservation of bilingualism within a specific region (a similar language policy is carried out in Belgium). In India, where languages are officially recognized, the formula of three language is used: in addition to the two national languages of the country, Hindi and English, schoolchildren can learn another language (the language of their state). In modern Canada, English and French are recognized as state languages, which is due to historical, political and social reasons [Yule, 2017].

Conclusions

Bilingualism is the practice of alternating use of two languages; possession of two languages and the ability to use them successfully in the communication (even with minimal knowledge of languages). Theoretically bilingualism implies equally perfect knowledge command of two languages, the ability to equally use them in the necessary conditions of communication, but practically, one language usually dominates. Thus, there are three types of bilingualism: mixed, coordinate and subordinative, the mixed type of bilingualism involves the development of a second language on the basis of the first. Coordinate bilingualism implies the same command of two languages, and its systems do not overlap. In the case of subordinative bilingualism, the second language is influenced by the language of thinking, which is the dominant language. A certain types of bilingualism in the conditions of cross cultural communication is multilingualism, which is determined as the ability of a person to use more than two languages within the same social environment. This term is used to characterize relations between different speech communities, both within a separate state and at the interstate level. Multilingualism is a new reality of cross cultural world today. English is now a global means of communication and is adapted to all spheres of countries all over the world, which is resulted in many New Englishes or English variants. New English variants being transformed to a new reality are influenced by local languages structures and have specific features in phonetics, grammar and lexis. As the result of interference processes lexical transformation prevails phonetic and grammar changes and is clearly seen in the productive English borrowings functioning in recipient languages.

References

- Awonusi M. 2002. Man-made language. London, Routledge, 76 p.
- Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A., 2018. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. *Espacios*, 39(38): 26–32 (in Spain).
- Chen L. 2020. Application of Compensatory Translation Approach to English Idioms. *Journal of Language Teaching and Research*, 11(6): 978–982. DOI: [10.17507/jltr.1106.15](https://doi.org/10.17507/jltr.1106.15)
- Crystal D. 2003. English as a Global language. Cambridge, Cambridge University Press, 212 p. DOI: [10.1017/CBO9780511486999](https://doi.org/10.1017/CBO9780511486999)
- García A., Kleifgen J. 2020. Translanguaging and Literacies. *Reading research quarterly*, 4(55): 553–571. DOI: [10.1002/rrq.286](https://doi.org/10.1002/rrq.286)
- Gullifer, J. W., Titone, D. 2020. Characterizing the social diversity of bilingualism using language entropy. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23(2): 283–294. DOI: [10.1017/S1366728919000026](https://doi.org/10.1017/S1366728919000026)
- Jenkins J. 2014. Global Englishes. A Resource Book for Students. London, Routledge, 296 p. DOI: [10.4324/9781315761596](https://doi.org/10.4324/9781315761596)
- Kachru B.B, Nelson C.L., Kachru Y. 2006. The Handbook of “World Englishes”. Blackwell Publishing Ltd, 911 p.
- Ibraximova I. A 2023. Theoretical Exploration of Monolingualism, Bilingualism, and Trilingualism: Cognitive, Linguistic, And Sociocultural Perspectives. *Intersections of Faith and Culture: AMERICAN Journal of Religious and Cultural Studies*, 1(3): 115-117.
- Tönsing K.M., Soto G. 2020. Multilingualism and augmentative and alternative communication: examining language ideology and resulting practices. *Augmentative and Alternative Communication*, 36: 190–201. DOI: [10.1080/07434618.2020.1811761](https://doi.org/10.1080/07434618.2020.1811761).
- Tsimpli I.M., Vogelzang M., Balasubramanian A., Marinis T., Alladi S., Reddy A., Panda M. 2020. Linguistic Diversity, Multilingualism, and Cognitive Skills: A Study of Disadvantaged Children in India. *Languages*, 5(1): 1–10.
- Yule G. 2017. The study of language. Cambridge, United Kingdom, Cambridge University Press, 116 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.06.2023

Поступила после рецензирования 19.07.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received June 15, 2023

Revised July 19, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кошарная Светлана Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный университет, г. Белгород, Россия.

Каримулла Рашиди, аспирант кафедры романо-германской филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Kosharnaya, Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Russian Literature Department Professor, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Rashidi Karimullah, post graduate student, the department of Romano-Germanic Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 81

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-531-536

Социолингвистическая специфика английского языка в Южной Африке

Ковальцова Е.В., Кошарная С.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85
kovaltsova.ekaterina@yandex.ru

Аннотация. Авторы уделяют внимание проблеме языковой диспропорции, несмотря на признание правительством одиннадцати языков в качестве официальных. Рассматривается влияние английского языка на коренные языки в системе образования. Доказано, что распространение английского языка как колониального инструмента несет в себе двойственность в сознании южноафриканцев и ведёт к уничтожению коренных южноафриканских языков как средств обучения в системе образования. По мнению авторов, сохранение коренных южно-африканских языков в различных сферах южно-африканского общества возможно благодаря деколонизированному мышлению. Сделан вывод о необходимости развития языков коренных народов в дополнение к уже принятому в социальной сфере английскому языку на территории Южной Африки.

Ключевые слова: деколонизация, английский язык, языковое сопротивление, колониализм, многоязычие

Для цитирования: Ковальцова Е.В., Кошарная С.А. 2023. Социолингвистическая специфика английского языка в Южной Африке. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 531–536. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-531-536

The Sociolinguistic Specifics of English in South Africa

Ekaterina V. Kovaltsova, Svetlana A. Kosharnaya

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
kovaltsova.ekaterina@yandex.ru

Abstract. The authors pay attention to the problem of language disparity, despite the government's recognition of eleven languages as official. The influence of English on indigenous languages in the education system is considered. It is proved that the spread of English as a colonial instrument carries a duality in the minds of South Africans and leads to the destruction of indigenous South African languages as a means of teaching in the education system. According to the authors, the preservation of indigenous South African languages in various spheres of South African society is possible thanks to decolonized thinking. It is concluded that it is necessary to develop indigenous languages in addition to the English language already adopted in the social sphere in South Africa.

Keywords: decolonisation, English language, linguistic resistance, colonialism, multilingualism

For citation: Kovaltsova E.V., Kosharnaya S.A. 2023. The Sociolinguistic Specifics of English in South Africa. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 531–536 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-531-536

Введение

Южная Африка прошла долгий путь становления. Первое демократическое правительство Южной Африки в числе многих инициатив предприняло меры по восстановлению значимости девяти коренных южноафриканских языков, предоставив им равный официальный статус наряду с африкаанс и английским. Путь к языковой эмансипации был нелегким. В то время как, с одной стороны военные, экономические, социальные и образовательные репрессии «призывали» к свободе, и с другой стороны, культурные репрессии были не настолько очевидны.

До 1994 года английский и африкаанс занимали престижное положение в языковом сообществе. Однако В.Х.С. Ntombela [2002] утверждает, что повышение статуса одиннадцати языков до равного официального привело к небольшому сдвигу в диглоссии, поскольку многие школы среди коренных африканцев отказались от африкаанс в своих учебных программах, что привело к доминированию английского языка в сфере образования в Южной Африке. Все важные или официальные средства коммуникации, такие как средства массовой информации, судебная система, сектор занятости, образование и т.д., продолжают осуществлять свою деятельность в основном на английском языке, в то время как в разговорной речи доминирует местный диалект [Focus..., 1996].

С увеличением языковой диспропорции в последние годы растет актуальность изучения специфических особенностей английского языка в Южной Африке.

В настоящее время существенный вклад в исследование функционирования английского языка в Южной Африке вносят труды F. Banda [2000], V. de Klerk [1996], N. Ndebele [2006]. В области изучения языков коренных народов Южной Африки следует отметить труды: N. Kamwangamalu [2000], T. Moyo T. [2011], W.T. Ngugi [1996], B. Ntombela [2008], C. Stroud [2001]. Исследования в данной сфере не всегда отражают современные тенденции языковой ситуации, в частности процессы развития английского языка в Южной Африке.

Целью исследования является изучение социолингвистической специфики английского языка в Южной Африке. Реализация этой цели требует понимания сложившейся на данный момент языковой ситуации, анализа исторических причин доминирования английского языка, учета влияния английского языка на коренные языки в различные периоды развития системы образования в Южной Африке.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является социолингвистическая специфика английского языка на территории Южно-Африканской Республики. В ходе исследования были использованы описательный и аналитический методы, а также сравнительный метод.

На пути к многоязычной Южной Африке

В результате многовековой колонизации африканского континента африкаанс и английский языки вытесняли коренные африканские языки. Следует отметить, что лингвистический ландшафт в то время имел другие очертания. Отчасти это происходило из-за внутренней миграции населения, что, было вызвано, помимо прочих причин, такими явлениями, как межэтнические и межнациональные браки, которые привели к контакту различных языковых сообществ.

В 1884 году прошла конференция по разделу Африки между европейскими государствами. В Южной Африке границы были проведены на основе языковых различий. Большая часть южноафриканского лингвистического ландшафта принадлежала африканерам и англичанам.

Так как английский и африкаанс были официальными языками, то в образовательном учреждении африканский ребенок или студент выбирал английский язык с первого года

обучения в школе до докторантуры в университете. Правительство Южной Африки, стремясь к демократии, признало языки коренных народов на конституционном уровне, несмотря на влияние европейских языков на общество. Это продвижение предусматривает развитие языков коренных народов на том же уровне функционирования в сфере образования, торговли, науки, техники и т.д., что и английский, и африкаанс. В декабре 2009 года правительство внезапно прекратило выделение средств на развитие языков коренных народов [Моуо, 2011]. Английский продолжает доминировать во всех сферах южно-африканского общества, а африкаанс занимает второе место, несмотря на официальный статус, закрепленный в конституции [Kamwangamalu, 2000].

Лингвистическое сопротивление и место английского языка

Молодежное сопротивление 1976 года в городе Соуэто в Южной Африке навсегда останется в истории как сопротивление, возникшее на фоне протестов против введения языка африкаанс в качестве обязательного языка обучения в местных образовательных учреждениях. Правительство включило в систему образования африкаанс и исключило английский язык как средство обучения. Режим апартеида пытался использовать одноязычие в многоязычной Южной Африке с целью пропаганды сепаратистских идеалов этнической идентичности [Banda, 2000].

Следует отметить, что на территории Южной Африки отношение общества к английскому языку в качестве средства обучения было позитивным. Это позитивное отношение к английскому языку следует понимать в свете миссионерского образования, которое считалось лучшим по сравнению с обучением на языке банту. То есть образование на языке банту сыграло важную роль в формировании негативного отношения к языкам коренных народов как языкам обучения [Kamwangamalu, 2000]. Языки коренных народов стали ассоциироваться с низким уровнем образования, потому что миссионерские школы работали на английском языке. Фактически N. Kamwangamalu утверждает, что попытки правительства внедрить африкаанс в сферу образования привели к обратной ситуации, в которой английский язык в качестве средства обучения благодаря высокому качеству образования оказался более востребованным среди обучающихся по сравнению с африкаанс [Kamwangamalu, 2000].

Англия по-прежнему проявляла большой интерес к делам Южной Африки и рассматривалась как потенциальный союзник в освобождении местного населения от угнетающего режима африканеров, по этой причине английский язык ассоциировался у населения Южной Африки со свободой.

После зарождения демократии языковое сопротивление приняло иную форму, которая, однако, имела много общего с языковым восстанием 1976 года. В связи с новой языковой политикой, пропагандирующей многоязычие, возникла необходимость в том, чтобы школы включали языки коренных народов в учебные программы.

По мнению F. Banda [2000], предпочтение английского языка как средства обучения прочно утвердилось среди учащихся. N. Kamwangamalu [2000] поддерживает обучение на родном языке, приводя такие примеры, как использование суахили в Танзании, иврит в Израиле и малайский язык в Малайзии, где была успешно внедрена диалектика. Что отличает такие случаи от ситуации в Южной Африке, так это языковой состав. Правительство сохранило статус-кво в языковом вопросе, так как использование варианта одного конкретного языка приведет к языковой вражде [Banda, 2000].

На пути к деколонизированному мышлению

Английский является единственным жизнеспособным языком, который можно использовать в качестве средства обучения, говорит о том ущербе, который нанесла колонизация. В период колонизации английский язык был языком власти, вытеснившим

все коренные языки. Как следствие, в других бывших странах-колониях происходит постепенное изменение предпочтений. Например, такие страны, как Мозамбик и Демократическая Республика Конго в настоящее время выбирают английский язык в качестве языка обучения вместо португальского и французского соответственно. W.T. Ngugi [1996] отмечает, что, если житель Южной Африки не продемонстрирует владение английским языком, путь к высшему образованию остается закрытым. Как утверждает N. Ndebele [2006], историческое распространение английского языка по всему миру привело к тому, что колонизированные страны были лишены возможности выбирать родные языки и естественным выбором стал английский язык. Это еще больше породило тенденцию среди носителей африканских языков к обесцениванию своих языков [Stroud, 2001].

К обучению английскому языку носителей других языков в сфере образования Южной Африки подходили либо с точки зрения АВЯ (английский как второй язык), либо с точки зрения АИЯ (английский как иностранный язык). Английский в качестве второго языка предполагает среду, в которой английский язык нужен обучающимся для общения друг с другом или с ближайшим сообществом. Английский в качестве иностранного языка обучения предполагает, что изучающие английский язык будут использовать его для общения с носителями английского языка, которые находятся за пределами их непосредственного окружения. То есть в среде АИЯ большинство учащихся говорят на одном языке, в то время как среда АВЯ характеризуется многоязычной группой учащихся [Ntombela, Dube, 2010]. Это различие важно, потому что оно определяет подход к обучению, который необходимо принять. АИЯ и АВЯ следует противопоставлять преподаванию английского как родного языка [Shahzad, et al., 2013].

АВЯ доминировал в бывших британских колониях, особенно там, где существовали различные языковые группы, которые использовали английский язык в качестве *lingua franca*. Английский язык использовался как язык образования, науки и торговли.

АИЯ доминировал в странах, в которых языки коренных народов являлись главенствующими, но возникала необходимость в изучении английского языка в качестве второго языка. По мнению М. Мреро цель обучения английскому языку в качестве иностранного состоит в том, чтобы научить обучающихся воспроизводить фонетические, синтаксические и грамматические модели на английском языке [Мреро, 1998, р. 83]. Например, в школах Квазулу-Натал, где все учащиеся говорят на одном языке, то есть на языке зулу, а английский язык изучают в качестве иностранного. Ученый М.В. Мреро [2007, р. 27] придерживается мнения, что качественное образование должно знакомить учащихся также и с АВЯ, чтобы они знали, какой из них использовать в конкретных контекстах.

Как правило в Южной Африке, знание английского языка в качестве первого языка является более предпочтительным, чем знание английского языка в качестве второго или английского языка в качестве иностранного. Об этом свидетельствует тот факт, что учащиеся, получившие образование АВЯ и АИЯ, проходят тестирование на знание английского языка IELTS (Международная система тестирования английского языка) или TOEFL (тест на знание английского языка как иностранного), прежде чем они смогут быть допущены к поступлению в высшие учебные заведения.

Доминирование английского языка во всём мире связано с глобализацией и предполагает процесс языковой колонизации. Фактически распространение английского языка в Южной Африке финансируется государством и связано с деятельностью, направленной на изучение английского языка: публикации учебных материалов, подготовку учителей английского языка, тестирование уровня владения английским языком. По мнению В.Р. Тshotsho [2013], люди, не владеющие английским языком, никогда бы не достигли профессионализма в южно-африканском обществе.

Заклучение

Продвижение одного или двух языков кажется вполне осуществимым, но в этом случае остальные коренные языки Южной Африки, имеющие официальный статус, не будут использоваться населением страны и станут впоследствии мёртвыми языками, т. е. произойдёт «языковой сдвиг». Сложность заключается в том, что на этих языках говорят в основном в разных провинциях. Это означает, что продвижение коренных языков Южной Африки может быть эффективным на региональном уровне, но создает трудности в использовании коренных языков Южной Африки на государственном уровне в различных сферах. Такие доводы приводит правительство Южной Африки в сфере языковой политики.

Продвижению языков коренных народов до уровня средств обучения препятствует социально-экономический престиж, придаваемый английскому языку. Появление английского языка среди местных культур повлекло за собой адаптацию языка в обществе, в целом, и в системе образования, в частности. Признание коренных языков в качестве средств обучения будет способствовать сохранению и развитию коренных языков в многоязычной Южной Африке. Результаты исследования могут быть использованы в сфере этнолингвистики и социоллингвистики для дальнейших научных исследований.

References

- Banda F. 2000. The Dilemma of the Mother Tongue: Prospects for Bilingual Education in South Africa. *Language, Culture and Curriculum*, 13(1): 51–66. DOI: [10.1080/07908310008666589](https://doi.org/10.1080/07908310008666589)
- Focus on South Africa. 1996. Ed. V. de Klerk. Amsterdam, John Benjamins, 328 p. DOI: [10.1075/veaw.g15](https://doi.org/10.1075/veaw.g15)
- Kamwangamalu N. 2000. A new language policy, old language practices: status planning for African languages in a multilingual South Africa. *South African Journal of African Languages*, 20: 50–60.
- Moyo T. 2011. Unequal official languages: the case of South Africa's official languages. In: Faculty of Arts 5th Annual Conference. KwaDlangezwa, University of Zululand: 74–83.
- Mpepo M.V. 1998. The Distinction Between EFL and ESL and the EFL Bias in Language Teaching. *Southern African Journal of Applied Language Studies*, 6(2): 82–90. DOI: [10.1080/10189203.1998.9724687](https://doi.org/10.1080/10189203.1998.9724687)
- Mpepo M. 2007. The foundation of sociocultural characteristics in English Language Teaching in ESL situations. In: Local and global issues in research in Humanities and Social Sciences. Faculty of Arts 2nd Annual Conference, 18 June, 2007. Eds. D.N. Ocholla, T. Nzama and C. Addison. KwaDlangezwa, University of Zululand: 21–29.
- Ndebele N. 2006. Rediscovery of the ordinary. University of KwaZulu-Natal Press, 184 p.
- Ngugi W.T. 1996. Decolonising the mind: The politics of language in African literature. Nairobi, East African Educational Publishers, 114 p.
- Ntombela B.X.S. 2002. Language in education: Sociolinguistic aspects in Black African high schools in Eshowe District. Unpublished M.A. Dissertation. KwaDlangezwa, University of Zululand.
- Ntombela B., Dube E. 2010. L1 in EFL context in Oman colleges. In: New Methodologies, Research, and Best Practices. The Tenth Annual ELT Conference Current Perspectives in ELT, 21–22 April, 2010. Muscat, Sultan Qaboos University: 76–88.
- Shahzad M.N., Sajjad S., Ahmed. M.A. & Asghar Z. 2013. The Role of “Radical Change” in Medium of Instruction and Its Impact on Learning. *Journal of Language Teaching and Research*, 4(1): 36–44. DOI: [10.4304/jltr.4.1.36-44](https://doi.org/10.4304/jltr.4.1.36-44)
- Stroud Ch. 2001. African Mother-tongue Programmes and the Politics of Language: Linguistic Citizenship Versus Linguistic Human Rights. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 22(4): 339–355. DOI: [10.1080/01434630108666440](https://doi.org/10.1080/01434630108666440)
- Tshotsho B.P. 2013. Mother Tongue Debate and Language Policy in South Africa International. *Journal of Humanities and Social Science*, 3(13): 39–44.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.06.2023
Поступила после рецензирования 28.08.2023
Принята к публикации 10.09.2023

Received June 18, 2023
Revised August 28, 2023
Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ковальцова Екатерина Владимировна, магистр филологии, ассистент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Ekaterina V. Kovaltsova, Master of Philology, assistant at the Department of English and Teaching Methods, Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Кошарная Светлана Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Svetlana A. Kosharnaya, Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Russian Literature Department Professor, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 811.133.1

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-537-545

Вторичные номинации политиков в аксиологическом поле французского медиадискурса

Кузьмина О.В., Телегина В.А., Ломоносова Ю.Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

kusmina@bsu.edu.ru; telegina@bsu.edu.ru; lomonosova@bsu.edu.ru

Аннотация. В условиях динамики геополитических процессов и влияния СМИ на формирование общественного мнения остается актуальным исследование средств выражения оценки в медийном дискурсе. Недостаточно изученным видится вопрос реализации оценочной модальности в пространстве современного французского медиадискурса с помощью вторичных номинаций. Целью работы является определение роли вторичной номинации как элемента аксиологического поля французского медиадискурса. В результате исследования были выявлены особенности оценочных номинаций, по-разному характеризующих представителей политической элиты в авторитетных французских изданиях. Установлено, что природа оценки продиктована, во-первых, социальным статусом характеризуемой личности, во-вторых, типом издания, в-третьих, импликацией оппозиции «свои-чужие». Полученные результаты вносят вклад в развитие лингвоаксиологии и политической лингвистики.

Ключевые слова: медиадискурс, средства выражения оценки, политическая элита, оценочная номинация, антропоним, мифоним, социальный статус, оппозиция «свои – чужие»

Для цитирования: Кузьмина О.В., Телегина В.А., Ломоносова Ю.Е. 2023. Вторичные номинации политиков в аксиологическом поле французского медиадискурса. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 537–545. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-537-545

Secondary Nominations of Politicians in the Axiological Field of French Media Discourse

Oksana V. Kuzmina, Victoria A. Telegina, Julia E. Lomonosova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

kusmina@bsu.edu.ru; telegina@bsu.edu.ru; lomonosova@bsu.edu.ru

Abstract. In connection with the abundance of geopolitical processes and the influence of the media on the formation of public opinion, it seems relevant to study the means of expressing assessment in the media discourse. The issue of evaluative modality implementation in the space of modern French media discourse with the help of secondary nominations remains insufficiently studied in Russian linguistics. The purpose of this work is to determine the role of the secondary nomination as an element of the axiological field of French media discourse. As a result of the study, the features of evaluative nominations were identified that differently characterize representatives of the political elite in authoritative French publications. A component analysis of the presented units is given, the sources and mechanisms of their creation are identified. It has been established that the nature of the assessment is dictated, firstly, by the social status of the person being characterized, secondly, by the type of publication, and thirdly, by the implication of the opposition «own – alien». The results obtained contribute to the development of linguistic axiology and political linguistics.

Keywords: media discourse, means of expressing evaluation, political elite, evaluative nomination, anthroponym, mythonym, social status, opposition "own – alien"

For citation: Kuzmina O.V., Telegina V.A., Lomonosova Ju.E. 2023. Secondary Nominations of Politicians in the Axiological Field of French Media Discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 537–545 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-537-545

Введение

Современная геополитическая обстановка делает неоспоримым статус политики как главной сферы человеческой деятельности. Основной единицей вербализации политических событий последних десятилетий принято считать медиатекст. В зависимости от характера поставленных перед исследователями задач и ввиду полифункциональности СМИ он может рассматриваться как поликодовое образование, сочетающее в себе элементы вербального и медийного уровней [Добросклонская, 2020, с. 27], как результат «фильтрации» событий, подразумевающей расставление акцентов [Калинин, 2017, с. 19], как «полигон» для использования лексики разных эпох в актуальных значениях [Генералова, 2021, с. 189].

Благодаря универсальности и открытости медийного текста, медиадискурс становится приоритетным пространством для программирования системы ценностей широкой аудитории. Параметры восприятия элементов политического процесса и формирования оценочного отношения к ним диктуют идеологические системы и национально-культурная аксиосфера.

Важное значение при оценке субъектов как носителей определенных ценностей и антиценностей в архитектонике медиатекста имеет употребление вторичных номинаций. В отечественном языкознании под вторичной номинацией подразумевается «использование уже имеющихся в языке номинативных средств» для новых наименований, которые могут стать как конвенционально закреплёнными значениями слов, так и окказиональным употреблением лексем [Телия, 1977, с. 129]. Похожего мнения придерживаются и французские лингвисты, подчёркивая при этом, что появление вторичных номинаций человека зависит непосредственно от актуализации имени в том или ином коммуникативном пространстве [Dufour et al., 2005; Sablayrolles, 2007]. Учитывая социальный аспект данного феномена лингвистики, распространение новых наименований во французском языке связывают с наличием в структуре значения коннотативной семы [Sablayrolles, 2007, p. 98], вершинным компонентом которой является оценка.

В контексте нашего исследования под вторичной номинацией понимается акт присвоения ценностно значимого и коннотативно осложненного имени представителю политической элиты. При этом формирование отрицательного или положительного оценочного значения происходит на фоне идеологических установок, норм и стереотипов, господствующих в данном обществе.

Целью данной работы является определение роли вторичной номинации как одного из способов выражения оценочного отношения в адрес представителей политической элиты в современном французском медиадискурсе.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются вторичные номинации представителей политической элиты, формирующие аксиологическое поле французского медиадискурса.

В процессе исследования проанализированы публикации из таких авторитетных периодических изданий Франции, как *Le Monde*, *Le Figaro*, *Courrier international*, *Marianne*. Выбор именно этих источников для анализа объясняется, во-первых, их широкой

популярностью как на территории современной Франции, так и в других франкоговорящих странах, во-вторых, в указанных изданиях дается разноплановая оценка действиям как французской, так и мировой политической элиты.

Материал исследования составил 262 текста политической тематики из 20 номеров печатных изданий за последние пять лет. Путём сплошной выборки нами было отобрано 425 номинаций политиков, обладающих оценочным потенциалом.

В ходе исследования применялась комплексная методика анализа, сочетающая семиотрический и социопрагматический методы, метод лингвостилистического анализа, метод контекстуального анализа и метод количественного анализа. Использование семиотрического и социопрагматического методов позволило исследовать коннотации, возникшие с учетом представлений о ценностях массмедиа, которые коррелируют с ценностными ориентациями французского общества. С помощью лингвостилистического анализа определена роль стилистических средств в создании вторичных номинаций. Применение метода количественного анализа и метода контекстуального анализа способствовало выявлению особенностей исследуемых номинативных единиц.

Результаты и их обсуждение

Вторичные номинации являются одним из наиболее распространенных способов выражения оценки в адрес представителей власти во французском медиадискурсе. Оценочный компонент, закреплённый в структуре лексического значения, делает из номинативной единицы транслятора оценочного отношения СМИ к объектам и происходящим событиям и в то же время закрепляет за ней роль репрезентанта ценностных установок, норм и стереотипов.

Для вторичного именованья политиков во французской прессе активно используются имена собственные, обретающие дополнительное значение, которое отражает стереотипное оценочное отношение общества к известной личности. В то же время Г.В. Защитина [Защитина, 2008] не исключает, что читатели западной прессы по-разному могут воспринимать упоминаемых персонажей, интерпретируя авторскую интенцию по-своему – как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

Исследование показало, что большинство проанализированных нами единиц составляют номинации, образованные с помощью антономасии. Наиболее многочисленной из них является группа оценочных номинаций, построенных на сравнении современных политиков с историческими личностями, упоминания о которых вызывают прочно закрепившиеся в сознании народа ассоциации. Так, в издании *Le Figaro* неоднократно встречается сравнение французских государственных деятелей с императором и полководцем Наполеоном Бонапартом. Номинация такого рода свидетельствует об амбициозности современных политиков и служит для актуализации телеологической оценки. Например:

Wauquiez est le dernier maréchal de Sarkozy alors qu'il voudrait être le Bonaparte d'un nouvel empire [Lentz, 2018, p. 5] / Вокье – последний маршал Саркози, тогда как он хотел бы стать Бонапартом новой империи (здесь и далее перевод авторов статьи).

Emmanuel Macron serait une sorte de nouveau Napoléon selon certains, notamment vu de l'étranger [Lefebvre, 2019b, p. 14] / Эммануэль Макрон, по мнению некоторых, особенно за границей, был бы чем-то вроде нового Наполеона.

В то же время зарубежным политикам зачастую адресованы антропонимы, именующие культовых фигур мировой истории, влияние которых по-разному оценивается в наши дни. В ходе анализа фактического материала было установлено, что исторические личности, ассоциирующиеся у французских СМИ с Россией, наделяются преимущественно отрицательной коннотацией. Так, бывший начальник кабинета главы Еврокомиссии Мартин Сельмайр получил прозвище *Raspoutine*/Распутин, образованное от имени человека,

который, будучи спорным персонажем российской истории, стал воплощением зла в глазах европейцев. Например:

Mérite-t-il ces surnoms peu flatteurs de “Monstre”, de “Raspoutine”? [Ducourtieux, 2018, p. 3] / *Заслужил ли он эти нелестные прозвища “Монстр”, “Распутин”?*

Высокой степенью употребления во французском медиадискурсе отличается оценочная номинация *Staline/Сталин*, которая используется в адрес президента России Владимира Путина. По мнению отечественных исследователей, сравнение такого рода позволяет иностранным СМИ повысить уровень негативного отношения к Путину как антиподу демократии – доминирующей ценности запада [Барышникова, Дубинина, 2019, с. 181]. Например:

Ces traits de pouvoir, la fascination du président à l’égard du monde de la culture, ainsi que sa propension à se retirer dans son palais de Sotchi, amènent plusieurs historiens à voir Staline dans un leader actuel [Bouche, 2022, p. 3] / *Эта властность, увлечение президента миром культуры, а также его склонность уединяться в своем дворце в Сочи вынуждают некоторых историков видеть Сталина в нынешнем лидере.*

Ретроспективность номинаций такого рода заставляет читателя активизировать определенные знания, которые позволят ему осуществить декодирование заложенной в них оценочной информации [Телегина, 2022, с. 1961]. Выбор исторических личностей для создания вторичных номинаций указывает на функционирование оппозиции «свой/чужие», в соответствии с чем фигуры российской истории выступают репрезентантами отрицательной оценки в адрес политических лидеров.

В свою очередь отражение актуальных политических процессов во французском медиадискурсе приводит к появлению новых номинаций, в основе которых содержатся имена и фамилии акторов, возникающих на общественно-политической арене. Одним из наиболее эксцентричных политиков последних лет стал бывший президент США Дональд Трамп. В ходе нашего исследования был обнаружен ряд вторичных номинаций политиков, образованных от фамилии Д. Трампа и использующихся в качестве имплицитного способа выражения отрицательного оценочного отношения СМИ. Высокой степенью употребления в издании *Courrier international* характеризуется антономасия *Trump des tropiques* / «тропический Трамп», созданная для именованного другого ультранациста – бывшего президента Бразилии Жаира Болсонару. Например:

L’arrivée au pouvoir de ce nostalgique de la dictature militaire, souvent qualifié de “Trump des Tropiques”, suscite l’inquiétude de la presse brésilienne... [Fishman, 2020, p. 8] / *Приход к власти этого ностальгиста по военной диктатуре, часто именуемого “тропическим Трампом”, вызывает обеспокоенность бразильской прессы....*

В других изданиях выявлены номинации, подразумевающие сравнение французской женщины-политика Марин Ле Пен с экс-президентом США. Данное сравнение также основывается на общих идеологических взглядах представителей политической элиты, а также всемирно известной симпатии к Трампу самой Ле Пен. Например:

“Trump français” se dit “Le Pen” [Araud, 2021, p. 3] / *“Французского Трампа” зовут “Ле Пен”.*

Анализ французских публикаций за последние пять лет показал, что постепенно антропоним утрачивает закрепленную за ним оценочную коннотацию и в дальнейшем перестает употребляться в роли оценочной номинации. В то же время широкое распространение в определенный промежуток времени дает основание рассматривать его как неотъемлемый элемент аксиологического поля медийного дискурса.

В ходе анализа выявлен ряд оценочных номинаций, источником образования которых послужили мифонимы, обозначающие вымышленных персонажей фольклора и составляющие универсальные фоновые знания.

Наибольшее количество таких номинаций используется для именованного президента Франции Э. Макрона, например: «*Jupiter/Юпитер*» (царь римских богов); «*le sauveur de*

l'Europe/спаситель Европы» (хан Тервел – спаситель Европы от арабского нашествия); «Brutus/Брут» (римский государственный деятель, известный как убийца Цезаря); «Janus/Янус» (двуликий бог дверей и выходов). При этом, широкое распространение они получают в изданиях *Marianne* и *Courrier international*» отражающих воззрения оппозиционного политического сегмента. Например:

Désormais Jupiter a les mains libres [Dion, 2018, p. 9] / *Теперь у Юпитера развязаны руки;*

Macron se voit encore en sauveur de l'Europe [Drachi, 2022, p. 29] / *Макрон по-прежнему видит себя спасителем Европы.*

Отмечается, что данные номинации способствуют выражению прагматической иронической оценки в адрес президента Франции, акцентируя внимание на таких качествах, как эгоцентризм и излишняя самоуверенность при решении ряда сложных социальных вопросов.

Другим продуктивным способом актуализации оценки является использование в составе номинации зоонима. Отмечается, что основанием для метафорического переноса такого рода служит укоренившаяся в этнокультурах традиция наделять животных определенными чертами человеческого характера [Cassanas et al., 2007; Катермина, 2016].

Для оценки деятельности представителей политической элиты во французских СМИ широко применяются номинации, построенные на ассоциации человека с хищным животным. Одним из наиболее популярных хищников, ставших символом мудрого не по годам политика, является лиса (*un renard*), например:

Andrew Scheer est, malgré son âge, déjà un vieux renard de la politique canadienne [Mougeot, 2020, p. 8] / *Эндрю Шерр, несмотря на свой возраст, уже старый лис в канадской политике.*

В то же время в адрес наиболее влиятельных государственных деятелей, сыгравших значительную роль в событиях мировой истории, используется номинация, основанная на сравнении со львом (*un lion*), считающегося царем зверей, например:

C'est un lion de la politique française qui disparaît [Lefebvre, 2019a, p. 2] / *Уходит лев французской политики.*

Исследованный материал показал, что отождествление политической элиты с хищными животными поддерживает в сознании аудитории имидж могущественного лидера. Мелиоративный характер указанных номинаций продиктован агональностью политического дискурса, которая подразумевает борьбу с оппозицией и завоевание власти. Принято считать, что преобладающие в политике формы агрессии и дух соперничества в природе присущи именно хищным животным.

В свою очередь домашние животные, закрепившиеся в качестве вторичных номинаций, представлены во французском дискурсе с целью выражения отрицательного оценочного отношения в адрес политиков. Например:

Pour lui, Angela Merkel est une vieille truie qui a ouvert les portes du pays à des gens qui n'ont rien à y faire [Berdah, 2018, p. 8] / *Для него Ангела Меркель — старая свиноматка, открывшая двери страны людям, которым там делать нечего;*

Nicolas Sarkozy forme avec François Hollande le couple des moutons noirs, des réprouvés, ceux avec lesquels on est le plus sévère [Dion, 2018, p. 7] / *Николя Саркози с Франсуа Олландом составляют парочку паршивых овец, отверженных, тех, с кем мы наиболее жестоки.*

Пейоративная оценочность таких зоонимов связана с тем, что, будучи ближе к человеку по своей природе, домашние животные становятся носителями отрицательных качеств, которые лучше всего познаются при постоянном контакте.

В ходе исследования корпуса примеров выявлена тенденция к употреблению в качестве вторичной номинации профессии человека или указания на род деятельности. Наиболее распространенными среди них стали: «professeur/преподаватель», «professeur»;

«architecte/архитектор», «создатель»; «pompiер/спасатель», «пожарный»; «fossoyeur/могильщик»; «ténor/тенор», «певец» и др. Например:

Martin Selmayr est un des architectes de la Commission politique promise par M. Juncker, capable de résister aux Etats, de faire des propositions controversées [Ducourtieux, 2018, p. 3] / *Мартин Сельмайр — один из создателей Политической комиссии, обещанной 2-ном Юнкером, способной противостоять государствам, вносить спорные предложения;*

Ayant systématiquement opté pour les pires orientations, Jacques Chirac reste le grand fossoyeur de l'agriculture française [Polony, 2019, p. 83] / *Систематически выбирая наихудшие направления, Жак Ширак остается великим могильщиком французского сельского хозяйства.*

В исследовании подтверждается точка зрения В.А. Телегиной, согласно которой малооплачиваемые профессии и профессии, не требующие получения высшего образования, служат для выражения пейоративной телеологической оценки, в то время как для актуализации мелиоративной оценки используются профессии, принятые считать во Франции более престижными, связанные зачастую с интеллектуальным трудом [Телегина, 2021, с. 114].

Одной из закономерностей, установленных в ходе анализа, является употребление в адрес представителей власти ряда номинаций, содержащих лексемы, обозначающие высококлассного специалиста с глубокими знаниями о своей работе, завоевавшего авторитет в своем профессиональном окружении. Примером служат такие номинации, как: «un maître» в значении «мастер»; «un expert/эксперт»; «un génie/гений»; «un gourou/гуру»; «un professeur» в значении «профессор». Например:

Le prof Wauquiez veut tenir tête [Mourgue, 2018, p. 5] / *Профессор Вокье намерен оказать сопротивление»;*

La réforme des retraites est une des priorités fixées par Paulo Guedox, “gourou” économique de Bolsonaro... [Leclercq, 2018, p. 2] / *Пенсионная реформа является одним из приоритетов, установленных Пауло Гуэдосом, экономическим “гуру” Болсонару....*

Установлено, что в большинстве случаев (75 %) такие именованья обладают отрицательной иронической коннотацией. В проанализированных медиатекстах они являются продуктивным способом для критики деятельности представителей власти преимущественно в области ведения внутренней политики. В.А. Марьянчик подчеркивает, что ироничность в политическом дискурсе имитирует неоднозначность оценок, конструируя «модальность недоверия» [Марьянчик, 2013, с. 15].

Наряду с этим высокой частотностью употребления характеризуются номинации, основанные на отождествлении политиков с подростками или детьми. Отмечается, что такие номинации обозначают амбивалентную оценочную позицию: с одной стороны, они служат мелиоративным средством выражения оценки, имплицитно юность как синоним динамичности и работоспособности, с другой стороны, они закрепляют за политиком образ инфантильного безответственного человека. Например:

C'est un enfant qui réagit à des stimuli positifs ou négatifs... [Fishman, 2018, p. 16] / *Это ребенок, реагирующий на положительные или отрицательные раздражители...;*

Un garçon brillant, un vrai politique [Marin, 2021, p. 12] / *Гениальный мальчик, настоящий политик.*

Смещение вектора оценочности в сторону пейоративной или мелиоративной зоны может быть обусловлено как репутацией характеризуемого государственного деятеля, так и политической направленностью французского издания.

Заключение

Таким образом, вторичные номинации, используемые для именованья представителей политической элиты, являются структурным элементом аксиологического поля французского медиадискурса.

Большинство оценочных номинаций образованы путем метафорического переосмысления имени собственного, аккумулирующего определенные человеческие качества. Имена и фамилии реальных личностей, ставших маркерами разных исторических эпох, выступают в роли трансляторов относительно устойчивой системы ценностей французского народа. Декодирование заложенных в них оценочных смыслов свидетельствует об актуализации оппозиции «свой/чужие», которая является неотъемлемой частью политической коммуникации. Кроме того, в результате анализа выпусков разных лет отмечается динамика номинаций этого типа, что связано со стремительно меняющейся новостной повесткой.

Обозначая референтов вымышленной действительности, мифонимы являются эффективным способом вторичного именования представителей власти. Как показало исследование, отражение аспектов мифологического сознания французского общества в имплицитной форме способствует достижению иронической тональности при оценивании правящей элиты.

Использование зоонимов в составе оценочных номинаций политиков актуализирует во французском языке многовековой опыт взаимодействия человека с природой. Посредством метафорического переноса воссоздается яркий образ, направленный на передачу интеллектуальных, морально-нравственных или профессиональных качеств, характеризующих человека как единицу социума. Номинация политика с зооморфическим компонентом играет немаловажную роль при конструировании политически корректной пейоративной оценки имплицитного характера.

В результате исследования установлена социокультурная обусловленность оценки во французском медиадискурсе, которая подтверждается ее зависимостью от общественного восприятия возрастных координат и рода деятельности человека. Кроме того, выявленные примеры указывают на динамику характера оценки, которая связана с актуальным социальным статусом государственного деятеля и ангажированностью французского издания. Основываясь на ценностных установках социума и идеологизированности СМИ, ономастическое пространство создает автономный код для именования действительности, формируя при этом аксиологический контекст французского медиадискурса.

Список источников

- Araud G. 2021. Le Donald Trump français, vraiment? *Le Monde*, 23639: 3.
Berdah A. 2018. Emmanuel Macron, le capitaine de l'Europe. *Le Figaro*, 23032: 8–9.
Bouche E. 2022. “Le Palais de Poutine...” : que montre le film coup d'éclat contre le président russe? 24107: 3-4.
Dion N. 2018. Emmanuel Macron est-il encore le président de la République? *Marianne*, 1096: 7-9.
Drachi M. 2022. Sauveur de l'Europe. *Courrier international*, 1641: 29.
Ducourtieux C. 2018. Martin Selmayr ou l'ivresse du pouvoir de Bruxelles. *Le Monde*, 22758: 3.
Fishman L. 2018. Une Maison-Blanche en pleine crise de nerfs. *Courrier international*, 1454: 16–17.
Fishman L. 2020. La cruelle réalité derrière le cirque d'Erdogan. *Courrier international*, 1558: 8.
Leclercq M. 2018. Brésil: la victoire de Bolsonaro ou la revanche de «l'homme ordinaire». *Le Figaro*, 23083: 2.
Lefebvre B. 2019a. L'un des jokers rassurants. *Le Figaro*, 23364: 2.
Lefebvre B. 2019b. Sur le sujet majeur du voile islamique, Emmanuel Macron devra choisir. *Le Figaro*, 23381: 14.
Lentz T. 2018. Le fossoyeur de la Ve République. *Le Figaro*, 23135: 5.
Marin L. 2021. Un vrai politique. *Le Monde*, 23639: 12.
Mougeot O. 2020. Andrew Scheer est un vieux renard de la politique canadienne. *Le Monde*, 23475: 8.
Mourgue M. 2018. Le prof Wauquiez veut tenir tête. *Le Figaro*, 22889: 5.
Polony N. 2019. Ayant systématiquement opté pour les pires orientations, Jacques Chirac reste le grand fossoyeur de l'agriculture française. *Marianne*, 1177: 83.

Список литературы

- Барышникова Г.В., Дубинина И.И. 2019. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 4(137): 179–185.
- Генералова Е.В. 2021. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии. *Медиалингвистика*, 8(2): 180–192. DOI: [10.21638/spbu22.2021.207](https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.207)
- Добросклонская Т.Г. 2020. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва, КДУ, Добросвет, 178 с. DOI: [10.31453/kdu.ru.91304.0107](https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107)
- Защитина Г.В. 2008. Стилистический потенциал вторичной и альтернативной номинации в языке британской прессы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 27 с.
- Калинин О.И. 2017. Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста (на материале китайских СМИ). Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 177 с.
- Катермина В.В. 2016. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). Москва, ФЛИНТА, 224 с.
- Марьянчик В.А. 2013. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Архангельск, 39 с.
- Телегина В.А. 2021. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты: на материале современной французской прессы. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 200 с.
- Телегина В.А. 2022. Роль прецедентных антропонимов в оценке политической элиты (на материале современной французской прессы). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15(6): 1959–1962. DOI: [10.30853/phil20220299](https://doi.org/10.30853/phil20220299)
- Телия В.Н. 1977. Вторичная номинация и ее виды. В кн.: Телия В.Н. Языковая номинация (виды наименования). Под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. Москва, Наука: 129–221.
- Cassanas A., Demange A., Laurent B., Lecler A. 2007. Dialogisme et nomination. Ed. A. Lecler Montpellier, Presses universitaires de la Méditerranée, 340 p.
- Dufour F., Dutilleul-Guerroudj É., Laurent B. 2005. La nomination: quelles problématiques, quelles orientations, quelles applications? Montpellier, Presses universitaires de la Méditerranée, 242 p.
- Sablayrolles J.-F. 2007. Nomination, dénomination et néologie: intersection et différences symétriques. *Neologica: revue internationale de la néologie*, 1: 87–99.

References

- Baryshnikova G.V., Dubinina I.I. 2019. Metaphoric creation of the political leader of Russia in the Western media (based on the material taken from AngloAmerican and French press). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4(137): 179–185.
- Generalova E.V. 2021. Media text as a reflection of dynamic chronological changes in vocabulary and phraseology. *Media Linguistics*, 8(2), 180–192 (in Russian). DOI: [10.21638/spbu22.2021.207](https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.207)
- Dobrosklonskaya T.G. 2020. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Media linguistics: theory, methods, directions]. Moscow, Pub., KDU, Dobrosvet, 178 p. DOI: [10.31453/kdu.ru.91304.0107](https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107)
- Zashchitina G.V. 2008. Stilisticheskiy potentsial vtorichnoy i al'ternativnoy nominatsii v yazyke britanskooy pressy [The stylistic potential of secondary and alternative nomination in the language of the British press]. Abstract. dis. ... cand. Philol. Sciences. Moscow, 27 p.
- Kalinin O.I. 2017. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki imidzhevogo politicheskogo mediateksta (na materiale kitayskikh SMI) [Linguistic and pragmatic characteristics of an image-based political media text (based on the material of Chinese media)]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 177 p.
- Katermina V.V. 2016. Nominatsii cheloveka: natsional'no-kul'turnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Human nominations: national and cultural aspect (based on the material of the Russian and English languages)]. Moscow, Publ. Flinta, 224 p.
- Mar'yanchik V.A. 2013. Aksiologicheskaya struktura media-politicheskogo teksta: lingvostilisticheskiy aspekt [xiological structure of media-political text: linguostylistic aspect]. Abstract. dis. ... doc. Philol. Sciences. Arkhangelsk, 39 p.
- Telegina V.A. 2021. Sredstva vyrazheniya otsenki v kharakteristike politicheskoy elity: na materiale sovremennoy frantsuzskoy pressy [Means of expressing assessment in the characteristics of the

- political elite: based on the material of the modern French press]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 200 p.
- Telegina V.A. 2022. Role of precedent anthroponyms in the evaluation of the political elite (by the material of the modern french press). *Philology. Theory & Practice*, 15(6): 1959–1962 (in Russian). DOI: [10.30853/phil20220299](https://doi.org/10.30853/phil20220299)
- Teliya V.N. 1977. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy [Secondary nomination and its types]. In: V.N. Teliya. Yazykovaya nominatsiya (vidy naimenovaniya) [Language nomination (types of name)]. Eds. B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva. Moscow, Publ. Nauka: 129–221.
- Cassanas A., Demange A., Laurent B., Lecler A. 2007. Dialogisme et nomination [Dialogisme et nomination]. Ed. A. Lecler. Montpellier, Publ. Presses universitaires de la Méditerranée, 340 p.
- Dufour F., Dutilleul-Guerroudj É., Laurent B. 2005. La nomination: quelles problématiques, quelles orientations, quelles applications [La nomination: quelles problématiques, quelles orientations, quelles applications]? Montpellier, Publ. Presses universitaires de la Méditerranée, 242 p.
- Sablayrolles J.-F. 2007. Nomination, dénomination et néologie: intersection et différences symétriques [Nomination, naming and neology: intersection and symmetrical differences]. *Neologica: revue internationale de la néologie*, 1: 87–99.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.07.2023

Поступила после рецензирования 06.09.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received July 05, 2023

Revised September 06, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьмина Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Телегина Виктория Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Ломоносова Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana V. Kuzmina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Romance-Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Victoria A. Telegina, Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Romance-Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Yulia E. Lomonosova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 81.33

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-546-555

Актуализация понятия *fiesta* в современных испаноязычных массмедиа

Оганесян А.О.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
oganesyananna1994@mail.ru

Аннотация. Своеобразие национально-культурных феноменов различных мировых лингвокультур, а также не ослабевающий интерес к ним со стороны мирового сообщества обусловлен особенностями этноязыкового сознания представителей той или иной лингвокультуры. К числу таких феноменов может быть отнесена испанская *fiesta*, выступающая компонентом этноязыкового сознания носителей испанского языка. Современный процесс глобализации нивелирует многие этноязыковые особенности, что находит отражение в языке. В связи с недостатком исследований в данной области автором рассмотрены изменения, происходящие в содержательном и концептуальном плане феномена *fiesta* на современном этапе развития испанского языка. Проанализированы значения данной лексической единицы, актуализируемые в современных испаноязычных массмедиа. По результатам исследования определено место феномена *fiesta* в испанской национально-языковой картине мира, определен его ценностный потенциал на современной стадии развития испанской лингвокультуры: выявлены компоненты значения анализируемой единицы, которые оказались «потеряны» или «отодвинуты» на второй план, а также значения, удельный вес которых показывает в настоящее время значительный рост. Показана динамика понятийного и ценностного планов феномена *fiesta* в период глобальных изменений, затрагивающих все сферы жизни и находящих отражение в языке. Сделан вывод о трансформации понятийного плана лексической единицы *fiesta* на современном этапе языкового развития, а также о частичной утере данной лексической единицей этноязыковой специфики.

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, глобализация, национально-культурные феномены, этноязыковая специфика, испаноязычные массмедиа, лингвокультурные особенности, *fiesta*

Для цитирования: Оганесян А.О. 2023. Актуализация понятия *fiesta* в современных испаноязычных массмедиа. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 546–555. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-546-555

Actualization of the Notion “Fiesta” in Current Spanish-language Mass Media

Anna O. Oganesyanyan

Volgograd State Social Pedagogical University,
27 Lenin Avenue, Volgograd 4000005, Russia
oganesyananna1994@mail.ru

Abstract. The originality of the national-cultural phenomena of various world linguocultures, as well as the continuing interest in them from the world community, is due to the peculiarities of the ethnolinguistic consciousness of a particular linguoculture representatives. The Spanish *fiesta*, which is a component of the ethnolinguistic consciousness of Spanish speakers, can be classified as such phenomena. Spanish *fiesta* can be referred; as well as modern process of globalization which erases existing national boundaries and

ethnic characteristics and influences world languages and cultures. Globalization process having irreversible character, levels out many ethno-linguistic peculiarities and that is reflected in the language. This fact, from our point of view, defines value of specific national components of a particular world linguo-culture which, being preserved in the language, undergo changes both semantically and functionally. Due to the lack of research in this area, the author has studied changes taking place in semantic and conceptual plans of *fiesta* phenomenon on the present stage of the Spanish language development. There have been analyzed meanings of this lexical unit in modern Spanish-language mass media which respond most quickly to any changes in social, political, economic and cultural life. The analysis allowed to determine the place of *fiesta* in Spanish national picture of the world; to define its value potential at the present stage of Spanish linguo-culture development; to single out components of meaning of the investigated lexical unit, which are currently “lost” or “relegated” to the background, as well as those specific gravity of which at present shows significant growth. Meanings realized by the lexical unit *fiesta* in modern Spanish-language mass media have been identified, the share of each of the identified meanings has been revealed, the dynamics of conceptual and value plans of the *fiesta* phenomenon during the period of global changes affecting all spheres of life and being reflected in the language has been shown. There has been made a conclusion about transformation of the conceptual plan of the lexical unit *fiesta* at the present stage of language development as well as about partial loss by this lexical unit its ethnolinguistic specificity.

Keywords: National linguistic picture of the world, globalization, national and cultural phenomena, ethnolinguistic specifics, Spanish language mass media, linguocultural peculiarities, *fiesta*

For citation: Oganessian O.A. 2023. Actualization of the Notion “Fiesta” in Current Spanish-language Mass Media. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 546–555 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-546-555

Введение

Расширение межкультурных контактов и межъязыкового взаимодействия делает необходимым понимание не только языковых особенностей носителей языка, но и национально-культурных феноменов, как неотъемлемого компонента культуры народа. К числу таких феноменов может быть отнесен исторически сформировавшийся феномен карнавала, давший начало особой карнавальной культуре, характерной для ряда латиноамериканских стран. Одной из форм проявления карнавальной культуры выступает испанская *fiesta*, которая в настоящее время переросла национальные границы, частично утратила этноязыковое своеобразие и стала частью мировой культуры. Глобализация, а также происходящие в настоящее время социальные и политические процессы вносят существенные коррективы в организацию и содержательное наполнение многих исторически сложившихся понятий, выступая причиной ломки старых стереотипов, моделей поведения, а также форм восприятия различных явлений. Таким образом, возникает насущная необходимость исследования изменений, происходящих в понятийном и смысловом плане исторически сформировавшихся в рамках различных лингвокультур этноязыковых феноменов, в частности, феномена *fiesta*, выступающего одной из культурно-языковых доминант испанской лингвокультуры.

Проблемы специфики этноспецифических лингвокультурных феноменов рассматривались в работах лингвоконцептологов: А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева [2001], С.Г. Воркачева [2017], В.И. Карасика [2020], В.В. Красных [1998], Т.Ю. Тамерьян [2011], репрезентующих различные подходы к трактовке лингвокультурных доминант и концептов, установлению их структуры и типологии; лингвокультурологов: Н.Ф. Алефиренко [2010], Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [2005], В.А. Масловой [2018], рассматривающих взаимоотношение и взаимовлияние языка и культуры, характеристики и базовые константы этноязыкового сознания; специалистов в области когнитивной лингвистики: Н.Н. Болдырева [2017], Е.С. Кубряковой [2012], В.З. Демьянкова [2018], исследующих вопросы корреляции языка и сознания, а также роль языка в

концептуализации мира; исследователей, занимающихся вопросами специфики массовой коммуникации: Ю.В. Казакова [2001], С.Г. Кара-Мурзы [2017], Т.В. Шайхитдинова, С.К. Шайхитдиновой [2018], И.А. Шаронова [2017]; ученых, проводящих исследования в области медиалингвистики: Т.Г. Добросклонской [2014], М.Р. Желтухиной [2010], М.Ю. Казака [2011], рассматривающих характеристики и закономерности функционирования сферы массовых коммуникаций и выявляющих особенности и средства вербализации различных понятий в современном медиапространстве.

Целью проводимого исследования выступает установление изменений, происходящих в концептуализации действительности представителями испанской лингвокультуры и носителями испанского языка, в смещении ценностных приоритетов, находящих отражение в испаноязычных СМИ, на примере трансформации исторически сложившейся системы значений лексической единицы *fiesta*; выявление смысловых изменений, происходящих под влиянием глобальных (политических, экономических, социальных и культурных) процессов; установление набора значений, реализуемых испаноязычной лексической единицей *fiesta* в современных испаноязычных СМИ; определение особенностей восприятия и оценки значимости данного феномена на современном этапе развития социума, как самими носителями испанского языка, так и представителями других лингвокультур, в частности, русской; установление причин изменений отношения как самих носителей испанского языка, так и представителей русской лингвокультуры к ряду ценностных доминант, исторически считавшихся основой испанской лингвокультуры; выявление тенденций, имеющих место в концептуальной и ценностной реструктуризации картины мира носителей испанского языка; установление основных направлений смещения ценностных приоритетов носителей испанского языка и представителей испанской лингвокультуры.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает испаноязычная лексическая единица *fiesta*, а также ее русский коррелят, полученный методом транслитерации — *фиеста*. Материалом для проведения исследования послужили текстовые фрагменты, отобранные методом сплошной выборки из современных испаноязычных и русскоязычных СМИ.

Применялись такие методы исследования, как метод семантического анализа (используемый для исследования особенностей семантического плана испаноязычной лексической единицы *fiesta*, функционирующей в текстах современных испаноязычных массмедиа); компонентного анализа (для проведения анализа значения рассматриваемой лексической единицы и смысла, актуализируемого в различных сочетаемостных вариантах; расчленение языкового значения на минимальные смысловые единицы для выявления интенции автора); контекстуального анализа (для анализа отобранных в результате проведения сплошной выборки текстовых фрагментов, в которых актуализируется рассматриваемое понятие, а также интерпретации исходного контекста, в котором функционирует анализируемая лексическая единица); метод лингвоаксиологического анализа (для рассмотрения ценностного потенциала анализируемой лексической единицы на современной стадии развития общества и языка) и социологического анализа (для выявления специфики функционирования рассматриваемой единицы в пространстве испаноязычных массмедиа, а также специфики восприятия данного феномена представителями разных лингвокультур, в частности, русской).

Для верификации полученных в результате анализа языкового материала данных были использованы методы статистического анализа, прием количественного подсчета выявленных данных, а также сравнительно-сопоставительный метод (для наглядного представления данных о приоритетности и количественной представленности различных компонентов значения анализируемой лексической единицы *fiesta* в современных испаноязычных и русскоязычных СМИ).

Результаты и их обсуждение

Нам представляется, что, несмотря на то, что в самом широком смысле, фиеста – это праздник, испанская фиеста переросла границы праздника. В настоящее время это комплексное действо, имеющее внешнюю и внутреннюю атрибутику. Анализ отобранного текстового материала позволил выявить ряд внешних атрибутов фиесты, к числу которых относятся: а) ритуализованность, б) красочность, в) социализованность. Внутренняя атрибутика фиесты оказывается гораздо богаче и включает: а) атмосферу веселья, б) чувство радости, в) эмоциональное единение людей.

В Словаре «Diccionario de la lengua española» даются следующие определения понятия *fiesta*: «а) día en que, por disposición legal, no se trabaja (день, когда по закону работа не ведется); б) día que una religión celebra con especial solemnidad dedicándolo a Dios o conmemorando un hecho o figura religiosos (день, который почитается/отмечается церковью с особой торжественностью, посвящая его Богу или вспоминая какой-либо религиозный факт или личность); в) acto o conjunto de actos organizados para la diversión o disfrute de una colectividad (мероприятие или ряд мероприятий, организованных для веселья или наслаждения коллективом); г) reunión de gente para celebrar algo o divertirse (собрание людей, чтобы отпраздновать или веселиться); д) (разг.) descanso laboral que se hace en un día que no es festivo (рабочий перерыв, который делается в день, который не является праздничным); е) (pl.) sucesión de varios días de fiesta en que se celebra una solemnidad (последовательность нескольких праздничных дней, в которые проходит торжественная церемония) ¹.

Как мы видим, объем значений данного понятия довольно широк. Однако процесс всемирной глобализации, о котором мы говорили выше, изменяет как структуру значений данного понятия, значительно сужая ее, так и восприятие данного явления, и отношение к нему со стороны представителей испанской и иных лингвокультур. Считаем необходимым продемонстрировать изменения, происходящие в семантическом и концептуальном плане данной лексической единицы, проанализировав особенности ее функционирования в современных испаноязычных медиа.

Анализ практического материала показал, что на сегодняшний день наиболее актуальными и частотными выступают только ряд (причем, довольно ограниченный ряд) ее значений, среди которых: а) народный праздник (праздненство): «...*La capital, además, hasta el 8 de enero, acogerá todos los fines de semana conciertos de agrupaciones de primer nivel y de figuras jóvenes, fundamentalmente. Entre los lugares escogidos están el Malecón habanero, con tres puntos fijos de espectáculos culturales (Plaza Electrónica de la Calle g, La Piragua y el Parque Maceo). En la calle Galiano, con su Fiesta Popular Avenida Italia ...*»² (здесь и далее перевод наш: АО: «Танцы не только в столице. Кроме того, до 8 января в столице каждые выходные будут проходить концерты топ-групп и, в основном, молодых артистов. Среди выбранных для проведения концертов мест — Гаванский Малекон с тремя площадками для проведения культурных мероприятий и празднеств»); «*Plaza Electrónica de la Calle g, La Piragua Parque Maceo*» («На улице Гальяно, где проводится народное гуляние «Проспект Италии»»); «...*Parte de esta gran fiesta de la cultura cubana, que nos llama a juntarnos por Cuba, llevará alegría a nuestro pueblo, luego de un año duro y de grandes sacrificios, por causa del recrudecimiento del criminal bloqueo que nos impone el Gobierno de Estados Unidos*»³ («... Часть этого великого фестиваля кубинской культуры, который призывает нас нужно сплотиться ради нашей страны, принесет радость нашему народу после прошедшего

¹ Diccionario de la lengua española. 2001. Real Academia Española. Madrid, Espasa, 2368 p.

² Ricardo Alonso Venereo. 2022. Bailar por Cuba. Granma. 26 de diciembre de 2022. <https://www.granma.cu/cultura/2022-12-26/bailar-por-cuba-26-12-2022-18-12-55> (accessed: February 25, 2023).

³ Ricardo Alonso Venereo. 2022. Bailar por Cuba. Granma. 26 de diciembre de 2022. <https://www.granma.cu/cultura/2022-12-26/bailar-por-cuba-26-12-2022-18-12-55> (accessed: February 25, 2023).

тяжелого года и понесенных больших жертв, вызванных усилением преступной блокады, организованной правительством Соединенных Штатов»).

б) религиозный праздник: «*Las personas con trastornos alimentarios sufren especialmente en estas fechas en las que todas las celebraciones se hacen en torno a la mesa. Con la pandemia se dispararon los trastornos de la conducta alimentaria, los llamados TCA. Afectan ya al 4 % de la población, sobre todo a mujeres. Para estas personas, unas fiestas como las Navidades, que giran tanto en torno a la comida, son especialmente difíciles. Para sus familias y amigos, también*»¹ («Люди с расстройствами пищеварения особенно страдают в эти дни, когда все торжества проходят за столом. В связи с пандемией количество людей, страдающих расстройством пищеварения, так называемых РПП, резко возросло. Данная проблема уже затронула 4 % населения, главным образом, женщин. Для таких людей особенно сложно пережить такие праздники, как Рождество, которые тесно связаны с едой. Это также является проблемой для их семей и друзей»). Хотя в данном случае речь идет о Рождестве, акцентируется только одна сторона данного праздника – застолье.

в) фестиваль: «...*En ese certamen se alzó con el reconocimiento al mejor largometraje de ficción el filme argelino-francés Papicha, dirigido por Mounia Meddour. Meses después llegó a la capital la fiesta del cine latinoamericano, con el lema Cine a lo grande, en estrecha relación con la idea de devolver al público las grandes pantallas de los cines. Durante los diez días de duración se proyectaron casi dos centenares de filmes y se hicieron decenas de conferencias teóricas y ruedas de prensa con directores y protagonistas de las obras...*»² («...В этом конкурсе награду за лучший игровой художественный фильм получил алжиро-французский фильм «Папича» режиссера Мунии Меддура. Несколько месяцев спустя в столицу прибыл фестиваль латиноамериканского кино, девизом которого стал слоган: «Кино с размахом»; организация и проведение этого фестиваля тесно связаны с идеей возвращения публике больших экранов кинотеатров. За десять дней было показано почти двести фильмов и проведены десятки мастер-классов и пресс-конференций с режиссерами и героями фильмов...»).

г) событие, организованное для определенной группы людей (детский праздник, молодежный праздник, профессиональный праздник): «*Cómo hacer una fiesta infantil 'low cost'. ...El truco para conseguirlo es tener previsión, organizarse bien los tiempos y echar mano de toda vuestra creatividad. Aquí te damos las claves para hacer una fiesta infantil barata que los niños siempre recordarán...*»³ («Как устроить недорогой детский праздник. ...Чтобы добиться этого, необходимо проявить дальновидность, умело организовывать свое время и использовать весь свой творческий потенциал. Здесь мы даем вам некоторые советы, как устроить недорогой детский праздник, который дети запомнят навсегда...»).

д) время отдыха (тусовка, вечеринка): «*No hay lista de chiringuitos que se precie en la que no aparezcan los templos de la fiesta y el relax – depende de la hora – que son Agua Tarifa, El Dorado, Tumbao, Arte Vida...*»⁴ («Невозможно перечислить все достойные пляжные бары, которые не стали бы храмами веселья и отдыха – в зависимости от времени – в частности, Агуа Тарифа, Эльдорадо, Тумбао, Арте Вуда...»).

Как показывают результаты проведенного анализа (текстовых фрагментов из современных испаноязычных СМИ), в настоящее время оказываются утеряны (полностью

¹ Hip. Horeca Professional Expo. IFEMA Madrid. <https://www.revistaalimentaria.es/consumidora/alimentacion-mujer/consejos-para-cuidar-tu-alimentacion-durante-las-fiestas-navidenas> (accessed: February 25, 2023).

² Filme El gran movimiento gana Coral de ficción en Festival. 2022. Agencia Informativa Latinoamericana S.A. Diciembre 9, 2022. <https://www.prensa-latina.cu/2022/12/09/filme-el-gran-movimiento-gana-coral-de-ficcion-en-festival> (accessed: February 25, 2023).

³ Como hacer una fiesta infantil 'low cost'. 2023. Sapos y Princesas S.L. <https://saposyprincesas.elmundo.es/consejos/fiestas-infantiles-celebraciones/fiesta-infantil-barata/> (accessed: February 25, 2023).

⁴ Las mejores playas de España para irte de fiesta. <https://www.google.com/search?q=No+hay+lista+de+chiringuitos+que+se+fiesta+y+el+relax+darifa%2> (accessed: February 25, 2023).

или частично) такие семантические компоненты лексической единицы *fiesta*, как «день, отмечаемый церковью и посвященный Богу или святому»; «последовательность праздничных (нерабочих) дней, отведенных для проведения национальных торжественных церемоний». Религиозный компонент оказывается практически полностью нивелирован в семантическом плане данной лексической единицы в настоящее время; религиозное сознание оказывает меньшее влияние на концептуализацию действительности [Bobyreva et al., 2018, p. 27]. Испанская фиеста в целом теряет карнавальный характер и переходит в разряд простого праздника, дня отдыха.

Интересно отметить, что указанное положение дел имеет место в самой испанской лингвокультуре. В то же время, во всем мире Испания и вся испанская лингвокультура продолжают ассоциироваться с такими национально-специфическими культурными феноменами, как «*фиеста*», «*коррида*», «*фламенко*».

Для верификации полученных на основе анализа языкового материала данных, нами было проведено анкетирование представителей испанской и русской лингвокультур. Анкета содержала ряд понятий, с которыми у представителей русской и испанской лингвокультур ассоциируется испанская фиеста; в число возможных ассоциативных позиций были включены следующие: а) национальный праздник (фиеста), б) народный праздник (гуляния), в) религиозный праздник, г) отдых от работы (выходной), д) вечеринка (тусовка), е) важное событие, отмечаемое отдельной группой людей (детский праздник, молодежный праздник, профессиональный праздник), ж) фестиваль.

Анкетирование представителей испанской лингвокультуры показало следующее распределение приоритетов: национальный праздник (фиеста) – 5 %, народный праздник (массовые гуляния) – 7 %, религиозный праздник – 2 %, отдых от работы (выходной) – 29 %, вечеринка (тусовка) – 43 %, событие важное и отмечаемое отдельной группой людей (детский праздник, молодежный праздник, профессиональный праздник) – 11 %, фестиваль – 3 %.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что в сознании представителей современного испанского социума фиеста — это в большей мере отдых от повседневной работы, праздник, вечеринка.

Анкетирование русскоязычных респондентов показало иное распределение приоритетов: национальный праздник Испании (фиеста) – 62 %, народный праздник (гуляния) – 15 %, религиозный праздник – 13 %, отдых от работы (выходной) – 2 %, вечеринка (тусовка) – 3 %, важное событие, отмечаемое отдельной группой людей (детский праздник, молодежный праздник, профессиональный праздник) – 1 %, фестиваль – 4 %.

Результаты проведенного анализа показали, что традиционная испанская фиеста, многие столетия выступающая символом Испании, продолжает оставаться таковой для носителей испанского языка, что подтверждает устойчивость сложившихся в мировом коллективном сознании стереотипов. В то же время в сознании самих испанцев, национальная специфика лексической единицы *fiesta* нивелируется, теряя ряд важных, релевантных на протяжении длительного периода исторического развития значений (в частности, фиеста как центральный компонент карнавальной культуры). Практически полностью утрачивается связь фиесты с религиозными основами, а также нивелируется национально-культурная значимость и карнавальная природа рассматриваемого события.

Заключение

Проведенный анализ актуализации национально-культурного феномена *fiesta* в современной испанской лингвокультуре и рассмотрение функционирования данной лексической единицы в современных средствах массовой информации показал, что процесс глобализации, а также определяемые данным процессом особенности развития отдельных национальных культур значительно корректируют содержательный план многих понятий и концептуализацию разных явлений. Сказанное в полной мере относится к

рассматриваемому нами феномену испанской фиесты. Будучи изначально связан с религиозной сферой и имея прочную религиозную основу, в настоящее время анализируемый феномен практически полностью утрачивает данную (религиозную) составляющую, демонстрируя светскую природу. Кроме того, выступая исторически маркером и составной частью испанской национальной лингвокультуры, в настоящее время данный феномен также частично теряет свою национально-культурную специфику. Анализ современных испаноязычных СМИ, а также опрос испаноязычных и русскоязычных информантов показал различное восприятие данного культурно-значимого феномена. Результаты опроса испаноязычной аудитории показали, что в современном испанском языке оказываются утрачены (полностью или частично) такие семантические компоненты лексической единицы *fiesta*, как «день, отмечаемый церковью и посвященный Богу или святому»; «последовательность праздничных (нерабочих) дней, отведенных для проведения национальных торжественных церемоний». Сама испанская фиеста утрачивает карнавальную характер и переходит в разряд простого праздника. Анкетирование представителей испанской лингвокультуры показало, что только незначительный процент респондентов ассоциирует данное понятие с национальным праздником, имеющим религиозную основу; большая же часть опрошенных рассматривает его как вечеринку, тусовку, время отдыха в целом. В противоположность этому в глобальном масштабе Испания и испанская лингвокультура продолжают ассоциироваться с такими понятиями как «фиеста», «коррида», «фламенко», и это четко продемонстрировали данные опроса русскоязычных респондентов, которые в числе основных выделили такой смысловой компонент, как «национальный праздник Испании (фиеста)».

Перспективами исследования может стать рассмотрение феномена испанской фиесты в качестве импортируемого концепта, что позволит проследить изменения его понятийного и ценностного планов при вхождении в другие мировые лингвокультуры под влиянием и в рамках общего процесса глобализации, затрагивающего все стороны жизни человека и существования социума.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. 2010. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Москва, Флинта, Наука, 224 с.
- Баландина Л.А., Ганина Е.В. 2016. Лингвистические аспекты глобализации, *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*, 3(23): 73–84. DOI: [10.12737/18154](https://doi.org/10.12737/18154)
- Болдырев Н.Н. 2017. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2: 5–14. DOI: [10.20916/1812-3228-2017-2-5-14](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-2-5-14)
- Вежбицкая А., Шмелев А.Д. 2001. Понимание культур через посредство ключевых слов. Пер. с англ. А.Д. Шмелева, А. Вежбицкой. Москва, Языки славянской культуры, 289 с. (Wierzbicka A. 1997. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese*. New York, Oxford University Press, 328 p.)
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 2005. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Под ред. Ю.С. Степанова. Москва, Индрик, 1040 с.
- Вишневская Г.М. 2018. Языковая глобализация и билингвизм: Status Quo. В кн.: Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. Сборник научных трудов. Под ред. В.В. Потапова, Е.А. Казак. Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН: 41–60.
- Воркачев С.Г. 2017. Российская лингвокультурная концептология как научное направление. В кн.: Мир в языке и культуре. Сборник докладов XXVIII Осенней школы и XXVIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26-28 августа 2017 г. Серия: Концептуальный и лингвальный миры. Выпуск 14. Под ред. М.В. Пименовой. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет: 5–14.
- Гумбольдт В. 2000. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем., ред. Г.В. Рамишвили. Москва, Прогресс, 400 с.

- Демьянков В.З. 2018. Когнитивная семантика. В кн.: Хрестоматия по общему языкознанию. Под ред. И.А. Цыбовой. Москва, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации МГИМО-Университет: 73–74.
- Добросклонская Т.Г. 2014. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). Москва, Флинта, 530 с.
- Желтухина М.Р. 2010. Медиадискурс: структурная специфика. В кн.: Медиатекст: стратегии – функции – стиль. Под ред. Л.И. Гришаевой, А.Г. Пастухова, Т.В. Чернышовой. Орел, Орловский государственный институт искусств и культуры, 19–31.
- Казак М.Ю. 2011. Медиатекст: сущностные и типологические свойства. *Global Media Journal – Russian Edition*, 2: 320–334.
- Казаков Ю.В. 2001. На пути к профессионально-правильному. Российский медиа-этнос как территория поиска. М., Центр прикладной этики, 656 с.
- Калашникова Л.В. 2018. Виртуализация языковой картины мира на примере повести К.С. Аксакова «Облако». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1(29): 51–61. DOI: [10.29025/2079-6021-2018-1\(29\)-51-61](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-1(29)-51-61)
- Кара-Мурза Е.С. 2017. Гипотеза «продвигающих» коммуникаций как макрообъекта медиалингвистики. В кн.: Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа. Материалы II Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 г.). Выпуск 6. Под ред. А.А. Малышева. Санкт-Петербург, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет: 296–297.
- Карасик В.И. 2020. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции. *Политическая лингвистика*, 2(80): 25–34. DOI: [10.26170/pl20-02-02](https://doi.org/10.26170/pl20-02-02)
- Красных В.В. 1998. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., Диалог-МГУ, 352 с.
- Кубрякова Е.С. 2012. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. Серия: Разумное поведение и язык. Под ред. В. Ф. Новодрановой. М., Знак, 208 с.
- Маслова В.А. 2018. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре. *Гуманитарный вектор*, 13(1): 6–11. DOI: [10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11)
- Пантелеева О.О. 2007. Этнокультурная специфика доминантных концептов, вербализованных в художественной картине мира Висенте Бласко Ибаньеса. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 274 с.
- Тамерьян Т.Ю. 2011. Модель мира в языке: проблемы двуязычного пространства. Под ред. Ю.Д. Каражаева. Владикавказ, Изд-во Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, 217 с.
- Шайхитдинов Т.В., Шайхитдинова С.К. 2018. Медиатексты об исламе: «новый журнализм» vs социальная ответственность. Книга 1. Серия: «Ситуация человека» в пространстве коммуникаций. Под ред. И.М. Дзялошинского, А.М. Межведилова. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 216 с.
- Шаронов Д.И. 2017. Границы как иллюзия: исторические перипетии «медиатизации». Историческая и социально-образовательная мысль, 9(6/1): 155–161. DOI: [10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161)
- Хелал С.К.М. 2013. «Проблема Испании» и роман Висенте Бласко Ибаньеса «Кровь и песок». Автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 18 с.
- Bobyreva E.V., Zheltuhina M.R., Dmitrieva O.A., Busygina M.V. 2018. Role and Place of Religious Consciousness in Culture Formation. In: *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDIAN-2018)*. The International Scientific and Practical Conference (Volgograd, Russia, April 23-28, 2018). Eds. S. Cindori, O. Larouk, E.Yu. Malushko, L.N. Rebrina and N.L. Shamne. SHS Web Conf., Vol. 50, article 01035. DOI: [10.1051/shsconf/20185001035](https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001035)
- Tameryan T.Yu., Zheltukhina M.R., Sidorova I.G., Shishkina E.V. 2019. Stereotype component in the structure of ethnocultural archetype (on Internet-Blogs). In: *SCTCGM 2018 - Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Ed. D.K. Bataev. European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 58: 1716–1722. DOI: [10.15405/epsbs.2019.03.02.200](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.200)

References

- Alefirenko N.F. 2010. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology: the value-semantic space of language]. Moscow, Publ. Flinta, Nauka, 224 p.
- Balandina L.A., Ganina E.V. 2016. Linguistic aspects of globalization. Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta, Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 6(3): 73–84 (in Russian). DOI: [10.12737/18154](https://doi.org/10.12737/18154)
- Boldyrev N.N. 2017. Problems of verbal communication in cognitive perspective. Issues of Cognitive Linguistics, 2: 5–14 (in Russian). DOI: [10.20916/1812-3228-2017-2-5-14](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-2-5-14)
- Vezhbitskaya A., Shmelev A.D. 2001. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Per. from English A.D. Shmelev, A. Vezhbitskaya. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 289 p. (Wierzbicka A. 1997. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York, Oxford University Press, 328 p.)
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 2005. Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. Ed. Yu.S. Stepanov. Moscow, Publ. Indrik, 1040 p.
- Vishnevskaya G.M. 2018. Yazykovaya globalizatsiya i bilingvizm: Status Quo [Language globalization and bilingualism: Status Quo]. In: Yazyk v global'nom kontekste: sovremennaya yazykovaya situatsiya kak sledstvie protsessa globalizatsii [Language in a global context: the modern linguistic situation as a consequence of the globalization process]. Collection of scientific papers. Eds. V.V. Potapov, E.A. Kazak. Moscow, Publ. Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN: 41–60.
- Vorkachev S.G. 2017. Russian anthropologic linguistics as a scientific branch. In: Mir v yazyke i kul'ture [World in language and culture]. Collection of reports from the XXVIII Autumn School and the XXVIII International Scientific Conference, St. Petersburg, August 26–28, 2017. Series: Kontseptual'nyy i lingval'nyy miry [Conceptual and lingual worlds]. Is. 14. Ed. M.V. Pimenova. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet: 5–14.
- Gumbol'dt V. 2000. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu [Selected works on linguistics]. Per. from German, ed. G.V. Ramishvili. Moscow, Publ. Progress, 400 p.
- Dem'yankov V.Z. 2018. Cognitive semantics. In: Khrestomatiya po obshchemu yazykoznaniiyu [Reader on general linguistics]. Ed. I.A. Tsybova. Moscow, Publ. Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii MGIMO-Universitet: 73–74.
- Dobrosklonskaya T.G. 2014. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliyskaya mediarech') [Medialinguistics: a systematic approach to the study of media language (modern English media speech)]. Moscow, Publ. Flinta, 530 p.
- Zheltukhina M.R. 2010. Media discourse: structural specificity. In: Mediatekst: strategii – funktsii – stil' [Media text: strategies – functions – style]. Eds. L.I. Grishaeva, A.G. Pastukhov, T.V. Chernyshova. Orel, Publ. Orlovskiy gosudarstvennyy institut iskusstv i kul'tury, 19–31.
- Kazak M.Yu. 2011. Mediatekst: sushchnostnye i tipologicheskie svoystva [Media text: essential and typological properties]. *Global Media Journal - Russian Edition*, 2: 320–334.
- Kazakov Yu.V. 2001. Na puti k professional'no pravil'nomu. Rossiyskiy media-etos kak territoriya poiska [On the way to professionally correct. Russian media ethos as a territory of search]. Moscow, Publ. Tsentr prikladnoy etiki, 304 p.
- Kalashnikova L.V. 2018. Linguistic worldview virtualization exemplified by K.S. Aksakov's story «Cloud». Aktual'nye problemy filologii i pedagogiceskoj lingvistiki. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1 (29): 51–61 (in Russian). DOI: [10.29025/2079-6021-2018-1\(29\)-51-61](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-1(29)-51-61)
- Kara-Murza E.S. 2017. The hypothesis of "promoting" communications as a macroobject of media linguistics. In: Medialingvistika. Yazyk v koordinatakh massmedia [Medialinguistics. Language in mass media coordinates]. Materials of the II International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, July 02–06, 2017). Issue 6. Ed. A.A. Malyshev. St. Petersburg, Publ. Institut «Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy», Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet: 296–297.
- Karasik V.I. 2020. Epidemic in the mirror of media discourse: facts, evaluations, positions. *Political Linguistics*, 80: 25–34 (in Russian). DOI: [10.26170/pl20-02-02](https://doi.org/10.26170/pl20-02-02)

- Krasnykh V.V. 1998. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya) [Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communication)]. M., Publ. Dialog-MGU, 352 p.
- Kubryakova E.S. 2012. V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya [In search of the essence of language: cognitive studies]. Series: Razumnoe povedenie i yazyk [Reasonable behavior and language]. Ed. V. F. Novodranova. M., Publ. Znak, 208 p.
- Maslova V.A. 2018. Modern Linguistics – The Science of Man, His Consciousness, Language and Culture. Humanitarian Vector, 13(1): 6–11. DOI: [10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11)
- Panteleeva O.O. 2007. Etnokul'turnaya spetsifika dominantnykh kontseptov, verbalizovannykh v khudozhestvennoy kartine mira Visente Blasko Iban'esa [Ethnocultural specificity of dominant concepts verbalized in the artistic picture of the world by Vicente Blasco Ibáñez]. Dis. ...cand. Philol. Science. Voronezh, 274 p.
- Tamer'yan T.Yu. 2011. Model' mira v yazyke: problemy dvuyazychnogo prostranstva [Model of the world in language: problems of bilingual space]. Ed. Yu.D. Karazhaev. Vladikavkaz, Publ. Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova, 217 p.
- Shaykhitdinov T.V., Shaykhitdinova S.K. 2018. Media Texts on Islam: “New Journalism” vs Social Responsibility. Book 1. Series: “Situatsiya cheloveka” v prostranstve kommunikatsiy [“The Human Situation” in the Space of Communications]. Eds. I.M. Dzyaloshinsky, A.M. Mezhvedilov. Kazan, Publ. Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 216 p.
- Sharonov D.I. 2017. Boundaries as illusion: the historical vicissitudes of the "mediatization". *Historical and Social-Educational Idea*, 9 (6/1): 155–161 (in Russian). DOI: [10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161).
- Khelal S.K.M. 2013. «Problema Ispanii» i roman Visente Blasko Iban'esa «Krov' i pesok» [“The Problem of Spain” and the novel “Blood and Sand” by Vicente Blasco Ibáñez]. Abstract. ... cand. Philol. Science. Voronezh, 18 p.
- Bobyreva E.V., Zheltuhina M.R., Dmitrieva O.A., Busygina M.V. 2018. Role and Place of Religious Consciousness in Culture Formation. In: Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDIAH-2018). The International Scientific and Practical Conference (Volgograd, Russia, April 23-28, 2018). Eds. S. Cindori, O. Larouk, E.Yu. Malushko, L.N. Rebrina and N.L. Shamne. SHS Web Conf., Vol. 50, article 01035. DOI: [10.1051/shsconf/20185001035](https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001035)
- Tameryan T.Yu., Zheltukhina M.R., Sidorova I.G., Shishkina E.V. 2019. Stereotype component in the structure of ethnocultural archetype (on Internet-Blogs). In: SCTCGM 2018 - Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Ed. D.K. Bataev. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 58: 1716–1722. DOI: [10.15405/epsbs.2019.03.02.200](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.200)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.05.2023

Поступила после рецензирования 28.08.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received May 01, 2023

Revised August 28, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оганесян Анна Оганесовна, старший преподаватель кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna O. Oganesyanyan, senior teacher of the Roman Philology Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia.

УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565

О дискурсивной природе имени собственного

Позднякова Е.Ю.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46
helena_poz@mail.ru

Аннотация. В рамках дискурсивного подхода в данном исследовании внимание сосредоточено на речемыслительной деятельности воспринимающего субъекта, а само имя собственное рассматривается не просто как свернутый текст, а как компрессия множества текстов, образующих дискурсивное поле онима. Имя заключает в себе многослойную информацию, которая образует дискурс онима и может быть выявлена через дискурсивный эксперимент. Данный эксперимент включал в себя три этапа: 1-й этап позволил смоделировать ассоциативное поле онима и выявить механизмы, задействованные при продуцировании ассоциаций, а именно: фонетический, деривационный, парадигматический и синтагматический; на 2-м этапе получены высказывания контактной природы (диалоги), которые разворачиваются в областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов: область событий, область фоновых знаний, область оценки и область атрибуции; 3-й этап был связан с моделированием неконтактных речевых актов (монологов) онимической природы. Полученные тексты фантазийной природы были разделены на 4 группы: 1) текст-предположение; 2) текст-ассоциация; 3) текст-знание; 4) текст-прагматика.

Ключевые слова: имя собственное, дискурсивная ономастика, дискурсивная теория, дискурсивный эксперимент, оним, текст, дискурс

Для цитирования: Позднякова Е.Ю. 2023. О дискурсивной природе имени собственного. *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 42(3): 556–565. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565

On the Discursive Nature of the Proper Name

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University,
46 Lenina Prospect, Barnaul 656038, Russia
helena_poz@mail.ru

Abstract. The discursive approach focuses the attention on the speech-thinking activity of a perceiving subject, and the proper name itself is considered not just as a collapsed text, but a compression of many texts forming the discursive field of the onym. The name contains a multi-layered information that forms the proper name's discourse and it can be identified through the discursive experiment. This experiment included 3 stages. The 1st stage allowed us to model the associative field of the onym and identify the mechanisms producing associations. They are phonetic, derivational, paradigmatic and syntagmatic mechanisms. At the 2nd stage, statements of a contact nature (dialogues) were received. The statements deploy in the fields, connected with the cognitive activity of recipients: the field of events, the field of background knowledge, the field of estimation and the field of attribution. The 3rd stage of the experiment was connected with the modeling of non-contact speech acts (monologues) of an onymic nature. The received texts of fantasy nature were divided into 4 groups: 1) text-assumption; 2) text-association; 3) text-knowledge; 4) text-pragmatics.

Keywords: proper name, discursive onomastics, discursive theory, discursive experiment, onym, text, discourse

For citation: Pozdnyakova E.Yu. 2023. On the Discursive Nature of the Proper Name. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 556–565 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565

Введение

С точки зрения современного дискурсивного подхода имена собственные признаются элементом процесса коммуникации, погруженным в дискурсивные практики коммуникантов. Имя собственное при таком подходе предстает как свернутый текст, актуализирующийся в дискурсивных практиках адресатов и порождающий диалогические (контактные) и монологические (неконтактные) высказывания. Дискурсивные практики определяются как «социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» [Куликова, 2015, с. 7]. Авторы коллективной монографии «Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации» указывают, что «дискурсивные практики составляют существенную часть коммуникативного ресурса языкового сообщества, который, исторически конституируя различные социокультурные сферы (коммуникацию повседневная, юридический, научный, политический, деловой дискурс), обеспечивает устойчивые когнитивно-коммуникативные поведенческие паттерны представителей данной лингвокультуры» [Куликова, 2015, с. 7].

В существующей оппозиции институциональный/неинституциональный дискурс на сегодняшний день наиболее разработанным является институциональный (политический, медицинский, научный, деловой (корпоративный), рекламный, военный, медиадискурс и др.), меньше внимания ученые уделяют изучению особенностей неинституционального дискурса, реализующегося в повседневной коммуникации. В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности функционирования имени собственного в неинституциональном дискурсе, который образуется в процессе неофициальных устных и письменных коммуникаций.

Дискурсивность имени собственного, по нашему мнению, проявляется, с одной стороны, в его функционировании в синхронном дискурсе, а с другой – в вовлеченности в создание новых дискурсивных практик носителей языка. Под дискурсом, вслед за В.В. Красных, будем понимать вербализованную речемыслительную деятельность, предстающую как совокупность процесса и результата и обладающую двумя планами: собственно лингвистическим и лингво-когнитивным. «Дискурс как процесс есть сама вербализуемая деятельность. Дискурс как результат предстает как совокупность текстов» [Красных, 2002, с. 10–11].

Используясь в коммуникативной деятельности воспринимающего субъекта, оним становится исходной точкой, неким стимулом, порождающим множественные реакции реципиентов. В процессе восприятия имени собственного воспринимающий субъект – адресат – разворачивает свернутое послание адресанта, интерпретирует имя и включает его в новые высказывания контактной и неконтактной природы, в совокупности образующие дискурс онима. При интерпретации особое значение приобретают индивидуальные личностные смыслы адресата и его фоновые знания, которые позволяют по-разному разворачивать дискурс онима, образуя вариативные высказывания. «Личностный смысл создает пристрастность человеческого сознания», утверждает А.Н. Леонтьев [1977, с. 153]. В отличие от значений, личностные смыслы не имеют «надындивидуального», своего «не психологического» существования [Леонтьев, 1977, с. 153].

Имя собственное в таком случае представляется и как производная, и как производящая единица, способная как вырастать из текстов-дискурсов, так и порождать новые тексты, в том числе имеющие онимический характер, т.е. связанные с референтным

значением онима. Имя собственное может становиться «пусковым механизмом» в процессе речепорождения, поскольку содержит в сжатом, компрессивном виде, разнообразную информацию, связанную с онома. Деятельность номинатора целенаправленна и мотивирована, ее результат – имя собственное – компрессия текстов и актуальных для номинатора смыслов. Название, исходя из этого, мы рассматриваем как свернутое послание номинатора, направленное к реципиенту, а любой речевой акт подлежит восприятию и интерпретации со стороны воспринимающего субъекта. По справедливому утверждению В.Е. Чернявской, «адресат выступает и как объект воздействия для автора текста, и как самостоятельный субъект его декодирования и интерпретации» [Чернявская, 2007, с. 310]. В процессе восприятия имя собственное играет роль пускового механизма, первой реплики диалогического речевого акта, на которую отвечает адресат, строя высказывания контактной и неконтактной природы. Адресат словно вступает в диалог с номинатором – создателем имени собственного, актуализируя в процессе развертывания онима различные аспекты его семантики, производя оценку и встраивая оним в создаваемые тексты-дискурсы.

Итак, мы предположили, что *«имя собственное представляет собой свернутый до одного слова (словосочетания) текст, включающий в себя определенные ключевые компоненты смысла, которые впоследствии, в процессе восприятия онима, могут быть развернуты и интерпретированы реципиентом (реципиентами), образуя при этом не один возможный текст, а множество текстов, составляющих в совокупности с исходным текстом и другими вербальными и невербальными компонентами коммуникации дискурсивное поле онима»* [Позднякова, 2021, с. 251].

С целью доказательства данной гипотезы нами был предпринят лингвистический эксперимент, названный дискурсивным.

Материалом послужили наименования коммерческих объектов городского пространства (эргонимы), поскольку именно данная группа имен наиболее распространена в городском дискурсе. Коммерческая эргонимия обладает «бытийной» значимостью для горожан и оказывается встроена в дискурсивные практики говорящих и пишущих.

Описание дискурсивного эксперимента

Данный эксперимент проводился поэтапно и включал в себя следующие шаги:

1 этап – свободный ассоциативный эксперимент, в котором стимулами послужили эргонимы – наименования коммерческих объектов;

2 этап состоял в моделировании диалогических текстов, в которых были задействованы эргонимы;

3 этап включал в себя создание монологических текстов, в которых в качестве стимула (темы) выступал отдельный эргоним.

Дополнял полученные данные «but-test», спецификой которого можно назвать «анти-направленность»: продолжая негативно построенное высказывание, информант таким образом «вытаскивает» на поверхность глубинные (фоновые знания) о конкретном объекте.

Результатом 1 этапа эксперимента стали более 5500 реакций, среди которых были выделены высокочастотные (ядерные) и низкочастотные (периферийные) реакции, в 65 случаях отмечается отсутствие ассоциаций. Мы полагаем, что набор ассоциаций, возникающих при предъявлении онима в качестве стимула, образует ассоциативно-вербальную сеть, которая «есть признанный способ субъективного интериоризованного существования лексики» [Караулов, 1993, с. 7]. В свою очередь, ассоциативно-вербальная сеть являет собой онтологическое состояние языка. Ю.Н. Караулов видит в ассоциативной статье такой источник «наблюдений над языком, который содержит практически все возможности, отражает все потенции типовых реализаций соответствующего слова-стимула в речи» [Караулов, 1993, с. 60]. Применительно к имени собственному можно утверждать, что полученные ассоциаты позволяют моделировать концепт имени, при этом

ядерные ассоциации отражают стереотипные, повторяющиеся реакции, характеризующиеся повторяемостью и воспроизводимостью, а единичные реакции связаны с личностными смыслами реципиентов.

В качестве примера рассмотрим ассоциации, полученные при предъявлении эргонима «Ганс»:

Ганс – Христиан Андерсен (15), Андерсен (8), имя / немецкое имя / иностранное имя (1/1/21), Германия (17), писатель (13), сказки / сказка (1/11), немец / немцы (1/11), бар / бар в Барнауле (8/1), остров (7), пиво / пивко (7/1), нет ассоциаций (6), поэт (4), утенок / «Гадкий утенок» (1/4), Дюймовочка (3), лошадь (3), персонаж сказки, персонаж (2), вымышленный персонаж (1), человек (2), мужчина (2), магазин (2), фамилия (2), детство (2), Европа (2), сказочник (2), заведение в городе (2), фильм, кино (2), учёный (2), кинорежиссёр (2), кафе (2), книги (2), салат, оружие, неизвестность, непонимание, музыка, веселье, крендель, ресторан, Италия, уют, интерьер, атмосфера, кухня, Гюнтер, гросс, умный, «Маленький принц», заместитель фюрера, комендант лагеря, офицер, пропаганда, традиции, культура, люди, празднование, кофе, Снежная королева, пингвин, Йоган, фриц, стихотворения, человек с пистолетом, фашист, автор, трактир, Огни, усы, пролив, вода, краски, генерал СС, русалочка, Гитлер, война, солдаты, прозаик, сгорел на Ленина, военный, гангстер, счастливый Ганс, Британия, произведения, колбаски, вывеска, мебель, гвардеец, нога, Ландо, Хайбон Евпатр, газ, азартные игры, кутёж, мальчик, Бельгия, деревня, дровосек, немецкий, диалог, социолог, запад (239 реакций, из них 70 единичных).

Ассоциации представлены как отдельными словами, так и словосочетаниями и предложениями.

В процессе эксперимента испытуемые задействовали различные речевые механизмы, продуцирующие ассоциации, последние мы рассматриваем как свернутые тексты или коммуникативные фрагменты (паттерны), позволяющие в дальнейшем развернуть дискурсивное поле онима. Данные механизмы можно разделить на следующие виды:

1) фонетический механизм, основанный на сходстве звучания слова-стимула и реакции:

Ганс – газ, гангстер, гросс и др.

Фонетический механизм основан на сходстве внешней формы онима-стимула и реакции-ассоциата. Семантической связи между двумя словами при этом не наблюдается. Развертывание происходит на поверхностном, внешнем уровне.

2) деривационный механизм:

Ганс – война, военный; немец, немцы, немецкий; сказки, сказка, сказочник; и др.

Деривационный механизм позволяет выстраивать словообразовательные цепочки, как связанные с онимом-стимулом, так и напрямую к нему не относящиеся. По утверждению Ю.Н. Караулова, словообразовательные гнезда указывают на «своеобразные точки конденсации смысла, точки концентрации сем, характеризующих слово-стимул» [Караулов, 1993, с. 167].

3) парадигматический механизм:

Ганс – бар, вывеска, детство, дровосек, имя, кафе, книги, колбаски, магазин, мужчина, поэт, прозаик, произведения, салат, сказочник, трактир, фамилия, человек и др.

Парадигматический механизм связан с семантическими отношениями, встраиванием онима в синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические ряды, которые включают в себя ядерные лексемы ассоциативного поля онима.

4) синтагматический механизм (словосочетания и предложения):

Ганс – азартные игры, бар в Барнауле, вымышленный персонаж, заместитель фюрера, немецкое имя, иностранное имя, персонаж сказки, человек с пистолетом, сгорел на Ленина и др.

Синтагматический механизм определяет линейные связи онима как ключевой лексемы и позволяет построить словосочетания (модели двух слов) и предложения. При

этом пара стимул – реакция (S – R) также может быть рассмотрена как синтагма, высказывание в компрессивном виде или текст-примитив (по Л. В. Сахарному). По словам Н.И. Степыкина, «ассоциативное поле представляет собой не просто набор ассоциатов, а целостную совокупность речевых действий, активированных словом-стимулом» [Степыкин, 2021, с. 36].

Полученные реакции доказывают, что оним является не только номинативной единицей – результатом процесса номинации, но и коммуникативной единицей, поскольку содержит в свернутом виде подобие первого высказывания дискурса, т. е. сообщение, ту тему, от которой отталкивается воспринимающий субъект при развертывании дискурса онима. Сказанное коррелирует с мыслью Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн о том, что «развертывание текста осуществляется за счет рематизации предложения, то есть присоединения компонентов, несущих новую информацию, к уже реализованной части текста: рема следует за темой» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 32]. В соответствии с темарематическим членением, оним содержит в себе тему, которая в дальнейшем может быть развернута в различных высказываниях носителей языка в рему – то новое, что высказывается о данной теме.

2 этап эксперимента был связан с встраиванием онима в высказывания контактной природы (диалоги). Всего с описываемым онимом «Ганс» было получено 66 диалогических высказываний. Анкета была построена как зачин диалога:

– *Привет.*

– *Привет.*

– *Ты иногда ходишь в кафе?*

– *А я еще бывал в ресторане «Ганс», и ...*

Далее респондентам предлагалось достроить диалог в свободной форме. В результате были получены высказывания, которые разворачиваются в следующих областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов:

1. Область событий (включая состояние, локацию, действия), например:

А я еще бывал в ресторане «Ганс», и ...

еда была приготовлена не лучшим образом, но несмотря на это, персонал со своей работой справлялся очень хорошо;

встречал там своего друга;

мне подали несвежий салат;

впервые попробовал Баварские колбаски;

попробовал блюда из разных стран;

и пел в караоке;

и там пил пиво;

вкусно там поел;

и потратил там очень много денег;

и видел барную стойку;

хорошо провёл время;

не хожу в подобного рода заведения и др.

2. Область фоновых знаний актуализирует фреймовые высказывания (в том числе сообщение информации о месте нахождения, меню заведения, особенностях его интерьера и пр.):

А я еще бывал в ресторане «Ганс», ...

но мой товарищ ходит туда постоянно на бизнес-ланч, и говорит, что меню не меняется последние 2 года, я думаю это не очень хорошо;

помимо кофе и чая могут угостить чем-то интересным;

и «Кинза и Мята», в этих ресторанах можно поесть очень вкусное мясо; и др.

3. Область оценки актуализирует оценочные высказывания – позитивные, негативные (понравилось, не понравилось, восхитительно, красиво, комфортно, ужасно, название мутное, прекрасная атмосфера), смешанные:

А я еще бывал в ресторане «Ганс», и ...

мне там не понравилось, все слишком закрыто и темно, да и сама еда не оставила никаких впечатлений;

мне понравилось;

мне тоже понравилось;

мне там очень понравилось;

мне не понравилась атмосфера;

и мне не понравилось;

там хорошее обслуживание;

и обслуживание там на очень высоком уровне;

мне не очень понравилось обслуживание в этом заведении;

мне не особо там понравилось обслуживание;

он мне показался очень хорошим заведением в плане кухни; и др.

4. Область атрибуции актуализирует атрибутивные высказывания:

А я еще бывал в ресторане «Ганс», и ...

меню в нем разнообразное;

он тоже стилизованный под определенный стиль, а именно под Баварию;

там довольно интересная атмосфера и освещение;

и там отличное пиво;

и там вкусный бизнес-ланч;

там очень вкусные блины;

там вкусные коктейли;

там живая музыка;

и там свежая выпивка;

там большой ассортимент пива; и др.

Актуализация области событий приводит к возникновению событийных высказываний, области фоновых знаний – к порождению фреймовых (информативных) высказываний, область оценки провоцирует комментарийно-оценочные высказывания, а область атрибуции – атрибутивные (признаковые) высказывания.

Полученные данные указывают на то, что развертывание диалогов происходит как приращение смыслов, при этом были зафиксированы и индивидуальные реакции-высказывания, и многочисленные стереотипные, повторяющиеся реакции. Достраивание диалогов происходит в разной степени подробности: начиная от одного слова, до словосочетания и целостной предикативной конструкции. Совпадающие реплики говорят о стереотипности восприятия онимического высказывания, единичные реплики-реакции связаны, по нашему мнению, с личностными смыслами реципиентов, их субъективным восприятием и опытом.

На 3 этапе эксперимента респондентам предлагалось смоделировать монологический текст, который мог бы у них появиться по поводу названий на вывесках. В качестве стимула было использовано 10 наименований предприятий ресторанной сферы, избранные методом случайной выборки («Асадор», «Ганс», «Иероглиф», «Лукошко», «Облепиха», «Океан», «Опера», «Сова», «Тициан», «Черемушки»). Всего было получено около 300 текстов.

Полученные тексты мы рассматриваем как неконтактные речевые акты онимической природы, развертывающие дискурс онима в предельной подробности. Отметим, что большинство полученных неконтактных высказываний имеет фантазийную природу, поскольку испытуемые указывают, что не бывали в этих заведениях и не знакомы со сферой их деятельности.

Неконтактные РА были разделены нами на 4 группы: 1) текст-предположение; 2) текст-ассоциация; 3) текст-знание; 4) текст-прагматика. В качестве примера рассмотрим тексты-реакции на наименование «Ганс».

1. Текст-предположение имеет гипотетическую природу и возникает в том случае, когда реципиент не знает значения слова, либо не обладает достаточной социокультурной осведомленностью об ониме (в случае с именами людей, событий или мест), например:

«Ещё неделю назад, идя на работу, я увидел интересную для меня вывеску с надписью «Ганс», которая сразу же меня заинтересовала. Всю неделю я проходил мимо и размышлял: “Что же там может быть?” На самом деле, вариантов ответа много, ведь слово довольно популярное. Может быть это просто имя? Или название необитаемого острова? Точно я знать не мог. И через неделю размышлений, я решил обязательно зайти на выходных. И вот рано утром, в субботу я пошёл к этой вывеске. Это оказался небольшой книжный магазин с редкими книжными изданиями. Я не смог уйти оттуда, ничего не купив».

«Если бы я, прогуливаясь по улице, внезапно увидела вывеску с названием «Ганс», то я бы без раздумий решила, что где-то поблизости находится заведение с сетью питания. Мои мысли сразу бы посетил небольшой, уютный ресторанчик итальянской кухни. Наверняка, особое чувство теплоты и доброжелательности присутствовало бы в нем. Итальянский стиль в интерьере этого ресторана – это способ познать душу этой страны. Вся та атмосфера представляемого мной ресторана была бы пронизана итальянским духом, стилем и вкусом. Мне кажется, несомненно, пребывание в таком месте обрело бы новые краски впечатлений и прикосновение к кухне Италии».

«Я иду по улице и вижу вывеску с названием «Ганс». Возможно это магазин костюмов. Я вспомню детские сказки. Обращу внимание на название, оно меня заинтересует. Возможно, я найду в этом магазин из интереса».

2. Текст-ассоциация задействует ассоциативный фон имени, в том числе включает в себя индивидуальные ассоциации и сенсорные ощущения реципиентов, например:

«Вывеска с названием «Ганс» – первая ассоциация стала та, что связано с каким-то кафе, рестораном. Появилась даже идея сходить туда и опробовать чашечку кофе или того же чая. Понаблюдать за городской суетой за окном, особенно если вечер. А если был бы дождь, можно было бы прийти сюда, спокойно посидеть и поговорить с родными по телефону... Позвать своих близких друзей, там включают расслабляющую музыку, все было бы атмосферно. Вот что я думала бы, если бы было такое кафе, я проходила бы мимо и представляла все это».

«Название «Ганс» ассоциируется с Германией, так как оно также является немецким именем. Мне кажется, что название очень подходит этому пабу и сразу подразумевает концепцию заведения. Оно предлагает посетителям немецкую кухню и пиво. При виде вывески сразу представляется бар в каком-то городе Баварии... вечер... шумное застолье работаг, которые пришли отдохнуть после рабочего дня».

«О, новое кафе открыли. Надо будет сходить туда как-нибудь. Название ассоциируется со сказкой, скорее всего это детское кафе. Ну а вдруг я ошибаюсь? Схожу и проверю».

«Ганс» – «В первую очередь, данное слово ассоциируется с известным писателем. Так может называться книжный магазин. Возможно, это название клуба литераторов, где люди читают друг другу свои записи, а после хорошей оценки и критики товарищей по клубу, начинают издательство своих произведений. Еще возможен такой вариант, что это магазин оружия, т.к. «ганс» читается английское слово «Guns», что в переводе означает «оружие». Также это может быть музей или театр, названный в честь известного писателя Ганса Христиана Андерсена».

3. Текст-знание построен на знании лексического, либо энциклопедического значения лексической единицы, послужившей наименованием коммерческого предприятия, например:

«Название «Ганс» сразу переносит мысленно в Европу. Это мужское имя знакомо каждому благодаря Гансу Христиану Андерсену и его творчеству. Он жил в 19 веке, сейчас конечно людей с таким именем не встретить, да и тем более в Барнауле, но традиции и история всегда с нами. Теперь вернёмся к вывеске, для меня это европейские традиции и праздники, поэтому могу предположить, что это кафе с традиционной европейской кухней, приятной обстановкой и таким же персоналом. Если быть ещё конкретнее, то имя Ганс немецкое, а также слово звучит грубовато, поэтому вероятно это место больше для взрослых и возможно там подают немецкие колбаски, брецели, пиво и другие деликатесы».

4. Текст-прагматика связан с личностным опытом и жизненными интересами воспринимающих субъектов, например:

«Идя домой после школы, я прохожу множество магазинов. Но однажды я увидел магазин с названием «Ганс». С одной стороны мне показалось название незнакомым. Но потом я вспомнил, как летом смотрел аниме «Ганс». Как весь день потратил на его просмотр, а потом получил от мамы. Ведь на этот день она много дел мне дала, а я ни одного не сделал».

В полученных неконтактных высказываниях испытуемые разворачивали дискурс имени собственного, при этом выстраивая тексты с различной информативной насыщенностью. Имя собственное представляется нам как номинативно-производная единица языка (как и текст), результат свертывания и компрессии информации, легшей в основу номинации. Разворачивание информации осуществляется при восприятии онима адресатом, при этом имя собственное встраивается в высказывания носителей языка и становится исходной темой разворачивающегося дискурса. Характер связи имени собственного с исходным текстом (текстами) может быть разным: прямая связь – в случае использования при номинации прецедентного феномена; косвенная связь – проявляется в понимании интенции номинатора и знании текстов, связанных с онимом; поверхностная – неочевидная – связь присутствует в том случае, когда интенции номинатора не вполне ясны, прозрачны. Поверхностная связь не образует отсылок к предыдущим текстам, связанным с онимом, но образует при его интерпретации адресатом новые тексты, вовлекающие имя собственное и объясняющие его.

Заключение

Проведенный дискурсивный эксперимент доказал, что имя собственное сворачивает дискурс онима до одного слова (словосочетания), которое в процессе восприятия реципиентом разворачивается в различной степени подробности, образуя при этом множество текстов, составляющих дискурсивное поле онима.

Разворачивание дискурса онима представляет собой процесс речепорождения, в котором оним играет роль стимула – механизма, запускающего ряд онимических высказываний-реакций, приводящих к разворачиванию дискурса онима. С позиции теории речевых актов оним – это своеобразный иллюкутивный акт, который «вынуждает» адресата вступить в диалог. Дискурс может быть развернут в разной степени подробности – начиная от отдельного слова-реакции на оним в ассоциативном ряду, и заканчивая завершенными и синтаксически оформленными речевыми актами контактной (диалог) и неконтактной (монолог) природы.

1 этап дискурсивного эксперимента позволил смоделировать ассоциативное поле онима и выявить механизмы, задействованные при продуцировании ассоциаций, а именно: фонетический, деривационный, парадигматический и синтагматический. Полученные

ассоциаты (слова, словосочетания или модели двух слов, предложения) мы рассматриваем как свернутые тексты или коммуникативные фрагменты (паттерны), позволяющие в дальнейшем развернуть дискурсивное поле онима. Ядерные ассоциации отражают стереотипные реакции, характеризующиеся повторяемостью и воспроизводимостью, а единичные реакции связаны с личностными смыслами реципиентов.

На 2 этапе получены высказывания контактной природы (диалоги), которые разворачиваются в следующих областях, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов: область событий, область фоновых знаний, область оценки и область атрибуции. Сами высказывания соответственно классифицированы как событийные, фреймовые (информативные), комментариально-оценочные и атрибутивные (признаковые).

3 этап эксперимента был связан с моделированием неконтактных речевых актов (монологов) онимической природы. Полученные тексты развертывают дискурс онима в предельной подробности. Большинство из них имеет фантазийную природу, поскольку испытуемые указывают, что не бывали в этих заведениях и не знакомы со сферой их деятельности. Неконтактные РА были разделены нами на 4 группы: 1) текст-предположение; 2) текст-ассоциация; 3) текст-знание; 4) текст-прагматика.

Данные эксперимента доказывают, что оним может рассматриваться как свернутый дискурс, который подлежит развертыванию в ситуациях общения. Имя собственное содержит в сжатом, компрессивном виде, разнообразную информацию, связанную с онома. В процессе речепорождения имя раскрывает свою дискурсивную природу, поскольку носитель языка, воспринимая его, актуализирует в своем сознании все тексты и все имеющиеся данные о нем.

Список литературы

- Караулов Ю.Н. 1993. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва, Русский язык, 330 с.
- Куликова Л.В. 2015. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации. Под ред. Л.В. Куликовой. Красноярск, Сибирский федеральный университет: 6–8.
- Красных В.В. 2002. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва, Гнозис, 284 с.
- Леонтьев А.Н. 1977. Деятельность. Сознание. Личность. Москва, Политиздат, 304 с.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. 1991. Текст и его восприятие. Свердловск, Издательство Уральского университета, 172 с.
- Позднякова Е.Ю. 2021. К вопросу о дискурсивной теории ономастики. *Культура и текст*, 1 (44): 245–261. DOI: [10.37386/2305-4077-2021-1-245-261](https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-245-261)
- Степыкин Н.И. 2021. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла. Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 437 с.
- Чернявская В.Е. 2007. Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстуальности. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 3(1): 303–314.

References

- Karaulov Yu.N. 1993. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative grammar of the Russian language]. Moscow, Publ. Russkiy yazyk, 330 p.
- Kulikova L.V. 2015. *Predislovie* [Preface]. In: *Diskursivnye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii* [Discursive practices of modern institutional communication]. Ed. L.V. Kulikova. Krasnoyarsk, Publ. Sibirskiy federal'nyy universitet: 6–8.
- Krasnykh V.V. 2002. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguocultural studies]. Moscow, Publ. Gnozis, 284 p.
- Leont'ev A.N. 1975. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality] Moscow, Publ. Politizdat, 304 p.
- Murzin L.N., Shtern A.S. 1991. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk, Publ. Izdatel'stvo Ural'skogo un-ta, 172 p.
- Pozdnyakova E.Yu. 2021. On the question of discursive theory of onomastics. *Kul'tura i tekst*, 1(44): 245–261. DOI: [10.37386/2305-4077-2021-1-245-261](https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-245-261)

- Stepykin N.I. 2021. Rechevoe deystvie kak psikholingvisticheskiy mekhanizm porozhdeniya i aktualizatsii smysla [Speech action as a psycholinguistic mechanism for the generation and actualization of meaning]. Dis. ... doc. Philol. Sciences. Moscow, 437 p.
- Chernyavskaya V.E. 2007. Text in the cognitive-discursive paradigm: on the issue of the gradual nature of textuality. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 3(1): 303–314 (in Russia).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.08.2023

Received August 03, 2023

Поступила после рецензирования 06.09.2023

Revised September 06, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Позднякова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социологии гуманитарного института, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия.

Elena Yu. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Philology), associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Humanitarian Institute, Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia.

УДК 81.111'255.2

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-566-575

Вариативность перевода художественного текста (на примере переводов романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык)

Стрельцов А.А.

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105
al-astr@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена возможность точного перевода предложений – минимальных языковых единиц, обладающих смысловой завершенностью, как единиц перевода художественного произведения. На материале семи переводов на русский язык нескольких тематически взаимосвязанных предложений из романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» выявлены сходства и различия сравниваемых переводов. Показано, что их отличает вариативность на уровне лексем и частично общность решений на уровне простых предложений, которая объясняется как особенностями структуры предложений и необходимостью соблюдения языковых и речевых норм, так и отчасти знакомством с работой переводчиков-предшественников. Установлено, что в наибольшей степени от всех остальных отличается самый первый из доступных для ознакомления и самый вольный перевод, в несколько меньшей степени – последний перевод, что обусловлено не всегда оправданным использованием добавлений и опущений, а также неудачным выбором замен. Подтверждено, что точность перевода обусловлена прежде всего личностью переводчика.

Ключевые слова: художественный перевод, вариантное соответствие, единица перевода, точный перевод

Для цитирования: Стрельцов А.А. 2023. Вариативность перевода художественного текста (на примере переводов романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык). *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 42(3): 566–575. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-566-575

Variation of a Fiction Text Transfer (On the Example of Translations of M. Twain's Novel "The Adventures of Huckleberry Finn" into Russian)

Aleksey A. Streltsov

Southern federal university,
105 Big Sadovaya St., Rostov-on-Don, Rostov Region 344006, Russia
al-astr@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of accurate translation of sentences as units of translation, comprehensible by itself and, therefore, ideal for comparative analysis of fiction text fragments. We have studied seven translations of a set of inscriptions from the novel "Adventures of Huckleberry Finn" by Mark Twain into the Russian language, made from the late XIXth up to the early XXIst century. We have determined considerable variations in translation of separate words, and relative congruity of simple sentences. The latter can either be explained by the same syntactical structure and observance of language and speech norms, or by the familiarity with the previous works. We have found out, that the first and the last translations are quite loose, due to inappropriate use of additions and omissions, as well as unfortunate choice of substitutions. Therefore, the accuracy of translation depends mostly on the personal traits of the translator, rather than the gender and temporal aspects.

Key words: literary translation, non-permanent equivalent, a translation unit, accurate translation

For citation: Streltsov A.A. 2023. Variation of a Fiction Text Transfer (On the Example of Translations of M. Twain's Novel "The Adventures of Huckleberry Finn" into Russian). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 566–575 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-566-575

Введение

Возможность существования более чем одного варианта перевода отмечается как на уровне отдельных слов (многозначность), так и предложений и текстов: «любой перевод – одна, но не единственная из возможных интерпретаций текста оригинала» [Джабраилова, 2015, с. 97], «текст, в первую очередь художественный, может быть переведен разным переводчиками в различные моменты времени, и, соответственно, результат такого перевода никогда не будет идентичен» [Королькова, 2018, с. 158]. Художественный перевод «потенциально множественен», и сама «возможность появления и равноправного существования в принимающей культуре нескольких вариантов перевода за счет различных интерпретаций переводчиками текста оригинала является универсалией переводческой деятельности [Гарусова, 2007, с. 7].

В данном случае «текст» можно понимать по-разному – как предложение, абзац, микро- или макротекст, т. е. как собственно текст, так и его структурные единицы. Вопрос об определении понятия «единица перевода» является дискуссионным: известный советский лингвист Л.С. Бархударов, считавший проблему ее выделения «одной из сложнейших в теории перевода» [Бархударов, 1975, с. 174], свел ее к вопросу выделения уровней языковых единиц, а его не менее заслуженный современник-переводовед А.Д. Швейцер «отрицал как возможность, так и необходимость выделения единицы перевода» [Воюцкая, 2022]: «перевод осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне смысла высказывания и смысла текста» [Швейцер, 1988, с. 126]. поскольку это – величина переменная, требующая от переводчика в каждом из случаев отдельного решения. Другой видный отечественный переводовед разделял понятия «единица перевода» и «единица переводческого процесса», соотнося и ту, и другую с текстом оригинала, и не противопоставляя друг другу [Комиссаров, 1990, с. 246].

При этом и он, и ныне здравствующий академик Н.К. Гарбовский признавали обоснованность существования «отрезка текста оригинала, который выступает в процессе перевода как относительно самостоятельный объект этого процесса» [Комиссаров, 1990, с. 235], поскольку «перевод текста достаточно большой протяженности может быть осуществлен только то порциям» [Гарбовский, 2007, с. 249]. Они возлагали необходимость выделения подобных единиц на самого переводчика: «мы должны признать, что величины отрезков перевода будут неодинаковыми... у разных переводчиков» [Гарбовский, 2007, с. 249]. Между тем правильность или неправильность такого распределения (текста на отдельные отрезки) непосредственно может сказаться на качестве перевода [Тишаева, Малютина, 2020, с. 103].

Таким образом, несмотря на всю важность «вопроса о единице перевода» для теории перевода (а [Бархударов, 1975; Миньяр-Белоручев, 1996; Гарбовский, 2007] уделили его разбор целые главы в своих трудах, не считая отдельных параграфов у [Комиссаров, 1990; Алексеева, 2004] и статей других авторов), какого-либо определенного решения он, по настоящее время, не получил. Сама единица считается операционной – «под единицей перевода понимается операционная единица – единица, вычленяемая в исходном тексте» [Юдина, 2010, с. 150], а ее выделение – субъективным – действует т. н. фактор «переводчик» [Алексеева, 2004, с. 148]. Тем не менее «большинство ученых все-таки склоняются к необходимости ее [единицы перевода] выделения» [Брыкина, 2015, с. 28], «поскольку любая научная дисциплина подразумевает наличие элементарной единицы –

определенного, далее не членимого, т. е. не поддающегося дальнейшему дроблению сегмента» [Баглай, 2019, с. 117].

Мы в целом согласны с тем, что «единица перевода – это некая единица ориентирования» (хотя «единица ориентирования» не является терминологическим аналогом «единицы перевода» [Гарбовский, 2007, с. 259]). Это отрезок текста оригинала, который несет в себе функцию объекта перевода или объекта сравнительного анализа, который обладает смысловой законченностью» [Баглай, 2019, с. 119], хотя в нем имеет место отказ от рассмотрения «краеугольного» вопроса – «величины фрагмента или отрезка, который следует считать минимальной и достаточной единицей перевода» [Брыкина, 2015, с. 28]. Анализ публикаций показывает, что в качестве минимальной единицы рассматривают не только единицы языка (аффиксы, лексемы, словосочетания, включая сложные терминологические и названия производений), но и, в последние годы, «единицы смысла» [Юдина, 2010; Рябко, 2020].

Цель исследования состоит в установлении возможности точной и адекватной передачи предложений из прозаических художественных текстов.

Объект и методы исследования

В нашем исследовании объектом является «художественный, а значит, культурно-значимый текст, [который] всегда содержит в себе множество потенциальных интерпретаций, исключая наличие одной единственно верной» [Джабраилова, 2015, с. 98], т. е. письменный текст, и единицей ориентирования будут выступать предложение или абзац. Предметом нашего исследования является множество вариантов перевода одного и того же художественного (микро-)текста на русский язык, а основным методом исследования – их сопоставительный анализ.

Выбор объекта и предмета исследования требует пояснения. Существует точка зрения, что «главным объектом переводческой деятельности является текст как целое... даже предложения или сверхфразовые единства нельзя рассматривать как объект перевода» [Павлова, 2012, с. 85]. Соответственно, «предложение как языковая единица, вне связи с целым текстом, не может служить единицей перевода» [Юдина, 2010, с. 152], не говоря уже о словосочетаниях, лексемах и морфемах. Такой подход, с одной стороны, «снимает» вопрос о свойствах единицы перевода, но затрудняет переводческий анализ. Отчасти причина столь радикального решения вопроса заключается в том, что «трудно найти одинаковые по составу и синтаксису предложения, которые бы употреблялись в разнородных текстах» [Павлова, 2012, с. 86], т.е. является «технической». Впрочем, имеется оговорка: «за исключением тех случаев, когда представляет собой (относительно) законченное по смыслу высказывание» [Юдина, 2010, с. 153], возможным исключением являются «специфические малоформатные тексты» [Юдина, 2010, с. 156].

Материалом исследования является фрагмент из тридцать девятой главы романа «Приключения Гекльберри Финна» американского писателя Марка Твена – «скорбная» (или же «грустная», «печальная» – в разных переводах) надпись, которую придумал Том Сойер, один из героев произведения, для негра Джима, и семь вариантов ее перевода на русский язык: три – дореволюционные (В.Л. Ранцова, М.А. Энгельгардта и А.З. Муравьевой), два – советского периода (Р. Брауде и Н.Л. Дарузес), и один – современный (С.Б. Ильина). Отдельно стоит упомянуть перевод В.Г. Тан-Богораза – нам не удалось найти подтверждение информации издательства, что известный этнограф, лингвист, писатель и публицист выполнил перевод указанного произведения (хотя его переводы с английского известны).

Все вместе эти несколько вариантов образуют «своего рода текстовой континуум из переводов» [Джабраилова, 2015, с. 98]. Соответственно, под «вариативностью [перевода] понимается параллельное сосуществование нескольких вариантов перевода одного и того же текста» [Гарусова, 2007, с. 3], а ее главной причиной можно считать различия в

интерпретации и понимании смыслов оригинала переводчиками одного и того же текста оригинала [Гарусова, 2007, с. 8; Джабраилова, 2015, с. 100]. Выбор варианта перевода, тех или иных приемов, используемых переводчиком, является отражением его личности и профессионализма и зависит от сформированности языковой компетенции, наличия фоновых знаний, степени образности мышления, и т.д., и воплощается в собственном варианте текста на языке перевода [Королькова, 2018].

Результаты и их обсуждение

В процессе работы у героя романа Тома Сойера получилось четыре варианта одной надписи, которые представлены ниже:

1. *Here a captive heart busted.*
2. *Here a poor prisoner, forsook by the world and friends, fretted out his sorrowful life.*
3. *Here a lonely heart broke, and a worn spirit went to its rest, after thirty-seven years of solitary captivity.*
4. *Here, homeless and friendless, after thirty-seven years of bitter captivity, perished a noble stranger, natural son of Louis XIV.*

В настоящем исследовании мы рассматриваем их не как набор предложений, а как единое высказывание, поскольку их отличает тематическая связанность. С другой стороны, для удобства анализа мы разберём каждое предложение по отдельности.

Первое предложение троих переводчиков (А. Муравьёва, В. Ранцов и К. Чуковский) передали как *Здесь томилось пленное сердце*. Несмотря на то, что подобное неидиоматическое словосочетание является узуальным, оно всё же не соответствует тексту оригинала, поскольку у глагола «to bust» отсутствует значение «томиться». Почти дословными являются переводы В. Тан-Богораза и Р. Брауде: *Здесь разорвалось пленное/плененное сердце*. Н. Дарузес и С. Ильин использовали пермутацию: *Здесь разорвалось/лопнуло сердце узника/невольника* – поскольку слово *captive* может быть и существительным, и прилагательным, в данном случае нельзя вести речь о конверсии; перевод С. Ильина можно считать допустимым, хотя его вариант передачи сочетания «глагол + существительное» является менее употребительным и, кроме того, использовано устаревшее соответствие. В переводе М. Энгельгардта имеет место изменение структуры предложения вследствие того, что указанное слово было заменено причастным оборотом: *Здесь разбилось сердце, истомленное долгим заключением* в той же функции определения.

Второе предложение в переводах В. Ранцова и К. Чуковского звучит так: *Здесь бедный узник, покинутый светом и друзьями, влачил свою печальную жизнь* (в одной из редакций перевода В. Ранцова немного изменён порядок слов – «друзьями и светом» – А.С.). Это – наиболее близкий к оригиналу перевод, почти дословный. Близкий вариант предложил В. Тан-Богораз, который опустил притяжательное местоимение и использовал глагол *докончить*.

Первая часть предложения также совпадает в переводах Р. Брауде и Н. Дарузес, причём у первого переводчика оно ещё совпадает с двумя приведёнными выше переводами, тогда как у второго переводчика слово *prisoner* передано как *пленник*. Следует отметить, что ещё только один из переводчиков использовал это значение слова – А. Муравьёва. В переводах А. Муравьёва и Н. Дарузес есть ещё одно совпадение – вторая половина предложения: *влачил свое печальное существование* у Н. Дарузес близко к варианту, предложенному А. Муравьёвой: *влачил своё жалкое существование* – отличие в одно слово – синоним [Словарь синонимов..., 2014, с. 237].

Оба переводчика, А. Муравьёва и Н. Дарузес, прибегли к замене слова *life* на *существование*, что в данном случае было оправданным, хотя использование прилагательного *жалкий* не является словарным соответствием слову *sorrowful*. Ещё один случай замены – в переводе М. Энгельгардта: *скончал свои скорбные дни* – прилагательное

передано точно, но хотя само словосочетание *скончал свои дни* иногда употребляется, сочетание его с прилагательным является уникальным. Наконец, в переводе Р. Брауде *в муках окончил свою горестную жизнь* имеет место добавление. Судить о точности перевода сказуемого невозможно, поскольку фразовый глагол *to fret out* отсутствует в словарях, а сам глагол *to fret* не имеет подходящего по смыслу значения, что обуславливает использование контекстуального соответствия на усмотрение переводчика.

Отличаются и определения душевного состояния узника/пленника: у В. Ранцова, В. Тан-Богораза, К. Чуковского, Р. Брауде и Н. Дарузес он *бедный*, у А. Муравьевой и С. Ильина – *несчастный*, тогда как в переводе М. Энгельгардта встречается окказиональное соответствие *злополучный*. Кроме того, у последнего он *зачах от горя* и к тому же был *забыт*, что не соответствует тексту оригинала. Фразу *forsook by the world and friends* почти все перевели дословно как *покинутый светом и друзьями*, М. Энгельгардт использовал причастие *забытый*, тогда как у А. Муравьевой *оставленный родными и друзьями*, а у С. Ильина *забытый миром и знакомыми* – последний вариант является наименее точным. Также следует отметить, что М. Энгельгардт, А. Муравьева и С. Ильин прибегли к инверсии, тогда как как остальные переводчики сохранили прямой порядок слов. При этом М. Энгельгардт вследствие неоправданной замены представил самый короткий вариант перевода.

В случае с третьим предложением можно выделить две группы переводов. Первая группа В. Ранцова и К. Чуковского: *Здесь истерзанное сердце и измученная/многострадальная душа успокоились навеки после тридцатисемилетнего заключения/заточения*; в переводе А. Муравьевой в сравнении с переводом В. Ранцова добавлено ещё *истомлённый ум*. Во всех трёх переводах добавлено слово *навек* и опущено слово *одиночное*, а также применена частеречная замена: вместо сочетания составного числительного и существительного использовано сложное прилагательное.

Вторая группа – Р. Брауде и Н. Дарузес: *Здесь разбилось одинокое сердце и успокоилась усталая душа / усталый дух отошел на покой после тридцати семи лет одиночного заключения*. Перевод С. Ильина близок к переводу Н. Дарузес за исключением двух сочетаний: вместо *одинокое сердце* у С. Ильина *сиротливое сердце*, а *усталый дух* у С. Ильина не *отошел на покой*, а *познал покой*. Перевод Н. Дарузес является наиболее точным, хотя и *душа*, и *дух* являются синонимами, а в данном случае – вариантными соответствиями, также, как и прилагательные *усталый* и *измученный* [Словарь..., 2014, с. 97]. Глагол в форме прошедшего времени *broke* правильнее перевести словарным соответствием, и так поступили большинство переводчиков, как *разбилось*, тогда как замена (лексическая и частеречная) его на *истерзанный* с опущением наречия является случаем неточного перевода. При передаче словосочетания *to go to rest* большинство переводчиков прибегло к стяжению – *успокоилось*, а вариант С. Ильина *Здесь разбилось сиротливое сердце и усталый дух познал покой после тридцати семи лет одиночного заключения* представляется менее удачным.

Перевод В. Тан-Богораза: *Здесь разбилось измученное сердце, и скорбная душа успокоилась навек после тридцатисемилетнего заключения* является «промежуточным»: первая часть близка к вариантам, предложенным Р. Брауде, Н. Дарузес и С. Ильиным, тогда как вторая почти слово в слово совпадает с переводом В. Ранцова; отличие состоит в использовании эпитетов *измученное* и *скорбная*, которые, не будучи словарными соответствиями, представляются адекватными контексту заменами.

Отдельно стоит упомянуть перевод М. Энгельгардта: *Здесь прекратилось наконец биение одинокого сердца и нашел себе вечное успокоение дух узника, измученного тридцатисемилетним одиночным заключением*. Этот перевод является самым длинным из всех вследствие использования добавлений.

Переводы последнего предложения В. Ранцовым, В. Тан-Богоразом и К. Чуковским: *Здесь, бездомный и покинутый, погиб после тридцатисемилетнего (горького)*

заклучения/заточения *благородный чужестранец, побочный сын Людовика XIV* совпадают почти слово в слово; В. Тан-Богоразом использовано вариантное соответствие *заточение* и опущен эпитет *горького*, а у К. Чуковского добавленное слово *короля*. Это различие почти не влияет на смысл переведённого предложения: слова *заклучение* и *заточение* являются синонимами [Словарь синонимов..., 2014, с. 109], а указание на титул в данном контексте является избыточным, поэтому и не представлено ни в оригинале, ни в других переводах. Данный вариант является почти дословным переводом, за исключением рассмотренной выше передачи числительного, а также смыслового развития *friendless* – *покинутый*.

Отчасти близок к данному и перевод А. Муравьёвой: *Здесь погиб бесприютный, всеми покинутый благородный чужестранец, побочный сын Людовика XVI, после тяжкого тридцатисемилетнего заключения* – она изменила порядок слов (что также известно как трансформация форм связи в предложении), использовала вариантное соответствие при переводе слова *homeless* – *бесприютный*, добавила слово *всеми*, и заменила прилагательное *горькое* на *тяжкое* (таким образом произведя стилистическую нивелировку единицы перевода), что не является словарным соответствием. Последняя замена есть и в переводе М. Энгельгардта, который также изменил порядок слов, использовал эквивалент вариантное соответствие при переводе слова *stranger* – *иностранец*, и вольно передал «отрицательные» прилагательные *homeless* и *friendless* – *в чужом краю, покинутый друзьями*, одновременно заменив вид связи на бессоюзный.

Поморфемный перевод этого словосочетания с одновременной частеречной заменой осуществила Р. Брауде: *без дома и без друзей*; Н. Дарузес, в целом использовала тот же приём, но несколько изменила фразу, прибегнув также к смысловому развитию: *без семьи и друзей*). Слово *stranger* Р. Брауде переведено также, как и М. Энгельгардтом, но определяющее слово *noble* передано вариантным соответствием *знатный*, а слово *captivity* – вариантным соответствием *неволя*, при этом использовано то же определяющее слово, что в переводах А. Муравьёвой и М. Энгельгардта. Примечательна одинаковая передача атрибутивных словосочетаний Н. Дарузес и С. Ильиным: *горестного заточения и благородный незнакомец*; также все три переводчика – Р. Брауде, Н. Дарузес и С. Ильин, передали словосочетание с числительным дословно. Имеются и другие особенности: С. Ильиным глагол в форме прошедшего времени *perished* передан как *исчах*, что не является словарным соответствием – все остальные переводчики передали его как *погиб*, а начало предложения почти дословно, за исключением одного добавления, совпадает с вариантами В. Ранцова и К. Чуковского: *Здесь, бездомный и всеми покинутый...* Следует упомянуть и перевод последней фразы: все перевели *natural son* как *побочный сын*, но только Р. Брауде и Н. Дарузес посчитали необходимым прописать порядковый номер Людовика буквами, тогда как остальные переводчики оставили запись римскими цифрами.

Лишь А. Муравьёва заменила Людовика XIV на Людовика XVI, что меняет смысл надписи. В правление первого был некий таинственный узник, который провёл в заключении, пусть и не тридцать семь, как было указано в тексте надписи (неточность, допущенная или Томом Сойером, или же автором романа), но несколько меньше лет – «железная маска». По одной из версий, им мог быть Луи де Бурбон, граф Вермандуа, сын короля от де ла Вальер. По официальной версии, он скончался во Фландрии, в 1669 г. от болезни, а по конспирологической версии, изложенной впервые в книге «Гайные записки по истории персидского двора», – мог быть тогда же арестован, и провёл 34 года в заключении. Неизвестно, был ли знаком Том Сойер с этим или каким-либо другим произведением, где была изложена эта версия, поскольку в тексте романа нет прямых указаний на это, как и названия каких-либо других историко-приключенческих романов, которые он, безусловно, читал, а лишь отдельные имена некоторых «благородных узников» прошлого; определение возможных англоязычных источников, которые могли быть доступны персонажу романа в описываемое время может представлять предмет отдельного исследования, не относящегося к предмету настоящей статьи. С другой стороны, за сына

Людовика XVI выдавал себя «король» – второстепенный персонаж, фигурирующий в центральной части романа. В описываемое время (1840-е гг.) не мог уже жить ни сын, ни даже правнук Людовика XIV, тогда как сын Людовика XVI, если бы выжил, мог быть пожилым мужчиной; впрочем, неизвестен ни один побочный сын казненного короля, и сам он не подал ни малейшего повода к подобного рода слухам.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в плане анализа перевода предпочтительной единицей является простое предложение, хотя мы допускаем, что в отдельных случаях это может быть и словосочетание – устойчивое или терминологическое.

Нам удалось установить, что переводы проанализированного фрагмента, выполненные В. Тан-Богоразом и под ред. К. Чуковского, являются вариантами более раннего перевода, выполненного В. Ранцовым, и подвергшегося в той или иной степени редакторской правке. Переводы А. Муравьевой и С. Ильина ближе к оригиналу, чем перевод М. Энгельгардта, который является наиболее вольным из всех, тогда как переводы Р. Брауде и Н. Дарузес можно считать наиболее точными из проанализированных. Использование трансформаций, как лексических, так и грамматических, объяснялось необходимостью следовать нормам литературного русского языка, в некоторых случаях – стремлением переводчика к большей эмоциональной выразительности, что допустимо и часто оправданно при переводе художественных текстов с одного языка на другой.

Таким образом, наше исследование, осуществленное на материале нескольких отдельных, но тематически связанных предложений на английском (оригинал) и русском (переводы) языках позволяет нам сделать вывод, что точная и адекватная передача отдельных фрагментов прозаических художественных текстов вполне возможна. Точность перевода в меньшей степени зависит от времени его осуществления (конец XIX, начало или середина XX в., наши дни) и пола переводчика – наименее точными являются переводы С. Ильина, А. Муравьевой и М. Энгельгардта, и в большей степени от личностных особенностей переводчика. Все проанализированные переводы можно признать адекватными, поскольку они передают коммуникативное намерение оригинала – эмоциональное воздействие на читателя.

В дальнейшем представляется возможным сравнительно-сопоставительный анализ переводов других фрагментов романа для подтверждения результатов исследования.

Список источников

- Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 2014. Под ред. А.С. Гавриловой. Москва, Аделант, 512 с.
- Твен М. 1911. Полное собрание сочинений: Похождения Гекльберри Финна. Пер. с англ. В. Ранцова. СПб., Кн. изд-во П.П. Сойкина, 456 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)
- Твен М. 1949. Приключения Гекльберри Финна. Пер. с англ. Р. Брауде. Избранное. Том 2. М., Гослитиздат, 276 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)
- Твен М. 2011а. Приключения Гекльберри Финна. Пер. с англ. А.З. Муравьевой. Москва, Искатель, 192 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)
- Твен М. 2011б. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. Пер. с англ. С.Б. Ильина. Москва, Ридерз Дайджест, 477 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)

- Твен М. 2013. Похождения Гекльберри Финна. Пер. с англ. М.А. Энгельгардта. Москва, ЛитРес, 470 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)
- Твен М. 2020. Все приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. Пер. с англ. З.Н. Журавской, В.Г. Тан-Богораз. Санкт-Петербург, СЗКЭО, 480 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)
- Твен М. 2021. Приключения Гекльберри Финна. Пер. с англ. Н.Л. Дарузес. Москва, Нигма, 360 с. (Twain M. 1884. *Adventures of Huckleberry Finn. Part 2 of the dilogy about the adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn. UK and Canada, Chatto & Windus / Charles L. Webster And Company, 362 p.*)

Список литературы

- Алексеева И.С. 2004. Введение в переводоведение. СПб., Филологический факультет СПбГУ; Москва, Издательский центр «Академия», 352 с.
- Баглай М.А. 2019. Единица перевода, её передача на разных уровнях языка, верификация единиц перевода. В кн.: Вопросы лингвистики и переводоведения: опыт начинающих исследователей. Конференция (Брянск, 03-04 июня 2019 г.). Сборник научных студенческих работ. Том 2. Под ред. С.А. Чуговой. Брянск, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского: 117–126.
- Бархударов Л.С. 1975. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва, Международные отношения, 240 с.
- Брыкина С.В. 2015. Диктема как единица перевода. *Контентус*, 10(39): 28–31.
- Воюцкая А.А. 2022. В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, 4(1): 6–15. DOI: [10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15)
- Гарбовский Н.К. 2007. Теория перевода. Москва, Издательство Московского университета, 544 с.
- Гарусова Е.В. 2007. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 16 с.
- Джабраилова В.С. 2015. Вариативность перевода художественного текста как результат переводческой интерпретации. В кн.: Научный опыт и знания: историческое прошлое, настоящее и перспективы будущего. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2014 г.). Москва, Московский государственный гуманитарно-экономический институт: 97–100.
- Комиссаров В.Н. 1990. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва, Высшая школа, 253 с.
- Королькова С.А. 2018. Переводчик и вариативность в художественном переводе. В кн.: *Nomo Loquens: (Вопросы лингвистики и транслятологии)*. Сборник статей. Вып. 11. Под ред. В.А. Митягиной. Волгоград, Издательство Волгоградского государственного университета: 158–171.
- Миньяр-Белоручев Р.К. 1996. Теория и методы перевода. Москва, Московский лицей, 208 с.
- Рябко Е.И. 2020. Единица перевода как единица смысла художественного произведения. В кн.: Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы X Международной научной конференции (Челябинск, 1–3 октября 2020 г.). Под ред. Л.А. Нефедовой. Челябинск, Издательство Челябинского государственного университета: 194–199.
- Павлова А.В. 2012. Текст как основная единица перевода. *Иностранные языки в высшей школе*, 2(21): 85–89.
- Тишаева Н.В., Малютина Т.А. 2020. Единица перевода и проблема качества перевода. *Научный потенциал*, 3: 103–106.
- Швейцер А.Д. 1988. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). Москва, Наука, 215 с.
- Юдина Т.В. 2010. Единица перевода: единица языка или единица смысла? В кн.: *Studia linguistica, XIX. Человек. Язык. Познание*. Под ред. И.А. Щириной. СПб., Политехника-сервис: 150–157.

References

- Alekseeva I.S. 2004. Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to Translation Studies. St. Petersburg]. Spb., Publ. Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Moscow, Publ. Akademiya, 352 p.
- Baglay M.A. 2019. Edinitsa perevoda, ee peredacha na raznykh urovnyakh yazyka, verifikatsiya edinits perevoda [Translation unit, its transmission at different levels of language, verification of translation units]. In: Voprosy lingvistiki i perevodovedeniya: opyt nachinayushchikh issledovateley [Questions of linguistics and translation studies: the experience of novice researchers]. Student conference (Bryansk, June 03-04, 2019). Collection of scientific student works. Vol. 2. Ed. S.A. Chugunovf. Bryansk, Publ. Bryanskiy gosudarstvennyy universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo: 117–126.
- Barkhudarov L.S. 1975. Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) [Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnye otnosheniya, 240 p.
- Brykina S.V. 2015. Diktema kak edinitsa perevoda [Dicteme as a unit of translation]. *Kontentus*, 10 (39): 28–31.
- Voyutskaya A.A. 2022. In search of what the translation unit is: the functioning of translation units as units of decision-making. *Language Studies and Modern Humanities*, 4(1): 6–15 (in Russian). DOI: [10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15)
- Garbovskiy N.K. 2007. Teoriya perevoda [Translation Theory]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 544 p.
- Garusova E.V. 2007. Interpretativnye pozitsii perevodchika kak prichina variativnosti perevoda [Translator's interpretive positions as a cause of translation variability]. Abstract. dis. ...cand. Philol. Science. Tver, 16 p.
- Dzhabrailova V.S. 2015. Variativnost' perevoda khudozhestvennogo teksta kak rezul'tat perevodcheskoy interpretatsii [Variability of the translation of a literary text as a result of translation interpretation]. In: Nauchnyy opyt i znaniya: istoricheskoe proshloe, nastoyashchee i perspektivy budushchego [Scientific experience and knowledge: historical past, present and future prospects]. Collection of proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 24, 2014. Moscow, Publ. Moskovskiy gosudarstvennyy gumanitarno-ekonomicheskii institut: 97–100.
- Komissarov V.N. 1990. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 253 p.
- Korol'kova S.A. 2018. Perevodchik i variativnost' v khudozhestvennom perevode [Translator and variability in literary translation]. In: Homo Loquens: (Voprosy lingvistiki i translyatologii) [Homo Loquens: (Issues of linguistics and translationology)]. Digest of articles. Vol. 11. Ed. V.A. Mityagina. Volgograd, Publ. Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta: 158–171.
- Min'yar-Beloruhev R.K. 1996. Teoriya i metody perevoda [Theory and methods of translation]. Moscow, Publ. Moskovskiy litsey, 208 p.
- Ryabko E.I. 2020. The unit of translation as the unit of meaning of a literary work. In: Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh [Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Proceedings of the X International Scientific Conference, Chelyabinsk, October 1–3, 2020. Ed. L.A. Nefedova. Chelyabinsk, Publ. Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: 194–199.
- Pavlova A.V. 2012. Text as a comprehensive unit of translation. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2(21): 85–89 (in Russian).
- Tishaeva N.V., Malyutina T.A. 2020. The unit of translation and the problem of translation quality. *Nauchnyy potentsial*, 3: 103–106.
- Shveytser A.D. 1988. Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty) [Translation theory (status, problems, aspects)]. Moscow, Publ. Nauka, 215 p.
- Yudina T.V. 2010. Edinitsa perevoda: edinitsa yazyka ili edinitsa smysla [Translation unit: unit of language or unit of meaning]? In: Studia linguistica, XIX. Chelovek. Yazyk. Poznanie [Human. Language. Cognition]. Ed. I.A. Shchirova. St. Petersburg, Publ. Politekhniko-servis: 150–157.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.06.2023
Поступила после рецензирования 29.08.2023
Принята к публикации 10.09.2023

Received June 12, 2023
Revised August 29, 2023
Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцов Алексей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Streltsov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Translation and Information Technologies in Linguistics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 81.42

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-576-584

Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности

Тисленкова И.А.

Волгоградский государственный технический университет,
Россия, 400005, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 28
tislenkova@bk.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и характеристике основных форм демонстративной самопрезентации, дискурсивных обстоятельств, обуславливающих их употребление и лингвистических средств её актуализации посредством психолингвистического анализа реплик коммуникантов. Результаты работы показывают, что самопрезентация – аттрактивное вербальное поведение образуется употреблением гиперболизированных форм этикетных клише, однородных глаголов первого лица настоящего времени со значением «сочувствовать» и «понимать», усилителей и фразеологизмов, риторических вопросов, содержащих эпитет-комплимент; самопрезентация-самовозвеличивание строится на использовании гиперболы, форм определительного местоимения «весь», клишированных фраз, акцентирующих и эмоциональных частиц, экспрессивного синтаксиса, образных фразеологизмов, прилагательных с положительной коннотацией; самопрезентация – самоуничижение актуализируется деформированными фразеологизмами с заменой положительного компонента на отрицательный, местоимением «я», прилагательными с отрицательной коннотацией и антитезой; самопрезентация – демонстрация силы или статуса реализуется с помощью глаголов со значением влияния, принуждения, речевых штампов, оценочно-эмоциональной лексики.

Ключевые слова: демонстративная тональность, самопрезентация, онтологический нарратив, коммуникативные демонстративы, речевые стратегии

Для цитирования: Тисленкова И.А. 2023. Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 576–584. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-576-584

Self-presentation As the Constitutive Sign of Communicative Demonstrativeness

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University,
28 V.I. Lenin Av., Volgograd 400005, Russia
tislenkova@bk.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify and characterize the main forms of demonstrative self-presentation, discursive circumstances that cause their use and linguistic means of its actualization through psycholinguistic analysis of communicants' replicas. The results of the work show that self-presentation in attractive verbal behavior is formed by the use of hyperbolized forms of etiquette cliches, homogeneous first person singular verbs of the present tense with the meaning of "sympathize" and "understand", amplifiers and phraseological units, rhetorical questions containing an epithet-compliment; self-praise is based on the use of hyperbole, the universal pronoun all, cliched phrases, accentuating and emotional particles, expressive syntax, figurative phraseological units, adjectives with positive connotation; self-deprecation is actualized by deformed phraseological units with the replacement of a positive component with a negative one, the pronoun I, adjectives with negative connotation and antithesis; demonstration of

self-contained strength or status is formed with the help of the verbs with the meaning of influence, coercion, as well as with speech stamps and evaluative-emotional vocabulary.

Keywords: demonstrative tonality, self-presentation, ontological narrative, communicative demonstratives, speech strategies

For citation: Tislenkova I.A. 2023. Self-presentation As the Constitutive Sign of Communicative Demonstrativeness. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 576–584 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-576-584

Введение

XXI век считается столетием самопрезентации мирового масштаба. Люди современного общества живут в условиях постоянного психологического воздействия СМИ, навязывающих сознанию образы социальной успешности. Существует необходимость составлять резюме о своём опыте работы и уровне образования при устройстве на работу. Телеканалы транслируют населению ток шоу с участием звёзд эстрады, популярных политиков, художников, актёров, представляющих достоинства своей личности. Новой тенденцией в общении стала коммуникативная демонстративность, находящая свое выражение в вербальной саморепрезентации [Чередниченко, 2021].

Основываясь на классификации В.И. Карасика, мы идентифицируем демонстративность как структурно-образующую коммуникативную категорию спектрального типа – тональность, определяющую процесс речевого общения и выполняющую функцию самоманифестации и эмоционального воздействия на реципиента. Демонстративная тональность проявляется в личностно- и статусно-ориентированном общении, в котором аутопрезентация используется с целью формирования благоприятного образа себя [Карасик, 2017]. Самопрезентация, наряду с акцентированностью и преувеличением, выступает ядерным элементом и конститутивным признаком коммуникативной демонстративности.

Цель исследования состоит в выявлении и характеристике основных форм демонстративной самопрезентации, обстоятельств, которые обуславливают их употребление и лингвистических средств ее актуализации.

Объектом изучения являются фрагменты речи говорящих, содержащие самопрезентацию как выражение демонстративности коммуниканта. Материалом для анализа демонстративной тональности самопрезентации послужили высказывания приглашенных гостей теле- и видеointервью 2017–2021 годов, размещенных на канале Youtube, и реплики героев прозаических произведений общим объёмом 128 600 слов. Методы исследования включают психолингвистический анализ речи коммуникантов, семиотический и семантико-стилистический методы анализа текста.

Феномен самопрезентации в научных исследованиях

Термин «самопрезентация» понимается гуманитарными науками как манипулятивная деятельность человека в определенных ситуациях. Будучи поведенческим результатом взаимодействия человека с социальной общностью, самопрезентация представляет собой психологический феномен общий для любой социальной интеракции, постоянно обнаруживающий себя в поведении коммуникативной личности, независимо от градации осознанности ею своих действий [Корягина, 2020]. Самоподача, внутренне присущая составляющая социально-ролевого поведения человека, имеет прагматическую природу и способствует успешному решению повседневных задач [Al-Mamoory, 2023].

В 1959 году американский социолог Ирвинг Гоффман, представитель Чикагской школы социологии, первым проанализировал процесс социальной драматургии, предложил термин «самопрезентация» и сформулировал доктрину рассматриваемого нами феномена [Barmaki, 2021].

Коммуникативная стратегия самопрезентации характерна для всех видов общения и является трансляцией говорящим его личностных особенностей. Эффективная самопрезентация в процессе социального взаимодействия получила особую важность в условиях глобализации, международной интеграции и интенсификации межкультурной коммуникации.

Особенности самопрезентационного поведения обусловлены как психологическими факторами (включающими саморегулирование социального поведения, склонность управлять впечатлением о себе, экстраверсию, уверенность в себе, стремление к идеалу, умственные способности, степень агрессивности, эмоциональную устойчивость), так и социальными (социальный статус и профессия) и ситуационными факторами (степенью знакомства с адресатом, продолжительности общения, зависимости от адресата, публичности, следованию определенным социокультурным правилам общения).

Этническая, культурная и социальная идентичность предопределяют способ самоманифестации. Гендерная часть культуры общества предопределяет трансляцию женщинами и мужчинами в рассказе о себе нормативных представлений об одобряемых и неодобряемых обществом качествах представителей обоих полов, их внешности, одежде, аксессуарах, манере речи, достойных и недостойных поступках. Этнокультурные нормы и традиции общества обуславливают проявление этикетных и моральных норм в самопрезентации личности, воспитанной в той или иной культуре [Пчёлкина, 2022].

Социальный статус детерминирует активность, уровень уверенности в себе, потребность в социальном одобрении, разнообразие используемых стратегий в процессе самопрезентационного поведения коммуникантов [Савотина, 2022]. Профессиональная и возрастная принадлежность определяют предпочтение или избегание говорящим использования ассертивных тактик в вербальном самопредъявлении [Иванова, 2021].

Коммуникативная демонстративность самопрезентации основывается на следующих психологических потребностях говорящего: показать свою самобытность, подчеркнуть уникальность личностных качеств; быть популярным и уважаемым в обществе; обладать престижем, занимать доминирующее положение; вызывать интерес и зависть; слышать восхищение; повысить самооценку [Семенченко, 2022]. Она соотносится с акцентированным типом манипулятивной демонстративной тональности.

Различают несколько видов самопрезентации коммуникативной личности по пяти критериям: осознанность поступков (произвольная и непроизвольная), опосредованность (непосредственная и опосредованная), основной мотив (ассертивная и защитная), целенаправленность (проактивная и реактивная), способ (тактическая и стратегическая).

Стремление к материальному благополучию и продвижению по социальной лестнице ориентируют человека на ассертивную стратегию самовосхваления, доминирования и предпочтение ассертивной тактики самопрезентации.

Р.М. Аркин описывает такие разновидности самоподачи, как:

1. Присваивающая, связана с выбором ролей, которые соответствуют социальному положению и уровню образования, среды, в которой говорящий общается с равными себе;
2. Защитная, выражена в сознательном избегании неудач: коммуникант выбирает несоответствующую среду или с низкими требованиями, или с чрезмерно высокими (авантюристическая самопрезентация) [Михайлова, 2019].

О.А. Пикулева [2022] рассматривает 5 стратегий самопрезентации: аттрактивное поведение, самовозвеличивание, самооправдание, самоуничтожение и демонстрация силы или статуса. Указанные виды являются проявлением феномена коммуникативной демонстративности, образуя манипулятивную положительную и отрицательную ее разновидности.

Рассмотрим языковые стратегии и единицы, реализующие выделенные виды самопрезентации.

Лексико-фразеологические средства выражения самопрезентации как проявления акцентированной демонстративной тональности

Когда самопрезентация может помочь говорящему достичь нужную цель, она выражается в демонстративной форме в онтологических (личные истории) нарративах [Казяба, 2019; Кудрявцева, 2021, с. 143; Селютина, 2023]. Осознанное стремление представить себя в определенном свете, произвести должное впечатление на партнера по коммуникации достигается речевыми стратегиями манипулятивной положительной демонстративной тональности: упоминанием собственных достижений (описанием достоинств, рассказом об успехах, сообщением о прошлых достижениях) и хвастовством (преувеличением достижений).

Самопрезентация *аттрактивное вербальное поведение* часто используется для проекции собственного благоприятного имиджа в речевых актах благодарности, одобрения, учтивости, поддержки, похвалы и акцентирования собственных достоинств.

В некоторых ситуациях нарративы фатического общения включают в себя экспрессивные речевые действия этикетной коммуникации, реализуемые через единицы явной положительной коммуникативной демонстративности, которые направлены не столько на поддержку и высокую оценку собеседника, сколько на формирование в его сознании убеждения о наличии у говорящего социально- одобряемых черт вежливости, душевности и заботливости [Ахмадеева, 2023].

Например:

(1) *Рудин посмотрел на Пигасова <...>*

– *Дарья Михайловна ошибается, – начал он неверным голосом, – я не на одних женщин нападаю: я до всего человеческого рода не большой охотник.*

– *Что же вам могло дать такое дурное мнение о нем? – спросил Рудин.*

Пигасов глянул ему прямо в глаза.

– *Вероятно, изучение собственного сердца, в котором я с каждым днем открываю все более и более дряни. Я сужу о других по себе. Может быть, это и несправедливо, и я гораздо хуже других; но что прикажете делать? привычка!*

– *Я вас понимаю и сочувствую вам, – возразил Рудин. – Какая благородная душа не испытала жажды самоуничтожения? Но не следует останавливаться на этом безвыходном положении.*

– *Покорно благодарю за выдачу моей душе аттестата в благородстве, – возразил Пигасов, – а положение мое – ничего, недурно, так что если даже есть из него выход, то Бог с ним! я его искать не стану [Тургенев, 2011].*

В диалоге (1) гость литературно-музыкального салона барыни Ласунской Руднев, который прикладывает много стараний для того, чтобы произвести на окружающих хорошее впечатление, высказывает сочувствие завсегдаю Пигасову, страдающему от мизантропии. Используемые демонстративы эксплицитной нарративной тональности – однородные глаголы первого лица настоящего времени со значением «относиться с состраданием» и «постигать образ мысли» (*Я вас понимаю и сочувствую вам*) в сочетании с риторическим вопросом, содержащим положительный эпитет-комплимент (*благородная душа*) представляют говорящего чутким и благожелательным человеком.

Слова благодарности, использующиеся в повседневной речи как ответная реакция на поддержку, помощь и похвалу, также могут служить средством самоподачи, особенно когда употребляются в акцентированной или гиперболизированной формах. Они основываются на коммуникативных демонстративах – клишированных фразах: *большое спасибо, я вам так признателен, от всей души благодарю вас за... , спасибо большое, спасибоочки, спасибо огромное, спасибо, благодарю, благодарствую, крайне благодарен, признателен, очень (весьма) признателен, вы мне очень помогли, я вам обязан, я никогда не забуду* [Запрудская, 2022].

Например:

(2) *Прощайте, и еще раз спасибо, голубчик! – сказал Иван Алексеич. – Спасибо вам за ваше радушие, за ваши ласки, за вашу любовь... Никогда, во веки веков не забуду вашего гостеприимства* [Чехов, 1985].

Акцентированная демонстративная тональность в примере (2) актуализирует положительную оценку говорящим проявленной по отношению к нему заботы посредством частицы «спасибо», усилителя «во веки веков» и клишированной фразы «никогда не забуду» и показывает реципиенту наличие у собеседника такого личностного качества говорящего, как признательность.

Коммуникативная демонстративность самопрезентации-самовозвеличивания строится на языковых единицах, содержащих положительную информацию о себе (описывающих первенство, лидерство, способность преодолевать трудности, источник творческого вдохновения), упоминание своих текущих и прошлых достижений, хвастовство.

Например:

(3) *Вы не представляете, что это была у меня за роль! Вся Москва ходила смотреть* [Чехов, 1985; Линия жизни..., 2015].

В примере (3) актер показывает себя успешным, упоминая свою знаменитую роль графа Де Тревиля в комедии «Д'Артаньян и три мушкетера», употребляя гиперболу, выраженную определительным местоимением *вся*, и клишированную фразу и экспрессивный синтаксис.

(4) *Здравствуйте, меня зовут Роман Попов. Я актер агентства Actors by Novikov и, если вы смотрите это видео, значит вам нужен талантливый с более чем 20-летним опытом комедиант, богом поцелованный артист – и это все я* [Роман Попов..., 2022].

В монологе (4) демонстративная тональность речи выражена образным фразеологизмом (богом поцелованный), прилагательным с положительной коннотацией и местоимением *весь*, которые передают высокую самооценку и уверенность в своих способностях.

Демонстративная тональность самопрезентации-самоуничижения основывается на речевой стратегии подчёркивания отрицательной информации о себе (указания на свои отрицательные качества, рассказе о предосудительных поступках, упоминании собственных ошибок и неудач), эпатажа (рассказа о случаях нарушения закона) и актуализируется [Ливач, 2022].

Например:

(5) *Я – вишенка на куче отбросов. Никакого вкуса и совершенно вульгарное восприятие красоты. Я вижу красоту в мерзости* [Нутт..., 2021].

В речи панк дивы (5) манипулятивная коммуникативная демонстративность образована деформированным фразеологизмом «вишенка на торте», с заменой положительной лексической единицы на отрицательную, а также прилагательным с отрицательной коннотацией (вульгарный) и антитезы (красота-мерзость). Данные средства создают у реципиента представление о говорящей, как о человеке дерзком, резком, бунтующем против общественных правил и ограничений, нацеленном на следовании своему внутреннему голосу.

Коммуникативная демонстративность самопрезентации-демонстрации силы или статуса с целью повышения собственной значимости актуализируется в речевых тактиках и лексических способах выражения запугивания (угроза, шантаж), негативной оценки (критика, обвинение, упрек).

Типичными лексическими единицами манипулятивной отрицательной демонстративной тональности угрозы являются глаголы со значением влияния, принуждения и речевые штампы (Ты еще пожалеешь об этом!), оценочно-эмоциональная лексика при характеристике внешности, личностных качеств, интеллекта адресата [Szcześniak et al., 2021].

Например:

(6) Можешь на меня рассчитывать. Если что – сразу зови или угрожай моим именем. *Меня здесь все знают* [Осень, 2019].

(7) Рамона: Как ты можешь звонить сюда?! Он не мог к тебе вернуться, я уверена.

Сара: Ладно, Луис Альберто дома или нет?

Рамона: Я же сказала тебе – нет. И ничего ему передавать я не собираюсь. Я уверена, что он не может иметь с тобой ничего общего. И запомни: *поберегись*, если собираешься возобновить с ним отношения. *Берегись, Сара!* Если я узнаю об этом, *тебе не поздоровится*. Послушай, *я тебя из-под земли достану*. *Ты знаешь, кто я* [Родена, 1979–1980].

В примере (5) манипулятивная отрицательная демонстративная тональность отражает гнев, презрение и негодование старшей прислуги Рамоны тем, что бывшая гувернантка Сара пытается опорочить имя хозяина дома и заронить сомнение у его жены Розы в честности мужа своим телефонным звонком. Демонстративами выступают императивы (*Берегись, Сара!*) и множество фраз-клише (*тебе не поздоровится, я тебя из-под земли достану, ты знаешь, кто я*), к которым она прибегает для того, чтобы подчеркнуть свое сильное положение и превосходство над шантажисткой.

Выявленные типы речевой самопрезентации показывают, что для того, чтобы стать заметным среди равных, заинтересовать собой, подробностями своей жизни и деятельности, коммуниканты целенаправленно прибегают к явной манипулятивной коммуникативной демонстративности с акцентом на положительных или отрицательных сторонах собственной личности, создают свой выразительный образ.

Заключение

Таким образом, самопрезентация представляет собой конститутивный признак коммуникативной демонстративности и создается посредством лексико-семантических и стилистических средств, выбор которых задаётся дискурсивными обстоятельствами.

Вербальные средства самопрезентации, словесной реализации коммуникативной демонстративной модели речевого поведения, включают наборы лексико-семантических единиц, речевых формул, клише и стереотипных фраз для разных ситуаций самоподачи:

1. Самопрезентация-аттрактивное вербальное поведение образуется употреблением гиперболизированных форм этикетных клише, однородных глаголов первого лица настоящего времени со значением «сочувствовать» и «понимать», усилителей и фразеологизмов, риторических вопросов, содержащих эпитет-комплимент.

2. Самопрезентация-самовозвеличивание строится на использовании гиперболы, форм определительного местоимения *весь*, клишированных фраз, акцентирующих и эмоциональных частиц, экспрессивного синтаксиса, образных фразеологизмов, прилагательных с положительной коннотацией, передающих позитивную информацию о говорящем, подчеркивающих значимость имеющихся у него достижений.

3. Демонстративная тональность самопрезентации-самоуничижения отражает самобытность коммуниканта и актуализируется в речевой стратегии упоминания негативной информации о себе посредством деформированных фразеологизмов с заменой положительного компонента на отрицательный, частого использования местоимения *я*, прилагательных с отрицательной коннотацией и антитезы.

4. Коммуникативная демонстративность самопрезентации-демонстрации силы или статуса с целью акцентирования значимости своей личности реализуется в речевых тактиках и лексических способах выражения запугивания, негативной оценки с помощью глаголов со значением влияния, принуждения, речевых штампов, оценочно-эмоциональной лексики для характеристики личностных качеств адресата.

Список источников

- Линия жизни. Лев Дуров. 2015. Канал Культура, 27 августа 2015. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ms_WM5yaGfU
- Нутт – самый яркий фрик России. 2021. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mOh4m2b_20Q
- Осень Г. 2019. Выпускница академии. Флибуста. URL: <https://flibusta.su/book/4328-vyipusknitsa-akademii/>
- Родена И. 1979–1980. Богатые тоже плачут. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=RBN0_uSBBWA&list=PLx3MUemKdwJQSi9pPzPBEU4mYzxeRmHuS [Inés Alicia Rodena Collado. 1979. Los ricos también lloran.]
- Роман Попов – актерская визитка. 2022. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LyIA_ucpmHg
- Тургенев И.С. 2011. Рудин. Под ред. А.С. Степановой. Москва, Азбука, 288 с.
- Чехов А.П. 1985. Верочка. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 6. М., Наука, 736 с.

Список литературы

- Ахмадеева Е.В. 2023. Исследование взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей и стратегий самопредъявления в межличностных отношениях. *Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология*, 6(1): 62–72. DOI: [10.23947/2658-7165-2023-6-1-62-72](https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-1-62-72)
- Запрудская О.В. 2022. Благодарность в политической коммуникации как средство манипуляции и суггестии. *Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, (19)2: 65–72. DOI: [10.14529/ling220209](https://doi.org/10.14529/ling220209)
- Иванова В.И. 2021. Профессиональная самопрезентация в жанре резюме: прагматические и языковые аспекты. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 3(42): 68–77.
- Казяба В.В. 2019. Вербальная самопрезентация немецкоязычных инфлюенсеров в Instagram. *Научный диалог*, 9: 88–102. DOI: [10.24224/2227-1295-2019-4-88-102](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-4-88-102)
- Карасик В.И. 2017. Коммуникативная тональность: типы и способы выражения. *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*, 2(18): 75–89.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. 2021. Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1: 14–31. DOI: [10.29025/2079-6021-2021-1-14-31](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31)
- Корягина Н.А. 2020. Самопрезентация и убеждающая коммуникация. Москва, Юрайт, 225 с.
- Кудрявцева З.Г. 2021. Виды нарративов в политическом дискурсе. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4(43): 142–146. DOI: [10.36622/AQMPJ.2021.60.37.021](https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.60.37.021)
- Ливач Е.А. 2022. Аутоагрессия нарциссических пациентов в исследованиях О. Кернберга. В кн.: VI Фрейдовские чтения: категории различий в психоанализе и психологии. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, 10 мая 2022 г., Санкт-Петербург. Под ред. М.М. Решетникова. Санкт-Петербург, Восточно-европейский институт психоанализа: 119–132.
- Михайлова С.А. 2019. Феномен самопрезентации: стратегии и тактики. В кн.: Сборник докладов XIV межвузовской конференции молодых ученых по результатам исследований в области педагогики, психологии, социокультурной антропологии. Материалы конференции (23 апреля 2019 г., Москва). Под ред. Т.Н. Сахаровой. Москва, Московский педагогический государственный университет: 79–82.
- Пикулева О.А. 2022. Психология самопрезентации личности. Москва, НИЦ ИНФРА-М, 320 с.
- Пчелкина Д.С. 2022. Формы этнической культуры коренных малочисленных народов севера. В кн.: Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. Материалы Международной научной конференции (25–27 ноября 2017 г., Красноярск). Под ред. Н.П. Копцевой. Красноярск, Сибирский федеральный университет: 81–86.
- Савотина А.Д. 2022. Психология социальных сетей. Формирование виртуального социального статуса человека. В кн.: Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей LI Международной научно-практической конференции, 15 января 2022 г., Пенза. В 2 ч. Ч. 2. Под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.): 175–177.

- Селютин Е. 2023. Витальная миссия творчества в эго-нарративах современных авторов. *Quaestio Rossica*, 11(1): 156–169. DOI: [10.15826/qr.2023.1.781](https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.781)
- Семенченко А.А. 2022. Управление впечатлением в обществе, самопрезентация. В кн.: Общение в эпоху конвергенции технологий. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, 9–11 декабря 2021 г., Москва. Т. 1. Под ред. Н.Л. Карповой, Е.А. Петровой, О.В. Зотовой. Москва, Психологический институт Российской академии образования: 373–375. DOI: [10.24412/cl-36917-2022-373-375](https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-373-375)
- Тисленкова И.А. 2021. Языковые средства актуализации высокого уровня профессионализма говорящего в нарративном интервью (на материале английского языка). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 8(161): 146–152.
- Тисленкова И.А., Глебова Е.А., Бганцева И.В. 2019. Возрастные семантико-стилистические функции местоимения я-one в речи англичан престижных социальных групп. *Современные исследования социальных проблем*, 11(4): 292–303. DOI: [10.12731/2077-1770-2019-4-292-303](https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-4-292-303)
- Чередниченко И.Г. 2021. Век самопрезентации: свобода без ответственности. В кн.: Актуальные проблемы гуманитарных наук. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20 февраля 2021 г., Нижневартовск). Под ред. Д.А. Погоньшева. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет: 477–481. DOI: [10.5281/zenodo.4954986](https://doi.org/10.5281/zenodo.4954986)
- Al-Mamoory S.M.A. 2023. Positive Self-presentation and Negative Other Presentation as an Exemplification Self-presentational Strategy: A Critical Pragmatic Analysis. *Journal for ReAttach Therapy and Developmental Diversities*, 6(4s): 378–384.
- Barmaki R. 2021. Erving Goffman's View of "Deviance": "Self" and "Society" as the Sources of Deviancy and Conformity. *Deviant Behavior*, (42)2: 147–161. DOI: [10.1080/01639625.2019.1658845](https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1658845)
- Szcześniak M., Mazur P., Rodzeń W., Szpunar K. 2021. Influence of Life Satisfaction on Self-Esteem Among Young Adults: The Mediating Role of Self-Presentation. *Psychology Research and Behavior Management*, 14: 1473–1482. DOI: [10.2147/PRBM.S322788](https://doi.org/10.2147/PRBM.S322788)

References

- Akhmadeeva E.V. 2023. The study of the relationship of individual psychological characteristics and self-expression strategies in interpersonal relationships. *Innovatsionnaya nauka: Psikhologiya. Pedagogika. Defektologiya*, 6 (1): 62–72. DOI: [10.23947/2658-7165-2023-6-1-62-72](https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-1-62-72)
- Zaprudskaya O.V. 2022. Gratitude in political communication as a means of manipulation and suggestion. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, (19)2: 65–72
- Ivanova V.I. 2021. Professional'naya samoprezentatsiya v zhanre rezyume: pragmaticheskie i yazykovye aspekty [Professional self-presentation in the resume genre: pragmatic and linguistic aspects]. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 3 (42): 68–77.
- Kazyaba V.V. 2019. Verbal self-representation of german-speaking influencers in Instagram. *Nauchnyi dialog*, 9: 88–102 (in Russian). DOI: [10.24224/2227-1295-2019-4-88-102](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-4-88-102)
- Karasik V.I. 2017. Communicative tonality: types and means of expression. *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, 2 (18): 75–89.
- Karasik V.I., Slyshkin G.G. 2021. Modern discourse developmental trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1: 14–31 (in Russian). DOI: [10.29025/2079-6021-2021-1-14-31](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31)
- Koryagina N.A. 2020. Samoprezentatsiya i ubezhdayushchaya kommunikatsiya [Self-presentation and persuasive communication]. Moscow, Publ. Yurayt, 225 p.
- Kudryavtseva Z.G. 2021. The types of narrative in political discourse. *Actual issues of modern philology and journalism*, 4(43): 142–146 (in Russian). DOI: [10.36622/AQMPJ.2021.60.37.021](https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.60.37.021)
- Livach E.A. 2022. Auto-aggression in narcissic patients in otto kernberg's studies. In: VI Freydovskie chteniya: kategorii razlichiy v psikhoanalize i psikhologii [VI Freudian readings: categories of differences in psychoanalysis and psychology]. Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference, May 10, 2022, St. Petersburg, Ed. M.M. Reshetnikov. St. Petersburg, Publ. Vostochno-evropeyskiy institut psikhoanaliza: 119–132.
- Mikhaylova C.A. 2019. Fenomen samoprezentatsii: strategii i taktiki [The phenomenon of self-presentation: strategies and tactics]. In: Sbornik dokladov XIV Mezhevuzovskoy konferentsii molodykh uchenykh po rezul'tatam issledovaniy v oblasti pedagogiki, psikhologii, sotsiokul'turnoy antropologii. [Collection of reports of the XIV Interuniversity Conference of Young Scientists on the results of research in the field of pedagogy, psychology, sociocultural anthropology]. Conference

- materials (April 23, 2019, Moscow). Ed. T.N. Sakharova. Moscow, Publ. Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet: 79–82.
- Pikuleva O.A. 2022. Psikhologiya samoprezentatsii lichnosti [Psychology of personality self-presentation]. Moscow, Publ. NITs INFRA-M, 320 p.
- Pchelkina D. S. 2022. Formy etnicheskoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov severa [Forms of ethnic culture of indigenous peoples of the north]. In: Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX-XXI vekakh: opyt i perspektivy [Specifics of ethnic migration processes in the territory of Central Siberia in the XX-XXI centuries: experience and prospects]. Proceedings of the International Scientific Conference (November 25–27, 2017, Krasnoyarsk). Ed. N.P. Koptseva. Krasnoyarsk, Publ. Sibirskiy federal'nyy universitet: 81–86.
- Savotina A.D. 2022. Psychology of social networks. Creating a virtual social standing. In: Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii [Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations]. Collection of articles of the LII International Scientific and Practical Conference (January 15, 2022, Penza). In 2 parts. Part 2. Ed. G.Yu. Gulyaev. Penza, Publ. Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.): 175–177.
- Selyutina E. 2023. The Vital Mission of Creative Work in Contemporary Authors' Ego- Narratives. *Quaestio Rossica*, 11(1): 156–169 (in Russian). DOI: [10.15826/qr.2023.1.781](https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.781)
- Semenchenko A.A. 2022. Impression management in society, self-presentation. In: Obshchenie v epokhu konvergentsii tekhnologiy [Communication in the era of technology convergence]. Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference (December 9–11, 2021, Moscow). T. 1. Ed. N.L. Karpova, E.A. Petrova, O.V. Zotova. Moscow, Publ. Psikhologicheskii institut Rossiyskoy akademii obrazovaniya: 373–375. DOI: [10.24412/cl-36917-2022-373-375](https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-373-375)
- Tislenkova I.A. 2021. Language means of the actualization of the high level of the speaker's professionalism in the narrative interview (based on the English language). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8(161): 146–152.
- Tislenkova I.A., Glebova E.A., Bgantseva I.V. 2019. Age-related semantic and stylistic functions of pronoun i-one in the speech of upper-class englishmen. *Modern Studies of Social Issues*, 11(4): 292–303 (in Russian). DOI: [10.12731/2077-1770-2019-4-292-303](https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-4-292-303)
- Cherednichenko I.G. 2021. Vek samoprezentatsii: svoboda bez otvetstvennosti [The age of self-presentation: freedom without responsibility]. In: Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk. [Current problems of the humanities]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, February 20, 2021, Nizhnevartovsk. Ed. D.A. Pogonyshev. Nizhnevartovsk, Publ. Nizhnevartovskiy gosudarstvennyy universitet: 477–481. DOI: [10.5281/zenodo.4954986](https://doi.org/10.5281/zenodo.4954986)
- Al-Mamoory S.M.A. 2023. Positive Self-presentation and Negative Other Presentation as an Exemplification Self-presentational Strategy: A Critical Pragmatic Analysis. *Journal for ReAttach Therapy and Developmental Diversities*, 6(4s): 378–384.
- Barmaki R. 2021. Erving Goffman's View of "Deviance": "Self" and "Society" as the Sources of Deviancy and Conformity. *Deviant Behavior*, 42(2): 147–161. DOI: [10.1080/01639625.2019.1658845](https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1658845)
- Szcześniak M., Mazur P., Rodzeń W., Szpunar K. 2021. Influence of Life Satisfaction on Self-Esteem Among Young Adults: The Mediating Role of Self-Presentation. *Psychology Research and Behavior Management*, 14: 1473–1482. DOI: [10.2147/PRBM.S322788](https://doi.org/10.2147/PRBM.S322788)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.06.2023

Поступила после рецензирования 06.09.2023

Принята к публикации 10.09.2023

Received June 18, 2023

Revised September 06, 2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тисленкова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки», Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Tislenkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

УДК 811.11-112

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-3-585-592

Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности

¹ Чекулай И.В., ¹ Кучмистый В.А., ² Шустов Д.В., ¹ Прохоров Н.А.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85

chekulai@bsu.edu.ru, kuchmistyy@bsu.edu.ru, prokhorov_n@bsu.edu.ru;

² Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46

shustov_689@mail.ru

Аннотация. Изучение дистинктивных характеристик лингвопсихологического типа и лингвокультурного типажа «трикстера» представляется значимым в парадигме изучения феномена языковой личности. С этих позиций были проанализированы образы наиболее известных представителей данного типажа в мировой художественной литературе и факты речевых поступков некоторых реальных людей. Подчеркнуто различие трактовок архетипа «трикстер» в работах отечественных ученых и зарубежных исследователей. Сделан вывод о том, что лингвокультурный типаж «трикстер» носит универсальный характер и прослеживается в разных культурах. Для него характерны такие черты, как способность к самоуправлению, но не самодисциплине; отсутствие серьезной привязанности к кому-либо, отсутствие четкой иерархии ценностей, гибкость мышления и быстрая приспособляемость в поведении. В качестве одной из ключевых черт выделена склонность к игре и театральности. Сделан вывод о высокой частоте использования данного типажа в отечественной и зарубежной художественной литературе и кинематографе.

Ключевые слова: трикстер, лингвопсихологический тип, политический дискурс, контент анализ

Для цитирования: Чекулай И.В., Кучмистый В.А., Шустов Д.В., Прохоров Н.А. 2023. Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 585–592. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-585-592

Linguocultural Type "Trickster" As a of the Study of the Phenomenon of Linguistic Personality

¹ Igor V. Chekulai, ¹ Vladislav A. Kuchmistyy,

² Dmitriy V. Shustov, ¹ Nicholas A. Prokhorov

¹ Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia

chekulai@bsu.edu.ru, kuchmistyy@bsu.edu.ru, prokhorov_n@bsu.edu.ru;

² Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russia

shustov_689@mail.ru

Abstract. The study of the distinctive characteristics of the linguistic-psychological type and the linguistic-cultural type of trickster seems to be of certain importance within the paradigm of studying the phenomenon of linguistic personality. The most famous representatives of this type from world fiction, as well as the

speech peculiarities of the certain known persons, were analyzed. The difference between the interpretations of the archetype "trickster" from the point of view of not only domestic, but also foreign researchers, has been laid an emphasis on. The authors conclude that the linguistic and cultural type of "trickster" is universal and can be traced in different cultures. Typical for him are such traits as the ability to self-government, but not self-discipline; lack of strong human attachment, lack of a clear hierarchy of values, flexible thinking and quick adaptability in behavior. The propensity for acting and theatricality is highlighted as one of the key features. In conclusion, the authors point out the high frequency in the use of this type in domestic and foreign fiction and cinema.

Keywords: trickster, linguopsychological type, political discourse, content analysis

For citation: Chekulai I.V., Kuchmistyy V.A., Shustov D.V., Prokhorov N.A. 2023. Linguocultural Type "Trickster" As a of the Study of the Phenomenon of Linguistic Personality. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 585–592 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-585-592

Введение

Как известно, термин «лингвокультурный типаж» впервые появляется в работе В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой «Лингвокультурный типаж: к определению понятия». Они определяют лингвокультурные типы как «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 8]. Результаты этого исследования значимо повлияли на общую картину исследования языковой личности.

Лингвокультурный типаж является репрезентантом определённой имеющей значение и языковую идентификацию в пределах данного лингвокультурного сообщества или, по крайней мере, узнаваемой в обществе, сферы системной деятельности. В рамках отечественного изучения языковой личности в целом и лингвокультурного типажа в частности исследования профессиональных лингвокультурных типов выполняются на материале разных языков, что является свидетельством универсального характера данного явления. В качестве примеров следует привести исследования таких наиболее «популярных» для лингвистического изучения профессий и видов деятельности в англо-саксонской лингвокультуре, как «американский бизнесмен» [Чекаева, 2012, с. 21], «американский адвокат» [Гуляева, 2009, с. 17], «британский колониальный служащий» [Деревянская, 2005, с. 202], «британский чудак» [Ярмахова, 2005, с. 12], «английский сноб» [Коровина, 2008, с. 9] и многие другие.

Следует отметить, что объект нашего исследования – трикстер как лингвокультурная данность – впервые появляется в работе В.И. Карасика и Е.А. Ярмаховой.

Остановимся на проблеме лингвокультурного типажа подробнее.

Объект и методы исследования

С одной стороны, это вполне приемлемый термин для описания некоторого парадигматического типа личности, существующей в сознании языкового социума. Но, с другой стороны, существуют различные критерии, которые вынуждают говорить о некоторой расплывчатости этого термина.

Как можно было видеть из приведенных примеров работ в данной области, в понятие лингвистического типажа включаются, во-первых, представители определённых профессий или родов занятий, а именно то, какими презумпциями различные представители языкового социума «наделяют» представителей одной и той же профессии. В этой связи заслуживает внимания диссертация Н.Г. Шаповаловой, посвящённая конфликтной языковой личности в русском массмедийном дискурсе, а именно телеведущему и шоумену Дмитрию Нагиеву, подчеркивая эпатажность его поведения как характерную индивидуальную черту [Шаповалова, 2008, с. 12].

С другой стороны, под понятие «лингвистический типаж» можно подвести и определённую поведенческую парадигму. Несомненно, к «чудаку» и «снобу» можно также добавить и «педанта», «филистера», «бонвивана» и другие поведенческие парадигмы.

Как нетрудно заметить, все поведенческие типажы отмечены стигмой оценочного отношения. В подтверждение этого тезиса можно привести слова И.В. Чекулая, который, ссылаясь на философское понятие оценки как языкового или иного внешнего выражения ценности, утверждает, что за любым оценочным отношением стоит ценностное отношение [Чекулай, 2006а, с. 36; 2006б, с. 283]. Но если по роду занятий или по иным социально значимым признакам (например, гендер, возраст, имущественное положение и т.п.) можно выделить определённый лингвокультурный типаж (например, Дениску Кораблёва из рассказов В. Драгунского можно назвать «сорванцом»), то какие объективные критерии следует выделить для описания этих поведенческих типов? Людям свойственно вести себя по-разному в различных социальных условиях и тем самым в различных коммуникативных ситуациях. Означает ли это, что при отнесении того или иного литературного персонажа, известного в обществе человека или просто родственника, знакомого или коллеги по работе в прокрустово ложе определённого лингвокультурного типажа следует ориентироваться лишь только на оценочное, а тем самым субъективированное отношение представителей определённого языкового социума к этому человеку?

Очевидно, в связи с этим необходим поиск иных, дополнительных критериев определения процесса, на основании которого люди относят других людей к определённому лингвокультурному типу. По нашему мнению, в исследованиях данной проблемы намечается новый этап, предполагающий выход на отличные от субъективных критериев оценочной квалификации людей в терминах теории языковой личности в целом и лингвокультурного типажа в частности.

Трикстер как социально обусловленный объект данного исследования имеет свои специфические особенности, которые так или иначе относят его в особую категорию опыта рубрикации в сознании и в языке в определённой лингвокультуре или в различных лингвокультурах. В связи с этим полагаем необходимым обратиться к методологическим основам выделения данного социокультурного типа в языке.

Следует отметить, что термин «трикстер» в качестве научного в отечественной научной мысли выделился относительно недавно. В частности, словарная статья в такой форме отсутствует в «Большой Советской Энциклопедии», но зато даётся в «Большой Российской Энциклопедии»: «ТРИКСТЕР (англ. Trickster – обманщик, ловкач), мифологический плут, тип культурного героя. Т. действует хитростью, часто с проявлением гипертрофированной похоти и обжорства, с нарушением моральных норм и религиозных табу, что может приводит к катастрофическим, но иногда также к благодетельным для мира последствиям – в таком случае роль Т. сближается с функцией демиурга. Т. может выступать комическим двойником или демоническим антагонистом демиурга (включая Ангро-Майню в зороастризме, дьявола в христианстве и т.п.), в т.ч. его близнецом. Образ Т., сочетающий комические и зловещие черты, отражает потребность культуры в пародировании, «крнавализации» (в терминологии М.М. Бахтина). Черты Т. сохранились в мифологических персонажах типа греч. Гермеса и герм. Локи, героях волшебных сказок (герой-неудачник типа Ивана-дурака), сказок о животных, животного эпоса, басен, комических рассказов и анекдотов, плутовского романа, амплуа комика в классическом театре, мотиве двойничества в литературе в т.п.». Как видим, это понятие возникло в сфере фольклористики и мифологии.

В ходе совместной деятельности люди замечали, что в их среде есть люди, ведущие себя вопреки установленным правилам и часто в силу этого достигающие значительных успехов. Всем известна история о том, как в древние времена мудрец Гордий завязал такой узел, который никто не мог развязать, и когда эту задача встала перед Александром Македонским, он поступил просто – он ориентировался на результат (узел должен

перестать существовать), а не на процесс (то, что его обязательно нужно было именно развязывать), и поэтому просто разрубил его. Люди, мыслящие нетривиально в определённых проблемных ситуациях, всегда становились объектом внимания, а зачастую и почитания, в том социуме, где они жили и с которым взаимодействовали. При этом они могли переступать через нормы морали и этики, в битве за выживание не пренебрегали никакими средствами, и потому эти людям зачастую наделялись сверхъестественными свойствами. Именно поэтому любой пантеон демиургов в основном состоял из личностей, которые сочетали в себе черты простых, обычных людей и некоторые свойства, которые представлялись в этом социуме как исходящие от высших сил. Это и отражалось в историях, мифах и сказках об этих существах. При этом люди всё-таки сомневались, что нормальный человек способен к таким действиям, и поэтому чаще всего эти демиурги облекались в форму деревьев, животных, различных явлений природы, которые были доступны непосредственному созерцанию людей. Таковы, например, демы в преданиях папуасов племени маринд-аним, которые приобретают формы животных (казуара, крокодила, попугая), деревьев (ротанговой, кокосовой и саговой пальмы, банана, кротона) и др. [Бирц, Неверман, 1981, с. 181–183], Ворон и Койот в сказаниях индейцев Северной Америки, которые создают реки и моря, лечат людей и даже других демиургов, и при этом их речь обладает трудно декодируемой спецификой. Так, в частности, Ворон на вопрос людей, откуда он пришёл, отвечает: «Я пришёл отовсюду» [Мифы, сказки..., 1997, с. 27].

В англоязычной лексикографии можно встретить неоднозначные трактовки понятия «трикстер». В частности, в энциклопедии “Encyclopedia Britannica” словарная статья *trickster* отсутствует, но зато в ней находим словарную статью “Trickster tale”, в которой даётся следующее определение этого понятия:

Trickster tale, in oral traditions worldwide, a story featuring a protagonist (often an anthropomorphized animal) who has magical powers and who is characterized as a compendium of opposites. Simultaneously an omniscient creator and an innocent fool, a malicious destroyer and a childlike prankster, the trickster-hero serves as a sort of folkloric scapegoat onto which are projected the fears, failures, and unattained ideals of the source culture.

Как можно видеть, это определение перекликается с отечественным в том, что жизнь концепту, выражаемому термином «трикстер», дают, в первую очередь, бытовой и религиозный фольклор. В то же время в англоязычных лексикографических изданиях можно встретить и дефиницию этого понятия в его отнесённости к человеку определённого поведения. Так, в частности, в толковом словаре Collins Cobuild даётся следующая словарная статья:

“A **trickster** is a person who deceives or cheats people, usually in order to get money from them; a rather old-fashioned word” [Sinclair, 1990, p. 1561].

Однотипное определение даётся и в *New Webster’s Dictionary of the English Language*: ‘trickster... *n.* A person who plays tricks on others; a deceiver; a cheat” [New Webster’s..., 1988, p. 1646].

Теперь хотелось бы остановиться на междисциплинарной сущности этого понятия. Хотя это и несколько не согласуется с вышеприведенными определениями из англоязычных толковых словарей, термин «трикстер» используется не только в гуманитарных науках, но и в психологии. И, соответственно, он получает более сложные семантические интерпретации. В настоящее время трикстер стал предметом исследования множества ученых – философов, антропологов, культурологов, фольклористов, театроведов и др. К концу XX века в философии и культурологии трикстер был признан одним из основополагающих персонажей человеческой культуры.

В научный обиход данный термин относительно недавно (а именно в 1956 году в монографии “Trickster”) ввел американский исследователь мифов североамериканских индейцев Пол Радин. Тем не менее, следует отметить, что первым внедрил этот термин в науку Карл Густав Юнг.

На наш взгляд, достаточно содержательно и всесторонне образ трикстера обоснован О.Н. Прохоровой и И.В. Чекулаем в работе ««Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве» [Прохорова, Чекулай, 2011, с. 214-215]. Сразу хотелось бы отметить, что «трикстер» определяется не как тип языковой личности или лингвокультурного персонажа, а как «лингвопсихологический тип», что, на наш взгляд, наиболее чётко отражает сущность трикстера как особого гуманитарного понятия. Как отмечают авторы, «определение понятия ТРИКСТЕР не представляет особой сложности к его пониманию» [Прохорова, Чекулай, 2011, с. 214-215].

О.Н. Прохорова и И.В. Чекулай отмечают также многогранность этого понятия, по их мнению, трикстер (по крайней мере, в художественной литературе) выходит за рамки тех его атрибутов, о которых речь шла выше. По их мнению, трикстер может обладать и лукавством, и остроумием, и простодушием, и даже может разыгрывать из себя недалекого человека, но при этом он отнюдь не глуп уже хотя бы потому, что способность разыгрывать, а не просто обманывать людей явно несвойственна людям с ограниченными интеллектуальными характеристиками [Прохорова, Чекулай, 2011].

Трикстеры в российской литературе зачастую были именно простыми, достаточно откровенными персонажами, но отнюдь не человеконенавистниками, и их «зловредность» была направлена исключительно на людей, совершавших гадости, подлости, нечистых на руку и т. п. Это и Иванушка-Дурачок, и Балда, и шут Фома из «Русских народных сказок» А.Н. Афанасьева, которые наказывают злых братьев, скупого попа и других отрицательных персонажей. В цикле сказок народов Африки о трикстере-пауке Ананси наказывает злых, жадных и самоуверенных животных, которые намного сильнее его (тигра, крокодила и прочих). Очевидно, в этих образах отражается извечная мечта простого народа о том, что бедный и угнетённый человек всегда сумеет наказать поступающих с ним несправедливо сильных мира сего, если поведёт себя остроумно.

В отечественной литературе классическим образом трикстера считается Остап Бендер, в образе которого, кстати, проявляется и еще одна черта трикстера, на которую не указывалось ни в одном из исследований. В большинстве случаев он прагматичен и стремится во всём найти удовлетворение собственных материальных или иных личных интересов. Например, одним из классических образов литературы Возрождения является Панург из произведений Ф. Рабле о Гаргантюа и Пантагрюэле, который сначала оскорбляет владельца овечьего стада, а когда тот в отместку начинает оскорблять Панурга, называя его «рогоносцем», бросает в море одну из овец, за которой вслед бросаются прочие овцы и их владелец в отчаянной попытке спасти хоть одну из них. Несомненно, последнего губят собственные заносчивость и жадность, но действия Панурга едва ли можно оценивать как положительные с точки зрения человечности и морали.

Собственно говоря, литературный трикстер зачастую делает зло во имя зла, не задумываясь о последствиях и в то же время пытаясь получить определённую выгоду. При этом он часто оказывается «при собственном интересе». Именно эта особенность трикстера сопровождает многие литературные произведения. Без каких-либо средств к существованию в конечном счёте остаётся вчерашний миллионер Остап Бендер.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Данное понятие не сводится к каким-либо четко очерченным социальным параметрам. Трикстером может быть простолюдин и представитель знати, человек, облечённый властью, и маргинал. Трикстер не имеет национальности; это литературный мировой, можно сказать, универсальный тип художественного изображения. Он способен к самомобилизации, но неспособен постоянно соблюдать дисциплину, поэтому трикстеры крайне редко встречаются в силовых структурах, где строгая служебная иерархия и дисциплина являются основными

требованиями. У него нет серьезных привязанностей, хотя и он способен к глубоким переживаниям и чувствам. Игра для него не просто любимое занятие, а образ жизни. Он способен поставить на кон всю предыдущую жизнь, при этом часто оказывается в проигрыше, но недолго переживает из-за этого, поскольку ищет новые пути для самореализации своей «трикстерской сущности».

Существует сфера реальной жизни, которая, как правило, становится нишей для человека, ищущего острых ощущений в жизни, игрока по натуре. Это сфера удовлетворения сильных амбиций и страстей, желаний и стремлений. Точнее говоря, это несколько взаимосвязанных между собою сфер, а именно, это политика (включая власть), искусство и журналистика.

Несомненно, все эти сферы имеют собственные дискурсивно-лингвистические параметры, и поэтому попытка рассматривать существенные лингвистические характеристики трикстера как лингвокультурного типажа или как языковую личность безотносительно границ между этими разновидностями институционального дискурса были бы практически обречены на выяснение особенностей идиолекта некоторой психологической разновидности личности.

Таким образом, трикстер – это особый лингвокультурный типаж, который обладает рядом черт, позволяющих выделить его наряду с другими типажамми языковой личности. Прежде всего следует отметить, что он носит универсальный характер и прослеживается в разных лингвокультурах. Для него типичны такие черты, как способность к самоуправлению, но не самодисциплине; отсутствие привязанности. Игра – это способ его существования. Этот типаж характерен для художественной литературы и кинематографии, но встретить трикстера можно и в реальной жизни.

Список источников

- Бирц П., Неверман Г. 1981. Мифы и предания папуасов маринд-аним. Пер. с нем. Г.Л. Пермякова и М.С. Харитоновой. Под ред. Б.Н. Путилова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 352 с. (Wirz P. 1922-1925. Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neuguinea. 4 t. en 2 vol. Hamburg, L. Friederichsen; Nevermann H. 1957. Söhne des tötenden Vaters. Dämonen- und Kopfjägergeschichten aus Neuguinea. Kassel, 225 p.)
- Мифы, сказки и легенды индейцев: Северо-западное побережье Северной Америки. 1997. Пер. с индейских, англ. и нем. яз. Н.Б. Вахтина и О.И. Романовой. Под ред. О.И. Романовой. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 519 с.
- Трикстер. 2022-2023. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/trikster-d812ae> (дата обращения: 07.07.2022).
- Шабалина Т. 1997–2023. Трикстер. Энциклопедия Кругосвет. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/TRIKSTER.html#:~:text (дата обращения: 07.07.2022).
- New Webster's Dictionary of the English Language. 1988. New Dehli, Surjeet Publications, 1822 p.
- Sinclair J. 1990. Collins Cobuild English Language Dictionary. London & Glasgow, Collins, 1703 p.

Список литературы

- Гуляева Е.В. 2009. Лингвокультурный типаж «американский адвокат». Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 24 с.
- Деревянская В.В. 2005. Лингвокультурный типаж «английский колониальный служащий». В кн.: Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии. Сборник научных трудов Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, Парадигма: 202–211.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. 2005. Лингвокультурный типаж: к определению понятия В кн.: Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии. Сборник научных трудов. Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, Парадигма: 5–25.
- Коровина А.Ю. 2008. Лингвокультурный типаж «английский сноб». Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 25 с.

- Прохорова О.Н., Чекулай И.В. 2011. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 6(101): 213–221.
- Чекаева В.В. 2012. Лингвокультурный типаж «Американский бизнесмен»: ценностные характеристики. В кн.: Молодежь и наука. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского (19–27 апреля 2012 года, Красноярск). Под ред. О.А. Краева. Красноярск, Сибирский федеральный университет. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/7188> (дата обращения: 13.09.2016).
- Чекулай И.В. 2006а. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород, Изд. Белгородского гос. ун-та, 234 с.
- Чекулай И.В. 2006б. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 473 с.
- Шаповалова Н.Г. 2008. Модель конфликтной личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета). Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 21 с.
- Ярмахова Е.А. 2005. Лингвокультурный типаж «английский чудак». Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 24 с.

References

- Gulyaeva E.V. 2009. Lingvokul'turnyy tipazh «amerikanskiy advokat» [Linguistic and cultural type "American lawyer"]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Volgograd, 24 p.
- Derevyanskaya V.V. 2005. Lingvokul'turnyy tipazh «angliyskiy kolonial'nyy sluzhashchiy» [Linguistic and cultural type "English colonial employee"]. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological Linguistics: Linguistic and Cultural Types]. Collection of scientific papers. Ed. V.I. Karasik. Volgograd, Publ. Paradigma: 202–211.
- Karasik V.I., Dmitrieva O.A. 2005. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguistic and cultural type: to the definition of the concept]. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural types]. Collection of scientific papers. Ed. V.I. Karasik. Volgograd, Publ. Paradigma: 5–25.
- Korovina A.Yu. 2008. Lingvokul'turnyy tipazh «angliyskiy snob» [Linguistic and cultural type "English snob"]. Abstract ... cand. philol. Sciences. Volgograd, 25 p.
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V. 2011. “Trickster” as a linguo-psychological type and its linguistic representation in the space of fiction. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 6(101): 213–221 (in Russia).
- Chekaeva V.V. 2012. Lingvokul'turnyy tipazh «Amerikanskiy biznesmen»: tsennostnye kharakteristiki [Linguistic and cultural type "American businessman": value characteristics]. In: *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Collection of materials of the VIII All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young scientists, dedicated to the 155th anniversary of the birth of K.E. Tsiolkovsky 9April 19-27, 2012, Krasnoyarsk). Ed. O.A. Kraev. Krasnoyarsk, Publ. Sibirskiy federal'nyy universitet. Available at: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/7188> (accessed: September 13, 2016).
- Chekulay I.V. 2006а. Funktsional'no-deyatel'nostnyy podkhod k izucheniyu printsipov otsenochnoy kategorizatsii v sovremennom angliyskom yazyke [Functional-activity approach to the study of the principles of evaluative categorization in modern English]. Belgorod, Publ. Belgorodskogo gos. un-ta, 234 p.
- Chekulay I.V. 2006б. Tsennost' i otsenka v kategorial'noy strukture sovremennogo angliyskogo yazyka [Value and Evaluation in the Categorical Structure of Modern English]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Belgorod, 473 p.

- Shapovalova N.G. 2008. Model' konfliktnoy lichnosti uchastnika massmediynogo diskursa (na materiale radio, televideniya i Interneta) [Model of the conflict personality of a participant in the mass media discourse (on the material of radio, television and the Internet)]. Abstract ... cand. philol. Sciences. Saratov, 21 p.
- Yarmakhova E.A. 2005. Lingvokul'turnyy tipazh «angliyskiy chudak» [Linguistic and cultural type "English eccentric"]. Abstract ... cand. philol. Sciences. Volgograd, 24 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.07.2023

Received July 01, 2023

Поступила после рецензирования 19.07.2023

Revised July 19, 2023

Принята к публикации 10.09.2023

Accepted September 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Igor V. Chekulay, Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Кучмистый Владислав Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Vladislav A. Kuchmisty, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Шустов Дмитрий Вадимович, преподаватель кафедры иностранных языков, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Dmitry V. Shustov, Lecturer, Department of Foreign Languages, Belgorod Technological University. V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

Прохоров Николай Александрович, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nikolai A. Prokhorov, Postgraduate Student, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.